

ИСКАТЕЛЬ

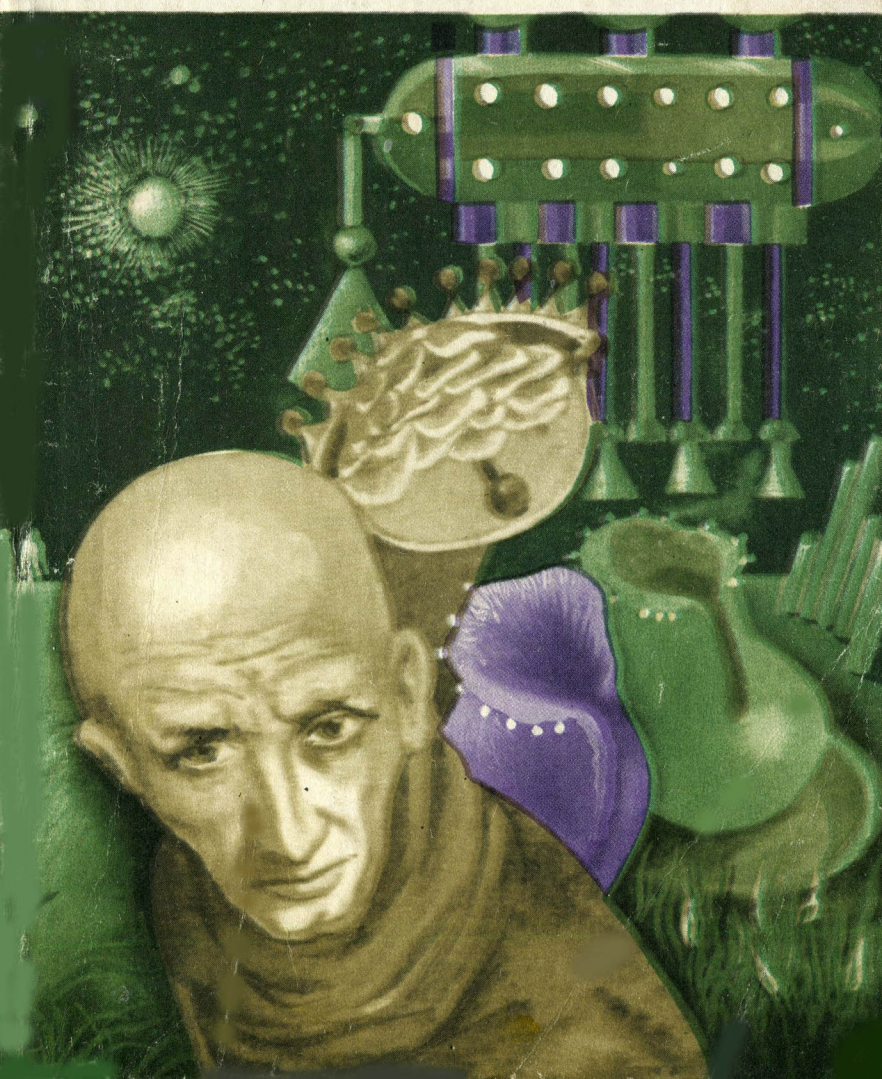
ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

5

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

1985

ИСКАТЕЛЬ 5

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА
1985

В ВЫПУСКЕ:

2 Леонид ПАНАСЕНКО
Школа Литтлмена
Фантастическая повесть

24 Михаил ПУХОВ
Разветвление
Фантастическая повесть

54 Владимир МИХАНОВСКИЙ
Первый контакт
Фантастическая повесть

78 Богомил РАЙНОВ
Умирать — в крайнем случае
Роман

*Перевод с болгарского
Т. Мацневой и Ю. Лубченкова*

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 149

Выходит 6 раз в году. Распространяется только в розницу

ЛЕОНИД ПАНАСЕНКО

ШКОЛА ЛИТТЛМЕНА

Фантастическая повесть

Н абатно, тревожно ударил колокол. Он проснулся сразу и, замороженный, испуганный, стал вспоминать.

«Где и когда я слышал этот звук, эту молитву?»

Отозвался второй колокол, третий.

Они были моложе и добрей первого и без тени лукавства пообещали ему успокоение, намекнули, что все и вся есть суета сует. Голоса их были сладкие и тягучие, как патока.

Литтлмен*, может, уснул бы снова, но тут пронзительно и ясно закричал, заплакал четвертый колокол. Голоса его брать-

* Буквально — маленький человек (англ.).

ев смешались, перепутались. Больно и тяжело, будто сердце во время приступа тахикардии, заколотился первый. Забыли о своих обещаниях колокола-проповедники: стали спорить и ругаться, будоража горячими языками в общем-то равнодушную медь. Четвертый же внятно и четко потребовал, чтобы он, Человек, проснулся и начал действовать. Он, точнее, они, потому что этот звонкий и откровенный голос в одно мгновение объединил колокольный перезвон в слаженный квартет, знали о нем все, даже невозможное, то, что произойдет в будущем, и пожалели душу Литтлмена, которую напрасно позвали к подвигу. Жалея его, они даже как бы заспорили с кем-то, но то ли их убедили, то ли приказали, и медный хор затих, смолк. Остался только четвертый, самый серебряный и вразумительный. Он пообещал Литтлмену в награду за подвиг скорую и легкую смерть и нетерпеливо спросил: «Чего же ты медлишь?! Приступай к своей работе — разжигай костер. Вот тебе спички...»

Литтлмен застонал, будто и впрямь зажигал, например, конфорку и спичка, догорев, обожгла ему пальцы. Он рывком отбросил влажную простыню, сел, не понимая спросонья, где он и что с ним.

Голова прямо-таки раскалывалась от боли. Во рту было сухо и горько.

«Что это со мной? — тупо удивился он и, придерживаясь рукой за стену, заковылял на негнущихся ногах к умывальнику. — Кажется, у Джеффи был вчера день рождения... Но ведь я не пошел. И вообще среди ночи никогда не просыпаюсь...»

Литтлмен отвернул кран и сунул голову под kloкочущую струю.

Это не принесло облегчения. Голова болела по-прежнему, к горлу подкатывала тошнота, а в ушах все еще звучали отголоски печальных колоколов.

Затем присел на табурет и глянул в окно, где ночь рождала рассвет. И вдруг так же внезапно, как и первый удар поминального колокола (теперь он, кажется, понял разговор медных братьев), Литтлмена обожгла необъяснимая слепая радость.

Что-то случилось! Что-то с ним произошло, пока он спал. Литтлмен не знал, в чем заключается перемена, но прошлая его жизнь с ее одуряюще однообразной службой, постоянным безденежьем и скудностью, точнее, полным отсутствием событий и радостей вдруг показалась ему до отвращения ничемной и пустой. Долой ее! Долой постылый магазин, где он работал, выполняя разные мелкие поручения, и эту комнатушку, запруженную тараканами. Да и сам городок, убогий, до одури провинциальный. Зачем он в нем живет? Есть ли хоть тень смысла в тех двенадцати годах, которые он разменял здесь на ничего не стоящую мелочь дней?!

Ему захотелось действия. Немедленного, конкретного действия.

Литтлмен оделся, достал из-под кровати желтый мягкий чемодан и стал собирать вещи. Их оказалось на удивление мало — два костюма, рубашки, белье, бритва, несколько книг.

Художник Геннадий ФИЛАТОВ

Он не стал будить хозяйку. Положил ключ на расшатанную ступеньку, вышел во двор. Записки он тоже не оставил. Ни к чему. Он никому ничего не должен и никогда сюда не вернется. Литтлмен не знал, откуда эта уверенность, как и необъяснимая потребность бросить все и немедленно отправиться в соседний городок.

На улице было тихо. Слишком рано, никто еще не вставал. Через пару часов можно будет проголосовать или остановить автобус. А пока... Вот шоссе, соединяющее два заштатных городка, вот ноги. Литтлмен шел быстро, и вскоре очертания сонных домов исчезли в предутренней дымке. Осталась пустынная дорога, редкие кусты, еще по-ночному хмурые и сутулые, да росная трава на обочине.

К чувству беспричинной радости прибавилось пьянящее ощущение свободы. Наконец-то он может идти куда глаза глядят — не спеша, бездумно, насвистывая знакомую мелодию или молча. Как захочет! Может свернуть к речке или, наоборот, проваляться целый день на солнечном пригорке и там же заночевать. Или зайти в придорожную закусочную и, положив усталые ноги на стол, потягивать свежее пиво. Он может делать все, что захочет! Жизнь непредсказуема и потому прекрасна.

Литтлмену захотелось разуться. Он тут же снял туфли, связал их шнурки, чтобы удобнее было нести, и свернул с шоссе на обочину. Прохладная роса обожгла ноги, и он засмеялся от удовольствия.

Впервые за многие годы он опять почувствовал себя мальчишкой. Когда ноги сами несут и ты их вовсе не чувствуешь, когда все на свете кажется простым и понятным, все доступно и не надо мучиться десятками непотребных проблем и мыслей. Беззаботность — верная примета. Она значит, что жизнь твоя еще пока ничем не омрачена, протекает стихийно и естественно, как ручеек в траве, а ум не состарился и не превратился в брызгу и нытика. Говорят, от ума многие печали. Какие там «многие». От него, проклятого, все печали мира.

Литтлмен снова засмеялся — до чего же здорово быть беззаботным! Он побежал по шелковистой траве, размахивая тяжелым чемоданом и туфлями. Он свободен, как птица! Может даже взлететь, как птица! Легко, запросто, под облака...

Он прикрыл глаза от ощущения счастья и полета души. А когда открыл их, то не сразу, а как бы сквозь дымку пробуждения от сна убедился: душа тут вовсе ни при чем. Он летит в самом деле! Невысоко и небыстро, метрах в трех над землей, едва не задевая верхушки кустов.

Ужас такого открытия разом отбросил все мечтания, сковал холодом тело, и оно тут же рухнуло вниз, ломая ветки. Чемодан бухнулся рядом, туфли отлетели в сторону.

Литтлмен вовсе не ударился. Он лежал, вдыхая аромат разнотравья, и удивлялся фантазии природы — давно не видел таких красивых облаков. Вокруг, невидимый, но осятимый, будто молодое вино, играл, пенился утренний воздух.

Он вдруг понял, что произошло ночью, почему его разбудил колокол.

Оказывается, он получил дар! Огромный бесценный дар!

Литтлмен как бы изнутри увидел здание своего мозга, раньше почти пустое, в котором, будто эхо в пещере, терялись разрозненные сведения, полученные им в начальной школе. Теперь оно было заполнено всеми мыслимыми земными знаниями. Литтлмен не знал точно какими, однако чувствовал, что в этих хранилищах есть абсолютно все, до чего дошла беспокойная человеческая мысль. Потревоженное, это скопище информации загудело, будто пчелиный рой. Миллиарды фактов и сведений, тысячи великих имен зашевелились в сознании, и Литтлмен внутренне отпрянул. Он владел всеми интеллектуальными богатствами мира, однако не умел пока ими пользоваться, хотя подозревал, что знает и науковедение, и аксиологию, то есть учение о ценностях, и принципы систематизации.

Но более всего Литтлмена поразили новые знания.

Их было много, и Литтлмен не стал в них разбираться, а только выделил их прикладные возможности — определил, что он теперь может, чтобы больше не пугаться самого себя.

Прикинул и все-таки ужаснулся. По человеческим представлениям, этой ночью он необъяснимым образом стал почти всемогущим.

Он мог теперь управлять своим организмом, любым из органов, и в случае необходимости регенерировать их — так же просто, как ящерица выращивает себе новый хвост.

Мог проникнуть в чужую психику — погостить или даже навязать свою волю.

Знания сути и законов гравитации делали Литтлмена свободным от ее оков.

Кроме того, он умел мысленно изменять структуру атомов, лепить из них, будто из пластилина, все, что угодно. Способность эта называлась материализацией и давала ему чуть ли не божественную власть над материальным миром.

Все эти знания были явно чужие — на Земле таких еще не водилось, — но попытка определить их принадлежность («Что это — подарок пришельцев, программирование извне, или я каким-то образом стал аккумулировать информацию, которой заполнена ноосфера, то есть подключился к всеобщему полю информации?..») вызвала легкий обморок. Защитный механизм мозга тут же переключил мысли на другое.

«Как бы там ни было, но я не знаю главного — зачем мне дано это богатство? Как его применить? Вот что досаднее всего. Записать все, что мне открылось? Нет и нет! Во-первых, я не готов к этому. Во-вторых, всем нельзя давать могущество. Как всегда, найдутся более ловкие и хитрые и все отнимут у простодушных и обездоленных... Что же мне делать?»

Точного ответа на свои вопросы Литтлмен не нашел, однако какой-то внутренний голос подсказал ему: к дому возврата нет. Надо идти туда, где его не знают прежним — маленьким человечком, нищим духом, обиженным судьбой.

Он встал, отряхнул одежду. Поразмыслив, снова надел туфли. Взял чемодан, спокойно поднялся в воздух и полетел вдоль дороги. Летел Литтлмен медленно и невысоко, чтобы привыкнуть к необычному ощущению. Затем подумал: рядом с шоссе его могут увидеть... и свернул в сторону лесополосы — подальше от любопытных глаз...

«Гризли, конечно, еще до рождения был недоноском, — лениво думал Шериф. — Как он вчера старался! Делал вид, что подыгрывает, а в душе, конечно, поносил меня. Пока я не дал ему разок по шее. Этот ходячий окорок так и смотрит, чтоб урвать себе побольше. Знает, что я без него как без рук, и пользуется этим».

Шериф на всякий случай открыл служебную комнату — вдруг кто из начальства позвонит. Затем вынес на улицу плетеное кресло, уселся, как всегда, в тени большого вяза. Он любил этот наблюдательный пост, откуда отлично было видно всю площадь: здания-близнецы отеля и школы, церковь, заведение Моргана, которое старый дурак называл наподобие салунов первых переселенцев — «Поцелуй носорога». Вся жизнь городка проходит обычно здесь. На этой веранде заключаются сделки и ведутся переговоры о помолвках. Здесь рождаются все сплетни, и сюда же людские языки приносят золото правды, которое, впрочем, никому не нужно.

Высокого незнакомца с чемоданом наметанный глаз Шерифа заметил сразу, как только тот появился на площади. Память профессионально отметила появление нового человека и расположила его на самой низкой иерархической ступеньке. Все в нем — внешний облик, одежда, манера держаться — говорило, что ни денег, ни силы, ничего другого, что хоть как-то ценится в этом мире, у незнакомца нет. Безработный или чей-то родственник, которого, конечно, не ждут. Кому нужны бедные родственники, черт побери?!

Литтлмен свернул к отелю и замедлил шаг. Навстречу ему шла девушка. Среднего роста, не по годам развитая, с венцом пушистых светлых волос — не голова, а одуванчик. Она шла и рисовала прутиком на асфальте, всматривалась, будто деревянная палочка и впрямь могла там что-нибудь изобразить. Девушка напевала, и Литтлмен подумал, что это импровизация, рефлексия души:

Моя хрустальная лодочка
Плывет, плывет по воде.
По черной воде — моя лодочка...
Берег так близок, так хочется к берегу,
Но я не сверну —
Разобьет мою лодочку берег...

Девушка оборвала песню, остановилась перед Литтлменом. Какое-то мгновение она рассматривала его, затем отступила в испуге, провела прутиком невидимую черту поперек дороги. Лицо ее исказилось.

— Не ходи сюда, — забормотала она, указывая прутиком на невидимую черту. — У тебя ясные глаза. Тебя убьют за это. Не ходи, ясноглазый. Не ходи, мой хрустальный.

Литтлмен улыбнулся ей, недоуменно пожал плечами. Затем отступил в сторону, чтобы обойти странную незнакомку.

— Ай, больно! — вскрикнула девушка. Переломив прутик, она бросила его к ногам Литтлмена и, неестественно высоко вскидывая колени, убежала в переулок.

— Чокнутая, — пояснил Шериф, лениво наблюдавший через площадь эту сцену. — Руфь — сирота. Ее кто-то взял в четырнадцать лет. С тех пор и поет...

Номер попался длинный, будто гроб баскетболиста. Вся обстановка состояла из деревянной кровати, антикварного зеркала, оправу которого венчала гипсовая голова льва, вешалки и умывальника.

Литтлмен прилег поверх одеяла, впервые после того, как его разбудил колокол, расслабился. И вновь его обступили тревоги. Справится ли он со своей неведомой миссией, которая живет в нем и привела в этот затрапезный городок? И чем придется оплачивать чудесный дар, доставшийся ему? В том, что даром ничего не дается, Литтлмен был уверен, несмотря на весь мировой опыт, которым он вот уже полдня обладал. Больше всего страшило будущее. Как жить дальше? Ведь его неожиданные знания и способности сами по себе ничто. Им надо найти конкретное применение, реализовать их. Реализовать с максимальной пользой для людей. Причем неявно, исподволь, иначе можно запросто загреметь в качестве подопытного кролика в один из исследовательских центров Пентагона... Есть еще один немаловажный вопрос: на какие средства жить?

Литтлмен достал кошелек, пересчитал наличные. После оплаты номера денег почти не осталось — двадцать два доллара. С его знанием принципов материализации с голоду не умрешь, но надо платить за проживание в отеле, главное — нельзя отличаться от остальных людей. Значит, и ему нужны мерзкие бумажки, из-за которых в мире столько расчетливой беды и глупого счастья.

Небольшое пятно на потолке поначалу не привлекало его внимания — в дешевых провинциальных отелях всегда где-нибудь что-нибудь протекает. Затем Литтлмен отметил необычайно правильную геометрическую форму пятна — прямоугольник, и стал вглядываться в него. Похоже на листок бумаги. Но каким образом он очутился на потолке? Бумажка вдруг отделилась от потолка и спланировала к нему на кровать. Это была десятидолларовая купюра.

Какое-то время Литтлмен разглядывал ее — новенькую, хрустящую, будто только что отпечатанную.

— Ха, а я ломаю голову, где взять деньги, — засмеялся он, поняв, что произошло. Литтлмен подумал: еще долго, наверное, он не сможет осознать и в полной мере пользоваться своим внезапным могуществом. Какие-то всемогущие инопланетяне — а кто же еще? — сделали его полубогом, но в душе он, увы, все тот же маленький человек. Литтлмен, да и только.

Он произвел мысленную коррекцию: деньги должны иметь такой вид, будто уже побывали во многих руках. Купюры, словно палая листва, закружились в комнате. Падали на кровать, устилали пол. Литтлмен прикрыл глаза и услышал их шорох. В самом деле — как листва, бумажный мусор.

Он остановил материализацию, достал из-под умывальника щетку и смел деньги в кучу. Потом, посмеиваясь, набил ими чемодан, насовал в карманы. Оставшиеся пришлось сложить в наволочку, которую он снял с подушки.

«Ты же все можешь, — шутливо упрекнул себя Литтлмен. — Материализовал бы сейф. Или на худой конец мешок».

Однако создавать больше ничего не стал. Вдруг навалилась усталость и какая-то опустошенность, тупо заболела голова. Да, за все приходится платить. Из ничего ничто просто так не возникает.

Литтлмен удовлетворенно потянулся, как после тяжелой работы, и тут же уснул.

Проснулся лишь поздним вечером. В комнате было душно, и он распахнул окно. Напротив, за ветками акаций, горел тусклый фонарь — желтые блески света, пробивающиеся сквозь листву, легли на лицо, на руки. Все переживания и страхи куда-то исчезли — то ли сами ушли, то ли их смысл сон.

Литтлмену захотелось освежиться — подышать полной грудью. Не раздумывая, он взобрался на подоконник и, стараясь не задеть пыльную листву акации, прыгнул. Ветер высоты студил ему лицо, городок вскоре превратился в пригоршню светлячков, а он с замирающим от восторга сердцем падал и падал в бесконечность, пока не стал задыхаться. Тогда, опомнившись, Литтлмен лег на упругое восходящее течение воздуха и, будто огромная сова, стал опускаться — кругами, плавно, как бы купаясь в ночи.

Тот ничего не заметил. Ел невнимательно, как бы нехотя, с отсутствующим видом. На смуглом худощавом лице незнакомца бродила открытая (Морган подумал — глупая) улыбка, будто он знал какую-то выгодную тайну и делал над собой усилие, чтобы не разболтать о своем счастье первому встречному.

«Философ» — презрительно оценил нового клиента Морган и мысленно вычеркнул его из списка стоящих людей. По правде говоря, он его туда еще и не вносил. Велика честь. Человек только тогда человек, когда умеет жить с умом. Остальные — мокрицы. Пользы от них как от той акации, что растет возле заведения, — только пыль собирает.

Литтлмен мельком выслушал мысли хозяина пивной и кивнул ему. Правильно, чего уж тут церемониться. Настоящие люди в его стране думают редко. Они действуют. А он, получив почти всемогущество, не знает, чем ему заняться. Третий день торчит в этом захудалом городишке и не может понять, зачем и для чего провидение привело его сюда.

За соседний столик, весело переговариваясь, сели Шериф и Гризли.

Литтлмен, может, и не заметил бы их, но подсознание, как и в первый раз, предупредило его. Будто сердца коснулись куточком льда.

— Привет, приятель, — поздоровался Шериф. — В гости к нам или по делу?

— Да нет, решил развлечься, путешествую, — ответил Литтлмен и, вспомнив предположение Моргана, добавил: — Вообще я философ, ученый.

— А-а-а... — с деланным уважением протянул Шериф. — Путешествовать — миленькое занятие. Особенно если карману кое-что мешает.

— Еще был — хохотнул Гризли. — В свое время я прошел... всю Аляску. Клондайк — дело прошлое. Но... если ты молод и неглуп... Где меня только не носило...

Помощник Шерифа говорил медленно, с паузами.

— ...На одном из приисков собственноручно задушил медведя. С тех пор вот и кличка...

Как ни отстранялся своим сознанием Литтлмен, мерзкие мысли этих двух приятелей окатили и его. Будто волна ударила — так воспринял мозг информацию.

Фрагменты чужой памяти вспыхнули перед глазами:

«...Старческая рука, подписывающая соглашение, вздрогнула, остановилась. Всего одна подпись — и он нищий. Никому не нужный старик. Нельзя! Пусть что хотят делают, он не подпишет... Железные пальцы вдруг сжали сзади шею, нестерпимая боль пронзила тело, и рука, едва удерживая перо, поспешно вывела каракули подписи. Все. Сделка состоялась!»

...Чуть заметная тропка опять повернула влево, и спина в зеленой куртке оказалась на расстоянии вытянутой руки. Пора! Нож вошел в межреберье неожиданно легко — по самую рукоять. Теперь эта дурацкая спина больше не будет закрывать ему тропу жизни.

...Какие-то телефонные номера в записной книжке. Буквенные обозначения. Сокращенные слова. Цифры. «Кредит... Рож... 9000? Зап. Тех... 121 — и все дуры... Проч. мозг...» Ощущение липкой паутины. Будто с разгону влетел в старые сети, развешанные тропическими пауками.

...Руфь кричала до тех пор, пока он несколько раз не смазал ей по лицу, разбив ей губы. Привкус крови, солоноватый и вязкий, подстегнул его желание. Руфь застонала, потеряла сознание.

...«Это удача», — подумал он, увидев в бинокль, что Стивен на лужайке не один, а с женой и сыном. Сидят на траве вокруг скатерти, обедают. Обычный уик-энд. «Жены, оставшись без мужей, как правило, звереют и только... мешают следствию. Да и Стивену лучше: отправится на небеса вместе с семьей. Идеальный вариант». Он положил бинокль на сиденье, включил зажигание. Затем подал знак Гризли, выглядывавшему из второй машины. Двухсот метров хватило, чтобы полицейская машина набрала скорость. За краем зарослей древовидной юкки он резко свернул вправо и бросил свой автомобиль на белое пятно скатерти. При виде мчащейся прямо на них автомашины Стивен вскочил и тут же, получив сокрушительный удар бампером, отлетел в сторону. Зная, что Гризли все доделает, он не стал останавливаться. Через несколько минут полицейский автомобиль уже мчал по шоссе в сторону города».

Все это, увиденное Литтлменом, было настолько омерзительным, что он даже вскочил из-за стола: убивать! Сейчас, немедленно. Таким чудовищам нет места на земле!

Но какой-то сторожевой центр мозга напомнил: ты не выполнил свою миссию, человек. Подонков в мире тьма, всех не убьешь.

«Миссия... — едва не застонал Литтлмен. — В чем она, черт возьми? И почему я должен оставаться бесстрастным, видя зло, зная, что его надо уничтожить?!»

— Вы тогда помяли бампер, Шериф, — сказал с ненавистью Литтлмен. — На нем еще осталась кровь мальчика. Не так ли? Шериф поперхнулся пивом и встал из-за стола. За ним, будто боевой слон, вырос Гризли.

«Что он сказал, этот ублюдок? Или мне послышалось? Нет, он так и сказал: «кровь мальчика»... Но ведь о той истории, кроме меня и Гризли, никто знать не знает. Мы так тогда запутали следствие... И все же этот тип что-то пронюхал...»

«Нельзя. Не связывайся. Не для того тебя будил колокол», — остановил себя Литтлмен и тускло улыбнулся.

— Я пошутил, Шериф, — сказал он. — Психологический опыт, не более. Я раньше выступал с такими опытами...

— Мне твои опыты, приятель, не очень нравятся, — проворчал Шериф, но, по-видимому, решил, что лучше в самом деле превратить все в шутку.

— Впрочем, я тоже люблю разные фокусы, — хохотнул Шериф и, подмигнув Гризли, протянул Литтлмену руку. Дескать, будь здоров, приятель. Он знал, что при желании может раздробить своей ручищей кисть любому хлюпику вроде этого придурковатого философа. Во всяком случае, сейчас этот тип взвоеет.

Шериф привычно сложил пальцы Литтлмена в один ряд, сдавил изо всей силы. На мгновение раньше тот понял уловку. Он собрался было принять страшную боль, но мозг, принадлежащий уже как бы другому существу, поступил иначе: отключил какие-то свои рецепторы.

На лице Литтлмена не дрогнул ни один мускул.

Шериф, опешив, сдавил во второй раз.

— Мне не больно, — сказал Литтлмен и, выдернув руку, направился к выходу.

«Нет, никогда больше... — думал он, без всякой цели обходя городок. — Никогда не стану заглядывать в чужие души. Не то я в конце концов возненавижу людей. Они недаром прячут в себе за семью замками все скотское и страшное. Иначе мир давно бы задохнулся от страшной вони... Впрочем, нельзя из-за нескольких подонков винить всех подряд. Шериф и Гризли, конечно, преступники. Но, кроме них, есть, например, Руфь — чистое сердце, сотни, тысячи других нормальных людей. И все же не буду больше заглядывать в чужие души».

Переулки были узкие, будто липучки для мух. Вдоль оград торчали низкорослые акации, и лишь кое-где над их унылостью возвышались ореховые деревья. На холме, справа от площади, среди кустарников и зарослей чертополоха виднелись развалины некогда большого и красивого здания. Это был так называемый дом Фроста.

Литтлмен свернул на тропинку, ведущую к развалинам. С высоты городок показался ему еще более убогим. Что здесь можно найти? В том, что его кружение по городу имеет какой-то смысл, скрытый от него, Литтлмен догадался, как только поймал себя на «синдроме туриста»: вглядывается во все подряд, рыщет по сторонам. А чего, спрашивается?

Он не понял, откуда появился этот живой вихрь. Детские голы, шорты, загорелые ноги и пестрые футболки — все это клубком перекатилось через тропу и с треском врезалось в

лопухи. Над дерущимися приплясывал от восторга коротконогий веснушчатый мальчишка с выгоревшими волосами.

— Давай, Рэй, давай, — подбадривал он. — Коленом его прижимай! А ты, Уил... Тоже мне, чемпион... Дай ему как следует... Эх, мазило.

— Ребята, кто из вас верит в волшебников? — окликнул юных гладиаторов Литтлмен.

Драчуны прервали побоище, но друг друга не отпустили, а Рэй, пользуясь передышкой, дал веснушчатому секунданту пинка:

— А ты не суйся!

— Ваши руки наливаются свинцом, — замогильным голосом сказал Литтлмен. — Они становятся тяжелыми, еще более тяжелыми. Они опускаются вниз. Вы уже не можете их поднять...

Руки мальчишек в самом деле опустились. Они переглянулись, попытались их поднять, но не смогли шевельнуть даже пальцем. Уилфилд побледнел от испуга, а Рэй засмеялся, засыпал Литтлмена вопросами.

— Ух ты, здорово! Вы нас загипнотизировали, мистер? Вы фокусник или в самом деле волшебник? Вас показывали по телику, мистер?

— Я возвращаю вам свободу, — улыбнулся Литтлмен и снял телепатическую блокаду с двигательных центров Рэя и Уилфилда.

— Подумаешь, — презрительно заявил веснушчатый, но на всякий случай попятился назад. — Я по телику еще и не такой гипноз видел.

— Так все-таки как насчет волшебников? — Литтлмен сделал вид, что не услышал реплику Конни (он успел уже узнать имя третьего мальчишка).

— В злых я верю, — сказал, подумав, Рэй. — Однажды сам дьявол зацепил мои джинсы за гвоздь. Голову даю наотрез — никаких гвоздей там раньше не было.

— Мой отец может даже дьявола посадить за решетку, — с гордостью вставил Конни. — Он Шериф и с двадцати шагов попадает в монету.

— Мне домой пора, — вдруг вспомнил Уилфилд.

Литтлмен сделал в воздухе три загадочных пасса и вручил каждому из мальчишек по большому спелому яблоку. Этим он поразил даже скептического Конни.

— Но ведь яблоки еще не созрели, — прошептал тот, недоверчиво рассматривая сочный плод. — Мы все сады тут знаем.

— А ты ешь и слушай... Приходите, ребята, завтра к дому Фроста. На лужайку. Берите с собою своих друзей. Я научу вас, как стать настоящими волшебниками. Встречаемся после полудня.

Ребята убежали, а Литтлмен даже глаза прикрыл — вот оно, его предназначение. Учить других, тех, кто поддается учению. То есть детей. Для этого и разбудил его колокол. Знания, большие или малые, не могут принадлежать одному. Чтобы не принести людям вред, они не должны оставаться тайными, спрятанными в государственные ловушки. Они должны стать общедоступными. Колокол разбудил его, чтобы он свое таинственное богатство передал людям...

Литтлмен осмотрел ребячьи лица, мысленным взором коснулся биополя каждого — они показались ему легкими белыми облачками, и только у Конни клубилась там мгла. Литтлмен пожалел мальчика — с таким отцом, как Шериф, трудно сохранить детскую непосредственность и чистоту. Не беда, он отмоет его, очистит от житейской скверны. Конни еще маленький. Его душе легко вернуть человеческий облик...

— Ребята, — сказал он, — я люблю вас и хочу сделать вас красивыми. Эта лужайка — не школа. Это место встречи друзей. Из всех искусств самое простое и одновременно самое сложное — быть человеком. Достойным, мудрым, страдающим. И обязательно несовершенным. Чтобы было к чему стремиться. Всю жизнь... У нас будет волшебная школа... Поэтому я хочу взять с вас клятву: нигде и ни при каких обстоятельствах не использовать во вред людям то, что вы узнаете от меня или чему здесь научитесь.

— Мистер Литтлмен, — перебил его Рэй. — Вы обещали, что наша школа будет самая нескучная, а говорите уже целый час. Литтлмен рассмеялся.

— Ладно. Первый урок — концентрация внимания. Такое умение понадобится нам для совершенно сказочного занятия: усилением мысли вы сможете менять расположение атомов и создавать из ничего — а на самом деле из воздуха, воды, земли — все, что вам заблагорассудится. Это называется материализацией.

— Такого не бывает, — усомнился Конни. — Тогда все надевали бы себе кучу добра и стали миллионерами.

— И воров не было бы, — засмеялся Патрик. — Зачем воровать вещь, если ее можно придумать? Твой отец, Конни, стал бы безработным.

— Сказки все это, — презрительно заявил Конни, но, когда Литтлмен пообещал научить его материализации первым, придвинулся поближе. Слушал учителя внимательно, жадно ловил каждое его слово. Глаза мальчишки поблескивали.

Вечер был свеж — куда и девалась дневная духота. В палисадниках слышались женские и детские голоса, звякала посуда — одни уже ужинали, другие только накрывали на стол.

Ни с того ни с сего сердце Литтлмена вдруг сжала тоска. Все, кажется, в порядке — дети привязались к нему, каждый день приходят к дому Форста как в школу. И все же... Один он! Беспредельно одинокий, никому, ну совершенно никому не нужный. Хотя бы скрипнула калитка, прогромыхали в застоявшейся тишине чьи-нибудь шаги. Ему много не надо: перемолвиться с живым человеком, попросить...

«О чем это я? — удивился Литтлмен. — Какая еще калитка?»

Тоска — неожиданная, непонятная — не отпускала его, заставляла бесцельно бродить по городу.

Не замечая редких прохожих, Литтлмен свернул в узкую кривую улочку. Он прошел в самый конец ее, почти не потревожив ленивую пыль. Взгляд остановился на крайнем домике. Приземистый, давно не беленный, с облупившейся зеленой

дверью, он показался Литтлмену нежилым. Окна его не светились, двор захватила сорная трава — Литтлмен узнал вездесущие репейник и лебеду.

Именно в этом доме жила тоска.

Литтлмен понял это, как только увидел покосившуюся изгородь и слепые глазницы окон.

Чувство безысходности и одиночества, точившее весь вечер душу, наконец как бы покинуло его, перебралось в этот старый домик. Ветхость, сиротство... И отчетливое ощущение: здесь все знакомое и близкое сердцу, хотя Литтлмен мог поклясться, что и домик и двор этот видит впервые в жизни.

«Странно... — подумал он и толкнул калитку. Она знакомо скрипнула. Наваждение стало еще более сильным. — Если сейчас окажется, что дверь открывается не наружу, а вовнутрь...»

Дверь в самом деле открылась вовнутрь.

Опешивший Литтлмен остановился на пороге, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в полутьме дома.

Возле фанерной этажерки со старыми газетами и журналами таинственно блеснуло зеркало. Края его обрамляла то ли черная ткань, то ли черная бумага.

«Хозяин или хозяйка, по-видимому, умерли, — подумал Литтлмен, — а дом пустует. Нищих и бездомных юнцов в маленьком городке нет, вот развалюха и пустует».

— Это не траурный креп, мистер.

Дребезжащий старческий голос исходил откуда-то из угла, загороженного здоровенным буфетом.

— Это паутина и пыль. Обычная старая пыль.

Глаза наконец привыкли к полутьме, и Литтлмен заметил в углу старика. Тот громоздился в кресле, такой же огромный, как и его буфет. Лицо и руки старика в скудном вечернем свете выглядели бледно-голубыми.

— Артрит, — пояснил старик, будто сам увидел себя со стороны. — Воспаление суставов. Я уже лет восемь не выхожу из дому.

— Простите, мистер...

— Ноубоди*, — подсказал старик.

— Простите, мистер Ноубоди. Я шел по улице и совершенно случайно решил... Словом, я подумал, — начал было оправдываться Литтлмен, но старик перебил его:

— Вы услышали крики, да?

— Нет, я ничего не слышал.

— По вечерам страх и одиночество бегают по дому, будто жирные крысы, — сказал старик. — Хватает меня за руки, грызут ноги. Не бойтесь, я не сумасшедший... Самому с собой разговаривать противно, но вот когда в книге попадаетесь красивое местечко, я читаю его вслух, иногда даже кричу. Я люблю красивые слова и выражения. Кстати, как вас зовут? Я никогда не видел вас раньше.

— Литтлмен.

— Вот видите. Вы — человек. Пусть маленький, но человек.

* Буквально — никто (англ.).

А я, судя по фамилии, вообще никто. Тля. Зеленая тля на вечнозеленых листьях жизни.

— Зачем вы так, мистер Ноубоди?

— Я знаю жизнь и потому жалею вас. Я слышал о вас и о вашей прекрасной школе. Да, да... Ко мне раз в неделю заходит посыльный из продуктового магазина. Он рассказывает мне все новости. Кроме того, если целыми днями смотреть в окно, можно кое-что увидеть и связать свои наблюдения с тем, что ты уже знаешь о внешнем мире. Хотя, конечно, это жалкие крохи. Иногда мне так хочется услышать человеческий голос, что я молю бога, чтобы в мой дом забрался вор. Но где взять такого глупого вора, мистер Литтлмен? Все знают, что от меня даже мыши сбежали. Видите ли, им надо хлеб, сыр и другие лакомства, а я их потчую одними разговорами. Кстати, мистер Литтлмен, почему вы не садитесь?

— Я на минутку... Вы жалеете меня. Почему?

— Нет-нет, не слушайте глупого старика. Во мне, словно птицы в клетке, сидят сотни слов. Когда я вижу живого человека, они хотят все сразу вылететь. Получается шум, гам и неразбериха.

— И все-таки? — Литтлмен присел на краешек стула.

— В свое время, — старик на мгновение запнулся, будто хотел увидеть это свое время, да так и не разглядел, — я был профсоюзным лидером. Неудачным лидером. Я верил только в свои силы и умение. Как и многие, я наивно полагал, что своими силами верну на землю царство добра и справедливости. Однако время одиночек прошло. Мне кажется, что вы со своей школой повторяете ошибки моей молодости, мистер Литтлмен. Я никогда не был коммунистом, но на старости лет понял: без общественного мышления и действия социальные преобразования невозможны. В лучшем случае вы умрете как я, в нищете и одиночестве, не осуществив ни одного из своих благих намерений. В худшем — вас забросят камнями. Вы, конечно, сделали поправку на мое образное мышление? У камня давно появилась ветреная сестра — пуля.

Литтлмен вздохнул.

— То, что вы говорите, очень серьезно, мистер Ноубоди. И похоже на правду... Однако мне трудно что-либо изменить. Я люблю детей. Я верю в их будущий разум. По-видимому, я просто не способен на большее. Борцом надо родиться.

— Им можно стать, — живо возразил старик, и дряблое тело его колыхнулось в сумерках. — Если поймешь, что другого пути нет. Но даже не это главное. Я хочу, чтобы ваша душа потом не кричала от одиночества. Чтобы вы тоже не стали мистером Ноубоди.

— Я подумаю. — Литтлмен улыбнулся старику и встал. — Я только начинаю — собрал нескольких мальчишек и девочек... Чтобы им не было так скучно летом... В ваших словах есть свой резон, мистер Ноубоди. Честно говоря, мне вовсе не хочется, чтобы в благодарность за все меня забросали камнями.

— Жизнь чертовски прекрасная штука. — Старик переложил тяжелую бледную руку с подлокотника на грудь. — Даже когда у тебя уже нет ни зубов, ни желаний... Я вижу, что вы то-

ропитеся? Не забывайте старика. Наведывайтесь хоть изредка, ладно?

— Обязательно, — пообещал Литтлмен, открывая дверь на улицу. — Обязательно, мистер Мен.

Неделю спустя почти в одно и то же время в городке произошло три разговора. На веранде «Поцелуя носорога» состоялся разговор с недо молвками.

— Шериф, — сказал Гризли, поигрывая ключами от машины, — мне не нравится этот парень.

— Парень как парень. Обыкновенный недоносок, — проводил Шериф. — Хорошо уже, что он нашел занятие для наших оболтусов и не сует нос в наши дела.

— Ты не думал, зачем он возится с детьми?

— Какая разница? Наверно, хочет получить осенью место в школе.

— Я на днях заглянул к нему в номер, — без всякого выражения сказал Гризли. — Случайно, из любопытства. У него там чемодан, набитый деньгами.

— Мелочью?! — засмеялся Шериф.

— Да нет. Купюры стоящие. Причем чемодан оказался незапертым.

— Если бы я был помощником Шерифа, — он отхлебнул виски и со скучающим видом посмотрел в сторону отеля, — то именно из любопытства навел бы справки об этом типе. Кто он? Учитель? Фокусник?

Гризли довольно рыкнул:

— В том-то и дело, что — никто. Ни денег, ни образования. Подсобный рабочий магазина... И вдруг чемодан с деньгами, «фокусы», таинственные занятия с детьми...

— Знаю. Я спрашивал Конни. Ему нравится эта игра, но что-то там и неладно. Сын мой все понимает.

Шериф снова глотнул, прикрыл глаза.

— Если бы я был помощником Шерифа... — он на миг открыл глаза, и Гризли вздрогнул, испугавшись его расплывчатых зрачков — не зрачки, а могильная яма, — то не спускал бы с этого парня глаз.

— Он быстро идет, — полувопросительно заметил Гризли.

— Ты ведь, старина, и не таких останавливал. — Шериф вздохнул и встал с кресла, показывая, что разговор кончен. В самом деле, что говорить о каком-то пришлом ничтожестве.

Второй разговор напоминал лепет ребенка.

...Солнечный зайчик пробежал по лицу Руфи, кольнул глаза.

Девушка встрепенулась, посмотрела по сторонам, но мальчишки с зеркальцем в руках не заметила — он отступил за столб.

— Ты от него? — обрадовалась Руфь и погладила щеку, на которой только что играл солнечный лучик.

— Ты хороший, — неведомо кому сказала девушка, кончиками пальцев потянулась к желтому пятнышку на одежде.

Мальчишка качнул зеркальце.

— Бегай по мне, бегай, — засмеялась девушка. — Ты доб-

рый, и я тебя не боюсь. Ни капельки. Я тебе рада. Я знаю: тебя мистер Литтлмен ко мне послал. Так ведь?

Солнечный зайчик спрыгнул с одежды Руфи на забор.

— Куда же ты, хороший? — удивилась она и протянула руку, как бы пытаясь его остановить. — Не уходи, ясноглазый. Расскажи мне о Литтлмене. Или отведи к нему.

Зайчик побежал по забору, вернулся, и девушка, улыбаясь, слепо двинулась за ним.

Третий разговор был неожиданным и бурным. Он налетел словно дождь, прошумел возле дома Фроста, впервые остудив сердца детей.

В тот день они материализовали яблоки. Катарина предложила самим теперь попробовать сотворить что-нибудь вкусненькое, и Литтлмен согласился.

— Только делайте их спелыми, — пошутил он. — А то животами будете маяться.

Яблок было уже десятка три — все крупные, краснобокие и... неимоверно горькие.

— Не понимаю, — вздохнул огорченно Патрик. — Я делаю все по правилам, а оно не получается. Смотрите, ребята.

Он сосредоточился. Воздух над травой в двух шагах от мальчика пришел в движение, как бы потемнел, собираясь в шар.

И тут Литтлмен быстро шагнул к этому «созревающему» плоду, наклонился и достал из темного облачка нечто похожее на клочок ядовито-зеленой ваты.

— Зачем ты это делаешь, Конни? — спросил он, поворачиваясь к сыну Шерифа. — Я давно наблюдаю за тобой. Ты всем подсовывал эту горькую пакость. Зачем?

Конни испуганно сжался, покраснел.

— Я знаю зачем, — сердито, сказал Рэй. — Он вообще пакостник и к тому же давно не получал по шее.

— Как тебе не стыдно, Конни?! — воскликнула Катарина. — Ты с нами и нам же все портишь.

— Подумаешь, — огрызнулся тот. — Уж и пошутить нельзя.

— Ты не прав, Конни, — укоризненно покачал головой Литтлмен. — Шутки должны радовать, а не огорчать. Запомни на будущее.

На этот раз цветы получились.

Правда, опять пестрые, но зато наконец появился запах — устойчивый, чуть сладковатый аромат, будто на пустыре по второму разу зацвела акация.

Уилфилд оглядел то, что сотворил раньше, и рассмеялся.

Среди битого кирпича валялись мясистые подобию тюльпанов без стеблей, безобразных размеров розы с алыми листьями и огромными колючками, нечто с непрорезавшимися лепестками, похожее на небольшие кочаны капусты. Были тут и целые кусты — уродливые, ни на что не похожие, будто больной художник мешал как попало краски, потом рисовал цветы, но то ли забыл, как они выглядят, то ли хотел переиначить весь мир.

Уилфилд дематериализовал все пробы.

«Маме все равно понравятся, — подумал мальчик, разглядыва-

вая свои странные создания. — Она любит цветы. Всякие. Когда была здорова, то приносила их и весной и летом. Отец, правда, ворчал, но не ругался так страшно, как теперь. Мама и цветы... Это так красиво».

Прижимая букет к груди, мальчик побежал домой.

Он торопился, и уже на третьей улице в боку неприятно заекало, словно там билась на крючке пойманная рыба.

«Хотя бы отец задержался в своей мастерской», — с тоской подумал Уилфилд, не зная, как будет оправдываться, если отец дома и уже хорошенько выпил. Отец выпивал и раньше, но злился редко. Когда маму три года назад парализовало, он стал каждый вечер приходить с работы не просто усталый, а какой-то черный и неразговорчивый. Любая мелочь раздражала его. Он начинал орать на маму, проклинал свою испорченную жизнь и все на свете. Мама отворачивала голову к стенке и плакала.

Уилфилд бежал, бежал, а перед входом в дом замешкался. Боязно.

Тихонько приоткрыл дверь. Отец сидел в кресле перед телевизором и, казалось, дремал. Мама как всегда в спальне, ее из комнаты не видно.

Уилфилд на цыпочках направился в спальню. И вдруг... Будто молния блеснула. Отцовская рука упала на плечо, рывком остановила.

— Ты где околачиваешься?

— Мы... играли... — пересиливая страх, ответил мальчик. — А оно стемнело... Сразу. Я вот... для мамы...

Он замолчал, не зная что сказать.

Отец вырвал из рук Уилфилда букет, грозно спросил:

— Откуда цветы? Украд?

Уилфилд отрицательно покачал головой. Голос куда-то делся.

— Та-ак, — протянул отец и шумно вздохнул. В комнате распространился запах дешевого виски. — Значит, я гну спину в мастерской, а ты в это время лазишь по чужим цветникам!

— Папа, я не воровал... Я... маме.

Отец швырнул букет на пол, схватил с подоконника бельевую веревку.

— Джил, не трогай его, — слабо отозвалась из спальни мать. — Я тебя умоляю.

— Помолчала бы, — рыкнул отец.

Горячая веревка обожгла спину Уилфилда.

Мальчик вскрикнул от боли. Железная рука отца, от которой пахло автолом, пригнала его к полу — там валялись разлетевшиеся от удара лепестки его самодельных цветов.

И тут Уилфилда осенило: материализация! Он умеет мысленно так погладить атомы, что они улягутся, будто шерсть котенка под рукой! Он может уговорить ленивые атомы, которые разбрелись в маминых ногах, вернуться обратно. Он должен их уговорить! Сейчас! Немедленно! Учитель рассказывал, что для материализации главное — желание. Так вот. Больше всего на свете он хочет, чтобы мама поправилась и опять ходила по дому, готовила обеды... Чтобы он слышал ее шаги.

Веревка снова перепоясала мальчику спину. Он вздрогнул, но кричать или плакать не стал.

«Пусть маме вернутся ноги!» — мысленно взмолился Уилфилд.

Взбешенный молчанием сына, отец остервенело хлестал его, приговаривая:

— Будешь красть?! Будешь шляться по ночам?!

«Атомы, миленькие, скорей! Скорей возвращайтесь! Я люблю маму! У нее были такие красивые ноги. Пусть к ним вернется сила. Я хочу, чтобы мама опять научилась ходить! Я прошу вас, атомы!..»

И чем сильнее бил Уилфилда отец, тем отчаянней мальчик просил природу, приказывал ей, требовал вернуть маме ноги. Такие, какими он запомнил их, когда ходили на речку: стройные, смуглые, сильные. Чтоб под гладкой кожей шевелились теплые мускулы и играла кровь, чтоб они жили! Жи-ли, жили!

Отец ударил как-то особенно больно, с оттяжкой. Уилфилд, сцепив зубы, застонал.

Отчаянно вскрикнула мать.

Рука Джила, сжимавшая веревку, вдруг разжалась. Он испуганно отступил, отпустив сына.

В дверях спальни, придерживаясь за спинку кровати, стояла — да, именно стояла! — его жена.

«Надо слетать туда», — подумал Литтлмен, дочитывая информацию в газете. Короткая заметка сообщала:

«Философы и социологи 70 стран соберутся 12—18 августа в Лос-Анджелесе на очередной форум «Социальные пути развития и проблема выживания человечества».

Он вспомнил чужую тоску, которая, будто сигнал SOS привела его в хибарку Ноубоди, предостережения старика. В чем-то он прав... Отдать знания — половина дела. Надо, чтобы они родили желание переустроить мир. Это единственно верный путь. Но одному такой тяжкий труд не по плечу. Один все равно никто. Даже самый сильный и умелый...

Литтлмен перебрал в памяти события последних дней. Весь городок говорит о чудесном исцелении матери Уилфилда. Молодец, парнишка. Как надо любить мать и хотеть ее выздоровления, чтобы совершить такое чудо. Уже ради этого стоит учить детей, хотя трудности множатся с каждым днем. Детям скоро в школу. Занятия с ними надо как-то узаконить. А то ведь городок маленький; множатся слухи, один нелепее другого, обыватели хотят знать — кто он и зачем возится с детьми? Да и сама школа... Его, Литтлмена, школа. Занятия надо строить более широко и фундаментально. Дети, конечно, увлеклись экзотическими знаниями. Все хотят летать, обмениваться телепатиями, овладеть материализацией. Но ведь прежде всего из них нужно сделать Людей. Случай с Конни, который пако-стил остальным, тому подтверждение. Нравственность, любовь, сострадание... Вот какими должны быть главные предметы в школе Литтлмена.

Он вышел из отеля и наткнулся взглядом на одутловатое лицо Гризли.

«Следит, — отметил про себя Литтлмен. — По-видимому, Шериф тогда все же здорово трухнул. Зря я ему сказал о по-

мятом бампере... Теперь эти идиоты будут контролировать каждый мой шаг».

Литтлмен нарочно зашел в универсальный магазин. Походил по залу минут десять, вышел на улицу. Помощник Шерифа стоял возле витрины, прикуривал сигарету.

Ненависть к этому ходячему окороку, подонку и убийце, с новой силой обожгла Литтлмена. Стоит только захотеть, только подумать, и в мозгу помощника Шерифа сейчас, сию секунду лопнет маленький сосуд. И он станет уже не ходячим окороком, а прикованным к постели. К тому же бессловесным, как и положено скотине... Однако, нет! Он сюда пришел не судьей, а учителем. Посему проведем маленький урок. Чисто человеческий.

Литтлмен резко свернул в проулок, спрятался за стволом клена. Услышав сопение Гризли, вышел на пешеходную дорожку, перегородил преследователю путь.

Гризли остановился, не зная, как поступить.

— Послушай, помощник, — Литтлмен говорил медленно, отчетливо выговаривая слова, чтобы они дошли до примитивного сознания Гризли, — если бы я захотел, то давно отправил вас обоих на электрический стул. Или просто уничтожил. Однако мне пока нет до вас дела. Так вот. Если ты каждое утро будешь говорить мне фразу: «Я дурак и преступник», то тут же будешь получать пятьдесят долларов. Договорились?

На беспросветном лице Гризли отразилось сомнение.

— Хорошо, — сказал Литтлмен, доставая деньги. — Ты лицо официальное, поэтому я удваиваю твой гонорар. Понял?! А теперь я жду...

Гризли кивнул и, опасаясь, что этот чокнутый передумает, поспешно выпалил:

— Я дурак и преступник, сэр!

— А где Учитель? — первым делом спросил Уилфилд, когда они во вторник собрались у дома Фроста.

— Он вчера улетел в Лос-Анджелес, — сказал Рэй. — На два дня. Или три. Там какой-то международный форум.

— А что мы тогда будем делать? — огорчился Патрик.

— Как что?! — удивился Рэй. — Да у нас куча дел. Надо потренироваться в гравитационном плавании — еще никто из нас ведь не научился летать. Затем история философии. А напоследок хоть по одной телепатеме обменяемся.

Конни тем временем сосредоточился и представил на загорелой шее Катарини серо-черного толстого ужа с желтыми ушами на голове.

— Ай, мама! — вскрикнула Катарина.

Дрожа от ужаса и омерзения, она подняла руки, чтобы сбросить с себя ползучую тварь, но испугалась еще больше и так и застыла с поднятыми руками.

Патрик подскочил к девочке, одним движением сорвал с ее шеи ужа, гневно выкрикнул:

— Это проделка Конни! Я видел, как он задумывал свою пасть.

— Как же так! — Рэй посмотрел сыну Шерифа в глаза. —

Ты все время подличаешь, Конни. То портил нам яблоки. А теперь... Нам ведь запрещено создавать живое.

— Плевать я хотел, — плаксиво закричал Конни. — Что хочу, то и делаю.

— Иди отсюда, Конни, — сказал Уилфилд и сжал кулаки. — Не то я как следует отлуплю тебя. Как раньше.

— Подумаешь, испугался очень. Недоноски...

Он зашел за угол полуразваленного дома Фроста, присел на траву и стал обдумывать план мести. Пожаловаться отцу? Нет, не годится. Тот под горячую руку может всыпать и ему. Набить Патрику и Уилфилду морды? Превосходная мысль, но как ее осуществить? Патрик еще куда ни шло, его, главное, с ног сбить. А вот Уилфилд сам навалиет кому угодно... Вдруг Конни вспомнил телевизионный фильм о доисторических людях... Какой там страшный тиранозавр — уничтожил половину племени... Огромный! Даже не с чем сравнить.

Конни злорадно улыбнулся. Вот чем можно по-настоящему напугать этих недоносков.

Конни шмыгнул носом, уставился на зеленую стекляшку от разбитой бутылки.

Прежде всего надо локализовать пространство материализации, наметить объем будущего объекта. Дальше хоть в общих чертах прорисовать скелет. Теперь самое главное: надо как можно ярче представить себе чудовище, как бы самому на время стать тиранозавром, ощутить вес брони и беспричинную холодную ярость, когда тяжелеют мускулы и все в тебе — челюсти, шея, лапы, хвост — готово в любой миг сокрушить жертву. Тяжело колышутся бока, из пасти клочьями срывается слюна, земля дрожит от моей поступи. Вот он — я. Могучий и непобедимый. Вот он — я!

Конни повторил про себя формулы фиксации объекта во времени и пространстве, открыл глаза и... в ужасе попятился.

На пустыре, возвышаясь над низкорослыми деревьями, возникла буро-зеленая громада чудовища. Оно сделало шаг — и кучи битого кирпича затрещали под его лапами будто морские ракушки.

Из-под безобразных век, нависших, как щиты, над глазами тиранозавра, на мальчика упал зловещий отблеск.

Он хотел крикнуть, но не смог, а в следующий миг удар огромной головы смял, раздавил его тело, чудовищная пасть разинулась и сомкнулась, и Конни не стало.

Ящер, ломая кусты, двинулся вперед.

Дети, увидев его, обомлели от страха, девочки завизжали.

— Бегите! — крикнул Рэй, бросаясь к Уилфилду. — Все бегите!

Он ничего не объяснял другу, только крепко сжал ему руку, и тот понял, напряг все свои крошечные силы, как тогда, когда просил маме исцеления.

Объединенная воля Рэя и Уилфилда упала на тиранозавра и разметала его на атомы. На поляне будто бомба взорвалась, разбросав во все стороны и мальчишек, и кирпичи, и обломки кустарника.

Литтлмен приземлился рядом с домом Фроста.

— Вы здесь, ребята?! — позвал он, пробираясь сквозь кусты дикого алоэ.

На поляне никого не было.

Внимание Литтлмена привлекло большое пятно выжженной травы, обломки кирпичей. Видно было: здесь что-то взорвалось. Сердце Литтлмена пронзила тревога. Не рано ли он доверил детям чужие знания? С другой стороны, кому же доверять, как не детям? Ведь именно они будут переделывать этот мир. Им в нем жить, они его будущие хозяева...

Литтлмен поспешил в город.

Над пыльной площадью стоял зной. Он высушил листья акаций, и они металлически шелестели, будто вырезанные из фольги. На веранде «Поцелуя носорога» несколько человек, в том числе и Гризли, играли в карты.

Шериф сидел в своем плетеном кресле и допивал шестую порцию виски. Он то и дело поглядывал на дорогу, в сторону Хэмпера. Оттуда должен подъехать знакомый майор с двумя десятками солдат. Надо обыскать каждый уголок, каждый дом... Мальчик не мог так просто пропасть. Здесь негде утонуть или заблудиться. А это значит... Самые черные догадки вновь обступили Шерифа, и он чуть не застонал от слепой, удушающей злобы...

Злоба имела конкретный адрес. Два дня, как пропал Конни, и столько же нет в городе этого ублюдка Литтлмена. Это он собирал детей, что-то придумывал там с ними. А что? Разве недоносок может научить детей чему-нибудь путному.

От зноя голова, казалось, налилась расплавленным свинцом, перед глазами мельтешили белые мухи.

И тут Шериф увидел Литтлмена.

Тот поспешно спускался от дома Фроста. От быстрой ходьбы полы его пиджака разлетались в стороны. Лицо было озабоченным.

Шериф встал.

— Подожди, Литтлмен, — хрипло позвал он, и на веранде «Поцелуя носорога» разом прекратились все разговоры. — Подожди, Литтлмен, — с угрозой повторил он. — Стой, свинья, когда с тобой разговаривают.

Литтлмен остановился. На миг он вновь увидел Руфь с прутиком в руке, услышал ее испуганное: «Не ходи сюда... Не ходи, мой хрустальный...»

— Где мой Конни? — спросил Шериф. — У меня пропал сын.

— Не знаю, — ответил Литтлмен. — Я сам ищу ребят. Я только что прилетел из Лос-Анджелеса.

— Ты должен знать, где он, — процедил Шериф. — И вообще: что ты делаешь с нашими детьми? Чему их учишь?

— Ты же знаешь, — тускло улыбнулся Литтлмен. — Я учу их быть людьми. Прекрасными, умными...

— Ты все врешь, Литтлмен! — Боязнь за Конни, сумасшедшее солнце и виски смешались в голове у Шерифа в один черный коктейль. — Ты не пастор и не учитель, а такой же недоносок, как и все...

Он сглотнул вязкую слюну, потребовал:

— Ты как-то мне с Гризли «фокусы» показывал. Психологиче-

ские... А ну-ка поищи мне сына. Как ты там умеешь — по-колдовски или телепатией?

Литтлмен отступил на шаг, побледнел.

— Я не знаю, что здесь произошло, — тихо сказал он, — но я... не вижу Конни... среди живых. Может быть, я ошибаюсь... Шериф пошатнулся.

— Э, нет, приятель, — засмеялся он, расстегивая кобуру. — Ты ошибся. Это тебя, недоносок, нет среди живых... Я уже не вижу тебя среди живых. И никто не видит...

Он ткнул пистолетом в сторону «Поцелуя носорога», крикнул, обращаясь к посетителям пивной:

— Кто-нибудь видит Литтлмена живым?! Молчат... Значит, никто не видит.

— Опомнись, Шериф! — сказал Литтлмен.

«Я ничего не успел, — с тоской подумал Литтлмен. Он мысленно тыкался то к одной душе, то к другой, но везде находил равнодушие. — Я не передал детям и сотой доли богатств, которыми владею».

— Ты говорил, что тебе не больно.

Шериф выстрелил.

Литтлмен и в самом деле почти не ощутил боли. Удар в грудь, а затем тепло и зуд — это организм поспешно регенерировал поврежденную ткань. Можно было погасить мозг Шерифа на расстоянии или улететь, но Литтлмену опять захотелось поступить, не советуясь с разумом и не пользуясь своим могуществом: подойти к негодю, вырвать у него пистолет и хорошоенько отхлестать по морде.

Он двинулся к Шерифу.

— Стой! — заорал тот и выстрелил раз, а затем другой. Раскаленный металл в двух местах прошел грудь Литтлмена, и ему на мгновение стало дурно. Его качнуло, и он вытянул вперед руку: то ли хотел остановить вооруженного безумца, то ли схватить его.

— Дьявол, — испуганно прохрипел Шериф и попятился. — Люди, его пули не берут!.. Стой, тебе говорят!

Он снова выстрелил.

«Жаль еще, что я не успел стать отцом, — подумал Литтлмен и отчетливо увидел перед собой Руфь — одуванчик, ее милые черты. — Из меня, наверно, получился бы неплохой отец».

Только теперь он заметил на пиджаке пулевые отверстия и кровь. Он снисходительно улыбнулся, и Шериф вскрикнул от ужаса, побежал. Спрятавшись за первое попавшееся дерево, он выставил руку с пистолетом и, преодолевая в себе панический страх, выстрелил еще два раза.

Шестая пуля угодила Литтлмену в межбровье. Он остановился. Колени его подогнулись, и он ткнулся лицом в пыльный асфальт.

Площадь сразу же наполнилась голосами. К распростертому телу сбежались все клиенты Моргана, подходили любопытные, случайные прохожие.

— Представляете, он хотел изнасиловать Руфь, — тараторила худая остроносая женщина и размахивала руками, будто собиралась улететь.

— Чепуха. Литтлмен был наркоманом и приучал детей к «травке». Шериф его выследил.

— Здесь замешана мафия. Вы все видели — Шериф едва его остановил...

Голоса переплетались, перебивали друг друга. Обыватели праздновали чужую смерть.

— Все... Мы таки погубили его! — младший Посланец отвернулся от объема изображения, где вокруг тела Литтлмена собиралась возбужденная толпа.

— Может, его еще можно спасти? — голос младшего Посланца дрогнул.

— Поздно... — Старший Посланец тоже отступил от объема изображения. Взгляд его задумчиво коснулся стылых звезд, заглядывавших через прозрачную оболочку орбитальной базы. — Мы, к сожалению, тоже не всемогущие. Пять пуль для Литтлмена с его способностью к регенерации опасности не представляли — он тут же восстановил поврежденные органы. А шестая разрушила мозг.

— Я никогда не верил в просветительство, — жестко заметил младший Посланец. — Мы дали этому человеку часть знаний галактики. Они, в свою очередь, открыли ему новые возможности. И что в результате? Наш поверенный убит, знания погибнут, развеются как дым. Благо если они еще не пойдут во вред. Чего мы достигли?

— На таком уровне развития цивилизации знания не исчезают, — сказал старший Посланец. — Ты же знаешь — информация вечна, как одна из неперменных составных материи. Что касается Литтлмена... Он принял наши дары, но, к сожалению, не смог верно оценить общественно-историческую ситуацию, сложившуюся на его планете. Он, а не мы, решил лечить давние социальные болезни своей страны абстрактным гуманизмом и просвещением. Трагедия Литтлмена — трагедия индивидуализма. Он у него в крови, запрограммирован средой: один — против всех.

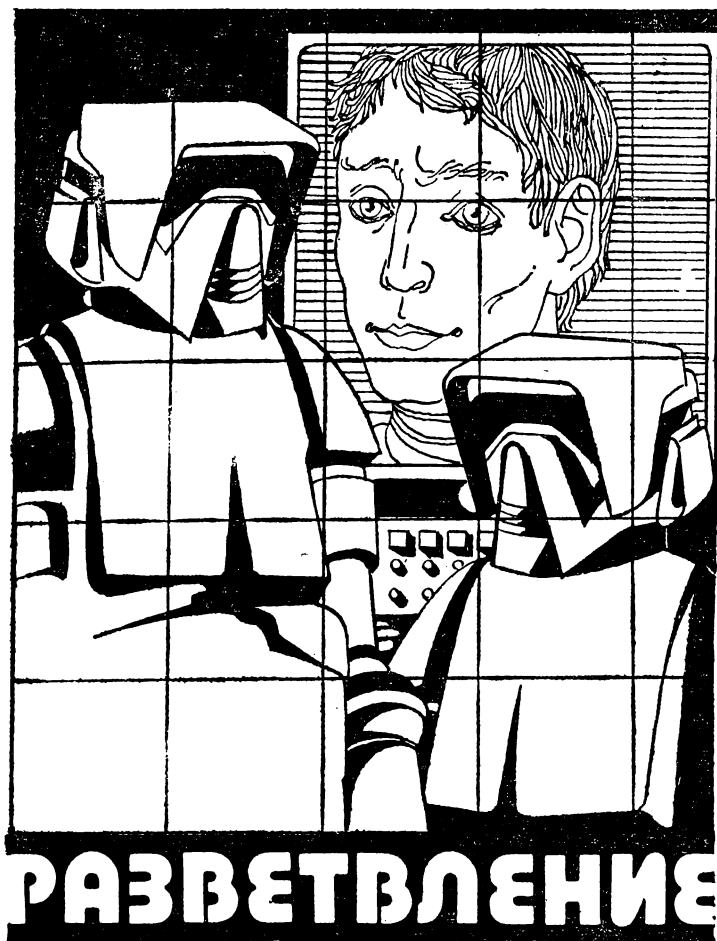
— Не вмешайся мы со своим «голубым облучением», он не лежал бы сейчас с простреленной головой, — мрачно возразил собеседник. — Уж это абсолютно точно.

— Наверно, — согласился старший Посланец. — Он еще долго таскал бы ящики и коробки. Или застрелился б от тоски. Ты ведь знаешь: Литтлмена мы выбрали не случайно. В нем пропадал великий мыслитель и педагог.

— И мы его нашли и... разбудили, — не без иронии подтвердил младший Посланец.

— Да, он славно пожил. Недолго, но славно. Поверь мне, брат, Литтлмен скорее выбрал бы смерть, чем согласился вернуться к прошлому. Что там у него? Полуживотное существование. А так он хоть узнал, что значит освобожденный дух и просвещенный разум. Кроме того, остались дети... Не может быть, чтобы добрые знания не закрепились ни в одном из них. Не может быть...

МИХАИЛ ПУХОВ

Фантастическая повесть

1. На седьмом небе

-Как правило, мне везло, — сказал Рооз, обращаясь к наставнику. — Даже когда я едва не лишился будущего.

— То есть чуть не погиб? — уточнил наставник, склон-

ный к мудрой простоте древних. — Но ведь ты, как и все мы, бессмертен!

Рооз понимающе посмотрел на собеседника. Старики умны, но они не знают современной науки.

— Биологи предполагают, что бессмертие первого рода прерывается под действием высоких температур. При определенной температуре разрыв становится бесконечным.

— Ну и что?

— Меня сносило в звезду, — объяснил Рооз.

Наставник задумчиво покачал объемистым кубическим черепом.

— Биологи ошибаются. Ты здесь — разве это не доказательство?

— Нет, — возразил Рооз. — Меня спасли. Это сделал туземец.

Красивое плоское лицо наставника стало серьезным.

— Ты раскрыл свое происхождение?

— У меня не было выхода. Но я сделал так, чтобы он все забыл.

— А благодарность? Древние учили платить за услугу.

Рооз колебался недолго.

— Я дал ему бессмертие, — сказал он, но, взглянув на изменившееся лицо наставника, быстро добавил: — Бессмертие второго рода. Я приставил к нему хранителя.

— Я недостаточно хорошо разбираюсь в современных научных течениях, — признался наставник. — В чем оно заключается?

— Хранитель постоянно следит за подопечным, — объяснил Рооз. — Когда тому угрожает опасность, он предупреждает его по телепатическим каналам. Разумеется, подопечный ни о чем не догадывается.

— Но хранитель не робот, — с сомнением сказал наставник. — Он спит, ест и так далее. Что, если несчастье случится с подопечным в его отсутствие?

— В случае смерти подопечного хранитель пускает время вспять. Потом он делает предупреждение, и подопечный избегает гибели.

Некоторое время наставник сосредоточенно размышлял.

— Насколько я понимаю, это не бессмертие, а просто страховка от несчастных случаев. И у вас получается точка ветвления, удвоение реальности со всеми вытекающими отсюда парадоксами.

— Верно, — согласился Рооз. — Чтобы их избежать, хранитель переносит дубликат подальше от оригинала. Раздвоения личности не происходит из-за смерти подопечного в одной из ветвей, и создается иллюзия непрерывности.

2. В звездопаде

...И вдруг все перемешивается, как в диковинном безалкогольном коктейле, — пронзительно красные сигналы тревоги, и зеленые огни индикаторов противометеоритных

лазерных батарей, и короткие удары бортовых двигателей, и толчки ускорения; и все это валится в одну кучу, а потом — раз, другой, третий — внешний стук по корпусу корабля.

— Метеоритная атака, — радостно говорит капитан Никитин.

— Ее только недоставало, — говорю я.

Корабль висит сейчас один в необъятном небе, до ближайшей звезды несколько лет лета с нашей скоростью, двигатели все время барахлят, аварийные роботы их чинят, а потом приходится чинить аварийные роботы, и вовсе очевидно, что нам удастся из всего из этого выпутаться. А тут еще метеоатака.

— Не понимаю, откуда здесь столько метеоритов, — говорю я. — На моих картах нет ничего подобного.

Корабль наш маневрирует: тормозит, ускоряется, отрабатывает повороты, бочки, виражи и другие фигуры высшего пилотажа. Словом, ведет себя как змея, которую забрасывают камнями. Делает все, чтобы увернуться. И увертывается. Но иногда в нас все-таки попадает. Порядка нескольких раз, как говорят перестраховщики.

Вдруг капитан Никитин отстегивается от кресла, встает и направляется к распределительному щиту с таким видом, будто хочет там что-нибудь выключить.

— Эй, — говорю, — капитан! В чем дело?

В этот момент корабль делает резкий вираж, уходя от очередного булыжника, и капитан Никитин, естественно, растягивается на полу рубки. Потом встает и продолжает движение к распределительному щиту.

— Я хочу выключить шкибер, — говорит он.

Ну вот, думаю, дождался. А ведь дядя Степа тебя предупреждал, что он сумасшедший. Тогда ты его не послушался. Других ты тоже не слушал. Он просто спортсмен, считал ты, отчаянный парень. Главное — уйти в рейс. Вот теперь и расхлебывай.

— Это еще зачем? — спрашиваю.

— Мне кажется, он не совсем исправен, — говорит он.

— Это вам только кажется, — говорю я. — Я совсем недавно его проверял. Я за свое хозяйство ручаюсь.

Он тем временем преодолел уже половину пути до распределительного щита. Останавливаться, конечно, не собирается.

— Недавно, — говорит, — Год назад я его и сам проверял.

— Да вы что, не понимаете, чем это может кончиться? — почти кричу я.

— Прекрасно понимаю.

— А кто поведет корабль, когда вы выключите шкибер?

— Вот вы и поведете. Или я сам, если вам трудно.

— А кто будет стрелять по ним из лазеров?

— Вы, — говорит он мне. — Или я. Словом, тот, кто свободен от пилотажа.

Локаторы белым-белы, горят вспышками. Сигнал на сигнале и сигналом погоняет. А он — стрелять по ним вруч-

ную, когда там не то чтобы прицелиться, а даже и спуск нажать не успеешь, как тебя уже хлопнет, если ты даже и разберешь, что к чему.

Корабль в этот момент опять становится на дыбы, и капитана Никитина со всего размаху ударяет головой о пульт. Некоторое время он лежит недвижимый.

Потом открывает глаза и смотрит на меня.

— Штурман Буров! Идите и выключите шкибер.

— Сейчас, — говорю я ему. — Уже иду. Вот только отстегну ремни.

И начинаю делать вид, что распутываю привязную систему. Он, успокоенный, закрывает глаза и лежит неподвижно. Не считая, конечно, того, что кидает его из стороны в сторону на каждом крутом повороте.

Потом он вновь открывает глаза.

— Штурман Буров! Разве вы не слышали моего последнего распоряжения?

— Отчего же, — говорю. — Прекрасно слышал.

— Почему же вы его не выполняете?

— Да вот, — говорю, — травма. Плечо вывихнул. Ремней расстегнуть не могу.

— Не лгите, — говорит он. — Или вы забыли устав?

— Да, — говорю я ему. — У меня от этой трясучки всю память отшибло.

— Тогда я вам напомню, — говорит он мне слабым капитанским голосом. — На звездных трассах члены экипажа должны беспрекословно подчиняться приказам своего командира. Вам это понятно?

— А то как же, — говорю. — Чьим же еще?

— Следовательно, как член экипажа вы должны беспрекословно подчиняться моим приказам.

— Разве я прекословлю? Я и слова-то такого не знаю.

— Выполняйте приказ, штурман Буров! — говорит он мне уже немного окрепнувшим голосом. — Выключайте шкибер.

— Сейчас выключу, — говорю. — Вот только рой пусть сначала кончится.

— Немедленно выполняйте приказ!

— Хорошо, — говорю. — Сейчас я выключу шкибер. А кто поведет корабль?

— Вы.

— Прекрасно, — говорю я ему. — А кто будет стрелять по ним из лазеров? Тоже я?

— Разумеется.

— Тогда я увольняюсь по собственному желанию. Я не могу выполнять невыполнимых приказов.

Где-то в этот момент к нему возвращаются силы, и он начинает ползком пробираться к распределительному щиту.

— Я вам это припомню, штурман Буров, — говорит он мне. — Вы у меня узнаете, что такое неповиновение.

— Буду вам весьма благодарен.

Звездолет тем временем продолжает крутиться волчком, капитана Никитина оттаскивает назад, но он упорнее прежнего продвигается к распределительному щиту.

— Зря вы капризничаете, штурман, — говорит он потом, ухватившись наконец за его основание и делая попытку приподняться. — Пока я с вами, вам ничто не грозит.

— Охотно верю, — говорю я. — А вам?

Он изображает улыбку на своем разбитом лице.

— Ну, мне тем более! Я ведь не могу умереть.

Здесь сквозь защитный лазерный заслон каким-то чудом продирается крупный метеорит, и шкибер реагирует на него наиболее естественным образом — задирает корабль носом вверх. В результате этого маневра капитана Никитина отрывает от распределительного щитка и бросает назад, к нашим креслам, и его лицо оказывается в каких-нибудь тридцати сантиметрах от моего, и я вижу, что ОН В ЭТОМ УВЕРЕН.

— Я не умру, Буров, — говорит он потом, немного отдышавшись после падения на пол кабины. — Я не могу погибнуть в рейсе. Да и с вами, пока вы со мной, ничего не случится.

— Почему? — говорю я, как последний на свете тупица.

— Не знаю, — говорит он. — Но, по-моему, я стал почему-то бессмертным. Вроде как заразился. Я это сто раз проверял.

Я, естественно, молчу. Чего уж тут скажешь? А рой тем временем редет, и толкает наш корабль не так часто, но капитана Никитина успело до того измочалить, что он лежит мешком возле своего кресла, без всяких новых попыток выключить шкибер. Потом собирается с силами, приподнимается, взгромождается на свое кресло рядом со мной и пристегивается привязными ремнями. И вовремя, потому что корабль тут же снова бросает вбок.

— А кто будет шкибер выключать? — говорю я.

Он сидит злой и на меня не смотрит. Так длится довольно долго, потом он произносит официальным тоном:

— Штурман Буров, вы обратили внимание, что рой сейчас поредел?

Я даже и отвечать не стал. Зачем же отвечать на такие вопросы?

— Мы сейчас уходим от роя, — говорит он. — Вы обратили внимание, что работают только кормовые батареи, а носовые бездействуют?

— Да, — говорю я. — Естественно, раз мы уходим от роя.

— Так вот, — говорит мне капитан Никитин. — Идите за борт и переставьте одну носовую батарею на корму.

Я, по-моему, для ответа даже слов никаких не нашел.

— Вы что, не слышали приказ, штурман? — говорит он. — Выполняйте. Не беспокойтесь, ничто вам не грозит. Немедленно ступайте за борт и переставьте лазерную батарею.

— Это еще зачем? — говорю я. — Вы сами понимаете, что это убийство — посылать человека за борт при мете-

оритной атаке, пусть самой слабой. Дело, конечно, вовсе не в том, что вас может ударить метеоритом, хотя такая возможность тоже не исключена. Корабль во время метеоритной атаки все время маневрирует, уходит от метеоров, и если вы пойдете за борт, вы неизбежно отстанете при одном из маневров. Потому что даже сейчас, когда атака ослабла, корабль изредка дергалось. Каждый такой рывок есть включение двигателя, а уж если корабль уходит от вас на маршевых, когда вы снаружи, вам за ним не угнаться — даже с ракетным пистолетом.

— А как же иначе? — говорит он. — Кормовые батареи не справляются, а на носу вполне достаточно одной батареи. Идите за борт и переставьте.

— Нет, — говорю я. — За борт я не пойду. К тому же я не уверен, что кормовые батареи не справляются. Почему же они справлялись, когда атака еще не стихла?

— Нет, — говорит он. — В разгар атаки нас стукнуло десять раз.

— Уж и десять, — говорю я. — Да и атака давно ослабла. Рой сейчас значительно поредел, вы сами это признали.

— Мне надоело с вами пререкаться, — говорит мне капитан Никитин. — Я сам пойду за борт.

Произнеся эти слова, он встает и направляется к шлюзу и успевает туда проскочить, пока я прихожу в себя.

— Капитан, — говорю я. Он уже в шлюзе, натягивает скафандр за герметической переборкой, но я-то хорошо знаю, что он меня слышит — в шлюзе есть специальный громкоговоритель.

— Капитан, — говорю я. — Не надо глупостей. Не рискуйте жизнью из-за пустяков.

— Ничем я не рискую, — говорит он, и я сразу вспоминаю его лицо в тот момент, когда он БЫЛ В ЭТОМ УВЕРЕН. — Во всяком случае, мне так кажется, и я это проверю.

И после этих слов покидает шлюз. Некоторое время я слежу по телевизору, как он карабкается по корпусу к носовым лазерным батареям, потом спохватываюсь, отсегиваюсь, встаю с кресла, иду к распределительному щиту и выключаю шкибер. Все-таки Никитин молодец — заставил меня его выключить. А что мне оставалось делать? Пусть уж лучше ударит нас лишний раз.

Капитан Никитин тем временем уже снял правую носовую батарею и тащит ее на плечах к корме. Не успел я похвалить его мысленно за быстроту и сноровку, гляжу — на правом локаторе, против точки, где только что была батарея, горит сигнал. Значит, еще один метеорит появился откуда-то и мчится теперь прямо на моего капитана, пользуясь тем, что тот только что снял охранявшую его противометеоритную лазерную батарею. В сектор обстрела других батарей метеорит не попадает, разворот сделать я не могу, потому что скинет тогда Никитина в тартарары, вернуться не могу по той же причине; сижу, словно вы-

ключенный манипулятор, не имея возможности пальцем пошевелить, и наблюдаю, как у меня на глазах расстреливают моего собственного капитана. Это, конечно, гипербола, попасть в Никитина метеорит не может, слишком такое маловероятно, но все равно впечатление достаточно жуткое.

Разумеется, капитан Никитин никакой угрозы не представляет, индивидуального радара у него нет, и ползет себе по направлению к корме, чтобы установить там лишнюю лазерную батарею, последняя надобность в которой давно миновала, потому что атака кончилась и единственный метеорит, оставшийся от роя, приближается сейчас спереди, угрожая ударить по ничем не защищенной обшивке. А из показаний приборов следует, что как раз с этим метеоритом нам соприкасаться вовсе необязательно, потому что он метеорит крупный и плохо нам придется после лобового с ним столкновения.

Ладно, думаю, все равно обшивку латать.

Тут мой капитан Никитин, проползая около шлюза, вдруг зачем-то как юркнет туда вместе со своей лазерной батареей!

Зачем он так поступил, непонятно, но у меня на душе полегчало. Все-таки неприятно, когда человек за бортом, в который нацелился метеорит, и, кроме того, от толчка в момент столкновения могло бы скинуть моего славного капитана неизвестно куда подальше, ищи его тогда по всей Вселенной. К тому же теперь мне можно спокойно врубить двигатель, потому что Никитин, к счастью, догадался прикрыть за собой люк.

Подумал я это быстро, вернее, вообще не думал, просто руки и ноги сами потянулись куда нужно, но я не успел ничего включить, потому что метеорит вдруг рвануло на миллион обломков — бывает такое, от внутренних напряжений — и они огненным в радарх дождем обдали весь борт нашего доблестного корабля.

А после этого был жуткий, ужасный момент, когда со мной что-то происходило, не могу объяснить что, — я и сам этого не помню, помню только что-то жуткое и ужасное, ужаснее и быть не может, как что-то ускользало, уходило, и я становился другим, но потом это прошло, и только тогда я понял, что, если бы капитан Никитин не спрятался в шлюзе, он был бы уже мертв.

А капитан Никитин, вот он, вылезает из шлюза, лицо у него бледное-бледное, ни кровинки, и спрашивает:

— Что случилось?

Я же сижу как парализованный, сам ничего не понимаю, ответить ничего не могу, и в мозгу у меня одна только идиотская мысль о том, что, вот если бы со мной ничего не произошло, капитана Никитина бы сейчас не было.

— Я вас спрашиваю, штурман Буров, — говорит он мне, как обычному подчиненному. — Что случилось? Я находился в шлюзовой камере, когда корабль затрясло поперечной вибрацией.

— Ничего особенного не произошло, — говорю я. — Просто нас ударило метеоритом.

Удивительное дело — совсем мне не хочется его обнимать и целовать, как полагается делать, когда человек чудом спасается от смерти. Нет — сижу как обесточенный робот и безуспешно пытаюсь вспомнить, что же это такое со мной произошло.

— Какого дьявола вы полезли в шлюз? — говорю я неожиданно для себя самого.

— Не знаю, — говорит он. — Просто мне захотелось.

И снова я вспоминаю, как он БЫЛ УВЕРЕН. А ведь не спрячься он в этот дурацкий шлюз, куда девалась бы вся его уверенность?

— Вы никогда не видели мираж, штурман? — говорит он, настроившись почему-то на благодушный лад.

— Какой еще мираж? — говорю я, смутно припоминая, что на Земле в связи с Никитиным мне что-то такое говорили.

— Космический, — говорит он, и я смотрю в направлении его пальца на телевизионный экран и вижу там корабль, земной корабль, точно такой же, как наш.

— Корабль! — кричу я, как какой-нибудь раненый динозавр.

— Не корабль, а мираж, — говорит Никитин. — Это отражение нашего звездолета.

— Космический мираж? Никогда о таких не читал, — говорю я. И, вглядываясь в изображение на телеэкране, узнаю наше корыто вместе со всеми его ходовыми огнями и вижу, что на его носу не хватает одной лазерной батареи. А потом замечаю и лазерную батарею, она болтается возле правого борта, а рядом с ней в пустоте плывет что-то, похожее на сплюснутый под прессом спальный мешок, поблескивающий пластмассой шлема...

— Я их видел сколько угодно во время своих прежних рейсов, — объясняет мне Никитин. Мираж — если это мираж — тает вдаль, мы удаляемся от места встречи с метеоритами, но видение все еще стоит у меня перед глазами.

— В институте нам ничего подобного не рассказывали, — держа перед глазами видение, говорю я, задавая себе вопрос, что это за мираж, если его можно видеть на экране радара — а я туда успел посмотреть, прежде чем мы оставили его за пределами видимости.

3. Возвращение времени

Одного прикосновения к биоусилителям было достаточно, чтобы понять, что без Возвращателя Времени теперь не обойтись. Как и следовало ожидать, подопечный снова лишился будущего. Техник-хранитель Рон Гре отдал короткое мысленное приказание. Возвращатель тихо загудел.

Через несколько минут Рон Гре, опутанный проводами, сидел в кресле под колпаком, готовый к установлению тепловатической обратной связи с той далекой областью пространства, где находился подопечный.

Перед креслом на полу помещения наметился прозрачный куб объемного экрана. Черточка в его глубине обозначала корабль подопечного. Рон Гре ввел увеличение. Яркая черточка стала сигарой во весь экран. Рон Гре активировал Возвращатель.

Одновременно в нескольких миллионах кубических метров пространства, соответствующих отраженному в экране объему, время пошло вспять. Рон Гре остановил этот процесс непосредственно перед инцидентом и ввел в действие телегипнотические каналы. Удержав таким образом подопечного от опрометчивого поступка, Рон Гре перевел Возвращатель на прямой ход времени и подключил к линии связи телетранспортировочный генератор массы. Через несколько минут в прозрачном кристалле висело два корабля, соответствующих главной и побочной последовательностям точки ветвления реальности. Теперь, чтобы избежать парадоксов, следовало удалить один из них в специально выделенное место.

Но случилось так, что Рон Гре перепутал.

4. Внеплановая планета

— Значит, так вы прокладываете курс? — спрашивает меня капитан Никитин. — Хорошо же вы его прокладываете.

После метеоритной атаки мы тут же подремонтировались, а потом я ввел в шкибер дальнейшую программу полета, и мы пошли дальше, и очутились в результате там, где мы сейчас находились.

— Корабль веду не я, — говорю я ему. Будто оправдываюсь, хотя оправдываться мне вовсе и незачем. Такое неприятное чувство, будто действительно сам во всем виноват. — Его ведет шкибер.

— Выходит, ваш шкибер неисправен, — говорит Никитин. — Я вам уже неделю твержу, что ваш шкибер неисправен.

— Шкибер в полном порядке, — говорю я. — Я совсем недавно его проверял.

— Следовательно, что-то неладно с программой.

— Я проверял программу пять раз, — говорю я. — Да и вы проверяли ее перед тем, как я ввел ее в шкибер.

— Значит, вы неправильно ее ввели.

— Ну, знаете, — говорю я, продолжая самым нелогичным образом ему возражать, хотя на деле это он кругом прав. Действительно, своеобразно получается: штурман проверяет шкибер, шкибер в полном порядке, штурман составляет программу, программа в полном порядке, потом штурман абсолютно правильно вводит абсолютно верную программу в абсолютно исправный шкибер, и в результате корабль попадает совсем не туда, куда он должен был попасть. Мало сказать не туда — попадает в совершенно не исследованный район, где, кажется, еще никто никогда не

бывал. А теперь штурман пытается доказать, что он не верблюд. Только как же докажешь?

— Тогда нарушились связи шкибера с исполнительными механизмами.

— Я их проверял. Связи в полном порядке.

Я уже устал с ним спорить, устал возражать, и это было бессмысленно, но что делать, если после метеоатаки я действительно все проверил и все действительно оказалось в полном порядке. Не считая, конечно, обшивки.

— Значит, все работает отлично, штурман? — говорит мне Никитин.

— Выходит так.

— Ну что же, — говорит он. — Тогда объясните, пожалуйста, как мы сюда попали?

Я пожимаю плечами, а что мне остается делать?

— Хорошо, — говорит он. — Тогда объясните, пожалуйста, куда мы попали? Что это за небесное тело?

И показывает рукой на телевизионные экраны, где торчит эта замечательная планета, которой нет ни в одном астрономическом справочнике.

— Зачем спрашивать? — говорю я. — Вы прекрасно знаете, что я не имею на этот счет ни малейшего понятия.

— Хорошенькое дело, — говорит капитан Никитин. — В отличное положеньице попал я по вашей милости.

— Да уж лучше некуда, — говорю я.

— Вы должны были привести корабль в район Холодных Солнц, — говорит он мне, будто я что-нибудь поправляю. — Никак не могу понять, как вам удалось направить его сюда, в совершенно не исследованную область Галактики.

— Я и сам никак не пойму, — повторяю я не в первый раз. — По-моему, это невозможно.

— Но от фактов не уйдешь — мы здесь, — говорит он, будто это не то же самое, что я твержу ему уже битый час. — Мы здесь, хоть это и немисливо.

— Вот-вот, — говорю я. — И я о том же толкую.

— Но, может быть, на ваших лощах все-таки есть похожий вид звездного неба, близкий рисунку созвездий?

— Нет, — уже в который раз говорю я. — Там нет ничего подобного.

Положение и в самом деле нехорошее — на небе нет ни одного знакомого ориентира, созвездия совсем чужие, в памяти шкибера ничего аналогичного нет, да вдобавок ко всему центр Галактики смотрится под таким диким углом, что нельзя даже приблизительно определить, в каком мы сейчас районе.

В общем, впечатление именно такое, как в том популярном сне, когда, прилетев в другую галактику, вы забываєте координаты Млечного Пути.

— Что будем делать, штурман? Где же мы все-таки?

— Не знаю, — говорю я. — Еще не разобрался. Возможно, мы провалились в какой-то вакуумный туннель и оказались на другом конце Вселенной.

Здесь меня осеняет, я смотрю на указатель пройденного

расстояния и вижу, что он отсчитал положенные, предельные для него сто тысяч парсеков и занулился, как вычислитель, которому дали непосильное задание.

Капитан Никитин тем временем постепенно приходит в себя — давно пора для такого опытного космонавта — и начинает интересоваться планетой, к которой нас занесло.

— Слушайте, штурман, — говорит он. — Все-таки мы с вами прежде всего звездолетчики, а следовательно — ученые. Каким бы образом мы сюда ни попали, но перед нами настоящая планета с атмосферой, и мы с вами должны ее исследовать.

Давно бы так! Наконец-то он заговорил как мужчина.

— Я предлагаю следующий план действий, — говорит он. — Прежде всего мы должны понизить орбиту и обследовать планету сверху. Потом один из нас пойдет вниз и соберет образцы. После его возвращения на корабль мы подумаем, что делать дальше.

Капитан прямо преобразился.

— В принципе согласен, — говорю я своему капитану Никитину. — Только непонятно, зачем укорачивать орбиту. Она и так достаточно низкая. Кроме того, за те несколько часов, пока мы спорили, куда мы попали, как мы сюда попали и кто виноват в том, что мы попали именно сюда, бортовые приборы собрали достаточное количество информации. Мы просто просмотрим запись.

— Вот как? — говорит он. — Значит, бортовые приборы все это время вели наблюдения?

— Да, — говорю я. — Так уж они устроены.

— Жаль, что человек устроен иначе, — говорит мне мой капитан Никитин, и мы вместе начинаем расшифровывать ленту, которая по моему приказу послушно ползет из выходного устройства походной лаборатории.

Первой идет информация о звезде. Так, мол, и так, солнце здешнее хоть и здоровое, но слабенькое, принадлежит к спектральному классу К (будто это и невооруженным глазом не видно), одиночное оно (тоже мне новость), излучает что-то очень уж много в радиодиапазоне (еще бы — все локаторы нам забило) и так далее, остальные анкетные данные. Что взрываться пока оно вроде не собирается, нейтринные потоки в норме, радиационная обстановка благоприятная, и протонных вспышек не предвидится.

Потом следует описание системы. Что состоит упомянутая система из пятнадцати больших планет, из них шесть настоящих, а остальные уранообразные протопланеты, что у всех планет, вместе взятых, насчитывается 84 спутника с поперечником более километра, что астероидных поясов, как в Солнечной системе, здесь не имеется, а есть всего 246 малых планет, обращающихся по самым разнообразным орбитам, что такого явления, как кометы, здесь не наблюдается, зато есть около десятка регулярных метеорных потоков.

Затем, на следующих восьми метрах ленты, дается краткая характеристика планеты, вблизи которой мы находимся. Планета эта, оказывается, настоящая, землевидная, не-

много побольше размерами, покрытая сушей и водяной оболочкой. Атмосфера здесь толстая, эквивалентная высоте тридцать километров, кислорода много, азота тоже и некоторое количество углекислого газа. Точь-в-точь земная атмосфера. Свободные молекулы кислорода создаются антиокислительной деятельностью растений, покрывающих большую часть суши. Растения здесь встречаются разных неизвестных ранее видов (удивительно, не правда ли?) и достигают иногда ста метров высоты. Фауна довольно скудна, самые высокоразвитые животные находятся приблизительно на уровне земных земноводных, зато здесь обитает разумная прямостоящая раса двуногих гуманоидов, у которых есть даже собственный звездолетный парк и порт недалеко от экватора.

Дойдя до этого места, мы с Никитиным чуть не подпрыгнули.

— Ничего себе, населенная планета! — говорю я.

— А я уже хотел садиться на маршевом двигателе, — говорит он. — Придется все-таки посылать бот.

И мы снова склоняемся над лентой.

— Постойте, капитан, — говорю я вдруг. — А откуда же здесь люди, если самые развитые животные находятся на уровне земноводных?

Никитин некоторое время размышляет.

— По-видимому, это колония, — говорит он наконец.

— Черт побери! — говорю я. — Даже здесь колония! Когда же рухнет наконец эта постылая колониальная система?

— Погодите, — говорит мне мой капитан Никитин. — Давайте смотреть дальше.

Мы снова склоняемся над лентой, ползущей из аппарата, и узнаем, что это действительно колония, потому что численность населения всего 21 человек. Потом мы узнаем кое-что об их цивилизации, включая устройство звездолетов и жилищ, а также длины волн, на которых работают их радиомаяки. Потом мы видим, что экспресс-лаборатории удалось перехватить передачу одного из таких маяков и даже расшифровать язык, на котором она была составлена («Могучая у вас лаборатория», — замечает в этом месте капитан Никитин), а через несколько сантиметров ленты понимаем, что этот язык — русский.

Некоторое время мы молчим, не в силах что-нибудь сказать, настолько это не укладывается в сознании.

— Здесь — наша колония? — говорит наконец капитан Никитин.

— Невероятно!

— Ваша аппаратура что-то напутала, — говорит мне капитан Никитин. — Пусть мы даже провалились в придуманный вами пространственный туннель. Но чтобы здесь оказалась наша колония! Ваши приборы просто-напросто перегрелись.

Тут мне в голову приходит отличная идея. Ведь если это земная колония, а иначе быть не может, потому что так

говорят приборы, и врать они не умеют. — то она должна быть зарегистрирована. Я лезу в справочник.

Разумеется, там ничего нет.

Капитану Никитину, по-видимому, тоже приходит в голову блестящая мысль.

— Вдруг это был туннель не в пространстве, а во времени? — говорит он. — Вдруг нас забросило на миллион лет в будущее?

Как вы сами понимаете, такое предположение никуда не годится.

— А язык? — говорю я. — Язык-то должен был измениться!

— Вы, кажется, правы, штурман Буров. Но споры нам ничего не дадут. Необходимо высаживаться.

Разумеется, он тоже прав. Я начинаю расстегивать привязную систему.

— Спокойно, штурман, — говорит он. — Бот поведу я.

От неожиданности я теряю всякую способность возражать.

— Но как же...

Он улыбается зловредной капитанской улыбкой.

— Вы опять забыли устав, штурман Буров. В уставе сказано, что над незнакомой планетой нельзя оставлять корабль без присмотра. Кто-то должен остаться, и право выбора принадлежит капитану.

И опять, разумеется, он прав. К счастью, я вовремя вспоминаю его недостойное поведение при метеоритной атаке, отстегиваюсь от привязных ремней и бегу к шлюзу, совершая тем самым тяжкий дисциплинарный проступок и слыша за своей спиной возмущенные вопли капитана Никитина. Но ему остаются только телесистемы, чтобы наблюдать, как я запираюсь в шлюзовой камере, как погружаюсь на борт бота и как бот падает в небо планеты.

5. Встреча в подпространстве

Тьма впереди быстро сгущалась, принимая облик упругой непроницаемой стены. Когда носовая часть размазанного по пространству звездолета, дотронувшись до преграды, отпрянула, как щупальце биоробота от потока плазмы, полномочный представитель Бюро Наказаний Луус сообразил, что произошло. Через подпространство шел сейчас еще чей-то корабль. И он двигался навстречу.

Термин «полет в подпространстве» употребляется для наглядного обозначения волновых методов перемещения, когда корабль расплывается в пакет гравитационных волн, собирающийся вновь в заранее намеченной точке. Если часть Вселенной, окружающую финиш, занимает другой расплывшийся звездолет, дело плохо, так как волновые пакеты во избежание Суперпозиции не должны проходить друг сквозь друга. К счастью, Галактический Устав дает простой выход из затруднительной ситуации.

Когда нудная процедура обмена была окончена, Луус в

порядке проверки степени усвоения собственных мыслей чужим мозгом попытался припомнить задание, по которому был послан. Кажется, сложный цикл преступлений, связанных с ветвлением реальности, парадоксами, многократным раздвоением Личности. Превосходно. Преступники не уйдут от Наказания.

Луус по опыту знал, что чужой мозг очень быстро активизирует всю информацию, вложенную в него при обмене. Еще он знал, что во время обмена памятные кристаллы звездолетов также меняются содержимым и что сразу же по прибытии он сможет ознакомиться с заданием во всех подробностях.

Луус не знал только, что тот, с кем он только что общался, и был Роооз — объект Наказания.

6. На поверхности

И вот через полчаса я уже стою в лесу, в нормальном ньютоновом поле и что, по-вашему, соображаю, как быстрее добраться до порта? Ничего подобного — стою, как последний на Земле тунеядец, торопиться которому некуда, и глазею сквозь иллюминатор скафандра на собственный посадочный бот, элегантно свисающий с местного дерева, издали напоминающего развесистую клюкву и одновременно баобаб с картины какого-нибудь современного живописца. Но вблизи оно уже ни на что не похоже, потому что крона у него сплошная. И весь лес такой. Стволы как стволы — красивые, красные до блеска, а зеленые кроны хоть и прозрачные, но сплошные. Никаких листьев или веточек. Сплошные и прозрачные, как пластмасса. Словом — «растения неизвестных ранее видов».

Потом я вновь прикидываю на глаз расстояние до последней ступеньки тридцатиметровой веревочной лестницы и еще раз удивляюсь, что ничего себе не сломал, потому что метров пять здесь точно есть. Хорошо, хоть почва не каменная. Зато мне ясно с определенностью, что уж назад я никак не подпрыгну, даже с шестом.

Потом меня внезапно охватывает тихая радость по поводу того, что я нарвался именно на этот «неизвестный ранее вид». А если бы действительно метров сто? По кронам ведь тоже не пройдешь — они хоть и сплошные, но вязкие, как высыхающий клей. Пришлось бы парашют надевать.

Но в конце концов мне надоедает обзирать итоги столь прекрасно выполненной посадки, я подбираю с волнистого зеленого покрывала, которое здесь вместо травы (к счастью, оно не имеет ничего общего с подсыхающим клеем), судовой журнал, пистолет, спальный комплект и другие совершенно необходимые мне предметы, всего 34 наименования, складываю все это в рюкзак (попробуйте на досуге — не снимая скафандра!) и иду в ту сторону, где через какой-нибудь километр начнется открытое место, а там и порт. Я и промазал-то так, по глупости — шел на холостом ходу, чтобы чего не зажечь. Я же еще

не знал, что против туземной флоры любой огнемет бес-
силен.

Так вот, шагаю я себе, размышляя о том, как неприятно идти по настоящей кислородной планете, не снимая скафандра, и о том, что это все-таки необходимо, потому что я же не знаю, хватает здесь обычной биопрививки или как. И вдруг гляжу — навстречу мне ползет голый человек.

То есть он, конечно, не совсем голый: сверху на нем надета клетчатая рубашка с закатанными рукавами, а внизу — легкие штурманские брюки. Но он зато без скафандра.

И я замечаю, что он ~~счень~~ странно ползет, волоча ноги в узких штурманских брюках, будто парализованный. И сразу же вижу, что за ним тянется мокрая красная полоса. Мгновением позже я улавливаю в лесу позади него какое-то движение, а еще через миг моя рука рвется в рюкзак за пистолетом. Идиот — сунуть оружие на самое дно!

Представьте себе обыкновенную зеленую жабу. Большую, пятнистую, покрытую крупными бородавками. Увеличьте ее теперь мысленно в двадцать-тридцать раз в зависимости от силы своего первоначального воображения, чтобы в итоге у вас получилось существо длиной метра три. Раскрасьте его в наиболее неприятный для вас цвет и пустите полученное кошмарное чудище по следу изнемогающего от потери крови человека, и вы получите некоторое представление о зрелище, которое открывается перед моими глазами.

От меня до ползущего метров тридцать, а монстр преследует его короткими двухметровыми прыжками, временами почти тыкаясь уродливой мордой в его спину. То есть в его пятки, потому что бедняга еле ползет, волоча свои парализованные ноги. Я же пока мало сказать безоружен — даже рюкзак никак не расстегну. Тогда я сбрасываю его на зеленую упругую подстилку и начинаю рыться в своих 34 наименованиях, пытаюсь отыскать засунутый куда-то пистолет. Удастся мне это, разумеется, далеко не сразу, потому что одновременно я стараюсь по мере возможности держать в поле зрения парализованного ползущего и гигантскую жабу, которая, мне кажется, вот-вот кинется на несчастного.

И вдруг я становлюсь свидетелем совершенно невероятной картины. Парализованный ползущий внезапно вскакивает на свои больные ноги и производит в моем направлении рывок, достойный рекордсмена по спринту (не забывайте, что тяжесть здесь хоть и чуть-чуть, но все-таки больше земной). Одновременно кошмарное чудище прыгает метра на четыре, промахивается, я рву из рюкзака нащупанный наконец пистолет, но вижу, что стрелять мне больше не в кого, потому что чудище провалилось в яму или нору, которую я сначала не заметил, и издает теперь из-под земли жуткие раскатистые звуки.

Тогда я переключаюсь на человека, который стоит сейчас лицом ко мне, и в мозгу у меня проносятся мысли о гипнозе, чудесах, страхотерапии и тому подобном, потому

что зрелище он по-прежнему представляет собой весьма нехорошее. Во всяком случае, кровь так и хлещет. Моя рука нащупывает в рюкзаке пакет с медикаментами, но в этот момент бывший парализованный улыбается во весь рот, достает из-за пазухи нечто, подозрительно напоминающее сильно кровоточащий кусок говядины, показывает мне и говорит, ухмыляясь:

— За сегодня я добыл уже двух жирных жабов. Здорово, правда?

Он так и сказал — «жабов». А в остальном — правильный русский язык с приятным интерпланетным выговором.

Я подхожу ближе и заглядываю через его плечо в ловчую яму. Глубина там всего метра четыре, чудище пляска на нас влажными глазами размером с гнилую дыню и ревет во всю глотку, брызгая смертоносной — по крайней мере, так мне кажется — слюной.

— А они ядовитые, ваши жабы? — говорю я с опаской.

— Нет, — отвечает мне бывший парализованный. — Все не ядовитые. Немного прожорливы, но от них легко удрать. Во всяком случае, бояться жабов необязательно.

— Так на вашем сегодняшнем счету уже две? — говорю я, стараясь не замечать его речевых ошибок.

Депарализованный смотрит на меня так, будто это у меня что-то не в порядке с грамматикой.

— Да, — говорит он. — Утром копьём, а вот сейчас поймал живьем, в яму. Это большая удача — добыть за день двух жирных высококачественных жабов.

Здесь я не выдерживаю. А что делать, если выводит меня из себя эта его неправильность произношения?

— Послушайте, — говорю я. — Почему вы так выражаетесь — «жабов»? Вы же не скажете: «Я убил двух лягушков».

Знаете, что он отвечает?

— Отчего же, — говорит он. — Когда я убью лягушков, я именно так и скажу.

— Это же неправильно, — говорю я. — Правильно будет — «жаб».

Как, по-вашему, он реагирует?

— Конечно, — нагло говорит он. — Тут в яме сидит жаб.

Подумайте, какое упрямство!

— Нет, — говорю. — Это убили вы жаб, а в яме сидит жаба.

— Наоборот, — говорит он мне, бесстыдно ухмыляясь. — Я убил жаба, а в яме сидит жаб.

— Не жаб, а жаба! — говорю я, распаляясь.

— Отчего же, — примирительно говорит он. — Данное животное называется именно жаб. Вот на Земле похожее, но сильно уменьшенное создание именуется действительно жаба.

Тут он с любопытством разглядывает мою покрасневшую от стыда физиономию, потом переключается на скафандр, будто только что его увидел:

— Вы, наверное, недавно прибыли?

— Да, — отвечаю. — Только что.

— Где же ваш корабль?

— На орбите оставил, — говорю я ему. — Я на посадочной калоше. Вон свисает с вашего венского леса.

Он глядит, куда я показываю.

— Да, — говорит. — Тяжелый случай. Придется всю бригаду собирать.

— Какую еще бригаду?

— Известно какую, — говорит он. — Всю гоп-компанию.

А сам снимает с себя брюки и начинает выжимать, освобождая их от крови своего знаменитого утреннего жаба.

— Это еще зачем? — говорю я.

— Вам же придется возвращаться на орбиту. У нас нет лишних ботов.

— На орбиту? — говорю я. Как-то там мой капитан поживает? — Значит, вы мне подскажите, как отсюда выбраться?

Он глядит на меня, как мудрый старец на какого-нибудь младенца.

— А отсюда уже не выберешься, — говорит он не то чтобы мрачно, но уверенно. — Здесь тот свет для свидетелей. Конец пути, финиш. Отсюда нам дорога заказана.

Я, само собой, молчу, потому что возразить мне на это нечего. А он добавляет:

— Звездолет лучше посадить. У вас там, наверное, много нужных вещей осталось. У нас колония на самоснабжении.

Я тем временем припоминаю разные события, на которых в последние годы присутствовал. Ничего особенно предосудительного не припоминается, и поэтому я спрашиваю:

— Для каких еще свидетелей?

Знаете, что он отвечает?

— Как для каких? — отвечает он. — Для обыкновенных. Для свидетелей гибели.

И невинно так добавляет:

— А разве вы не с Никитиным летели?

Сначала я даже не нахожусь что сказать, до того это неожиданно. Прямо какая-то телепатия. Но потом мне в голову приходит мысль. Я вспоминаю, что есть такая штука, как радиосвязь, и спрашиваю:

— А что, вы с ним уже разговаривали?

Сами понимаете, как меня этот вопрос интересует, тем более что раньше я даже не задумывался о такой возможности. А он отвечает, я бы сказал, немного не по теме:

— Я с ним работал.

— А кто вы по специальности?

— Как и вы, — говорит он. — Штурман.

— Откуда вы знаете, что я штурман?

— Вы же не женщина, — говорит он. — Следовательно, штурман.

Ничего себе, логика! Чувствую, что кто-то из нас чего-то

недопонимает. Но я сыт по горло беседой про жабов и поэтому делаю осторожное предложение:

— Рассказать, как я сюда попал?

Вы не догадываетесь, как он реагирует?

— Да ну его, — говорит, — увольте. Надоели эти истории. Одно и то же, ничего интересного. Я ведь здесь восьмой год. Скажите лучше, как вас зовут?

— Саша, — говорю. — А фамилия моя Буров.

— Вот и познакомились, — говорит он. — А меня Роберт. Роберт Миронов.

— Стойте, — говорю я. — Случайно не вы одно время геройствовали у Антареса?

— Да, бывал.

— Все равно не вы, — говорю я. — Тот Миронов возит сейчас экскурсии к гигантским планетам. Хотя вы действительно на него похожи.

— Еще бы, — говорит он с печальной улыбкой. — Но не падайте в обморок, если встретите еще парочку похожих на него штурманов Мироновых.

Пока мой мозг производит бессмысленную мыслительную работу, Роберт лже-Миронов скрывается за ближайшим баобабообразным деревом и вскоре вновь появляется, волоча сеть, напоминающую рыболовную.

— Берите за другой край, — говорит он мне. — Надо прикрыть яму, а то мало ли что. Еще выпрыгнет.

Я беру за сеть, которая изготовлена из каких-то местных растений и весит поэтому килограммов пятьдесят. Лже-Миронов ловко кладет поперек ямы несколько извилистых, похожих на длинные корни жердей, потом мы натягиваем сеть поверх импровизированной решетки. Лупоглазое чудище снова начинает горланить и брызгать слюной. Но наша миссия окончена, и мы можем с достоинством убраться.

Мы идем по упруго-гладко-волнисто-зеленому ковру сквозь лес в направлении, противоположном выходу Роберта лже-Миронова, продолжая давно уже начатое мною движение. Над головами просвечивает сплошная кровля слившихся клейких крон, через каждые 30—35 метров поддерживаемых блестящими подпорками монументальных красных стволов. У самой земли ствол непропорционально широк — в двадцать обхватов, но потом он конусообразно сужается, чтобы затем, пройдя горловину, вновь расшириться неправильным асимметричным конусом. Таким образом, ствол зрительно напоминает среднюю часть песочных часов, в районе шейки облитую коричнево-красной краской. Верхнее расширение компенсирует, видимо, отсутствие ветвей.

Вскоре выявляется парадоксальная штука — чем ближе, по моему подсчету, подходим мы к границе леса, тем гуще стоят стволы. Я обращаю на этот факт внимание своего спутника.

— Ничего удивительного, — говорит мне Роберт лже-Миронов. — В домах то же самое. Середина пуста, по краям стены. Чем же природа глупее нас?

— Интересно, — говорю я. — А как же мы выберемся из леса? В деревьях прорубив окно?

— Зачем же? — говорит мне лже-Миронов. — Давно прорублено. Кстати, почему вы еще в скафандре?

Как вам это нравится? Кончается уже час с тех пор, как мы с ним встретились. Порядочки, нечего сказать.

— У меня лишь сбычная биопрививка. Ее, вероятно, недостаточно? — неприятным для себя голосом говорю я.

Он смотрит на меня и откровенно смеется.

— Обычная прививка! Ничего себе! У меня, например, никакой нет.

Почему так всегда бывает — если меня кто-то в кои-то веки раз оставит в дураках, то он ни за что не остановится на достигнутом, так что получается не единичный случай, а целая серия? За что мне такое наказание?

Но нет худа без добра — я отстегиваю шлем, вдыхаю туземный воздух со всеми его непривычными запахами, минут пять осматриваюсь и принимаюсь, потом снимаю и скафандр, тщательно, как парашют, укладываю его в рюкзак и в одном белье топаю рядом с лже-Мироновым по еле заметной тропке, а потолок леса все опускается, но в конце концов мы выходим на свет, такой яркий, что можно смотреть, только прищурившись, и я вижу в поле перед собой целую толпу дальних звездолетов, стоящих там на приколе.

7. Накануне

Техник-хранитель Рон Гре был в отчаянии. После того как его чуткое тело несколько дней подряд не подавало сигналов тревоги, он понял, что случилось непоправимое. Кожа Рона Гре не чувствовала ничего и сейчас, и можно было подумать, что с подопечным все в порядке, Рон Гре так и считал эти несколько суток, но ошибался, потому что наладить биоконтакт никак не удавалось, и здесь вполне могла скрываться причина отсутствия тревожных сигналов.

И Рон Гре проверял аппаратуру. Она насчитывала более десяти миллионов связей и деталей, которые могли нарушиться и выйти из строя. Хорошо, если удастся обнаружить неисправность. Но страшно подумать о противоположном исходе. Ведь он будет означать, что биоконтакт с подопечным потерян навсегда и Рон Гре провалил важный эксперимент. Вряд ли лысый Рооз похвалит тогда своего техника.

За спиной Рона Гре зашуршало, что указывало на то, что кто-то проник в лабораторию. По идее это мог быть только лысый Рооз. Рон Гре обернулся.

Это и был лысый Рооз. Но прежде чем Рон Гре успел представить разнос, который следует — а налицо установка, вывернутая наизнанку, — Рооз заговорил, причем довольно необычно.

— Здравствуйте, любезнейший, — сказал Рооз. — Проводим, получается, запрещенные опыты?

— Вам виднее, — дипломатично ответил Рон Гре.

— Виднее, любезнейший, — подтвердил лысый Роооз, кивая кубическим черепом. — Мы, кажется, склонны к далеким выездам? С огнем играем помаленьку, не так ли? А теорию игр, получается, подзабыли?

— Не изучали, — миролюбиво сказал Рон Гре. — Я же всего-навсего техник.

Лысый Роооз очень удивился.

— Техник? А где хозяин установки? — На ладони Роооза возник памятный кристалл. — Некто Роооз?

Рон Гре не успел решить для себя, что делать, как в лаборатории появился еще один, совершенно незнакомый.

— Я здесь, — сказал он. — А почему вы не явились на пункт обмена? Вы похитили мое тело! Я буду жаловаться в Бюро Наказаний!

Лысый Роооз самодовольно усмехнулся.

8. Табор аборигенов

И вот лже-Миронов проводит меня через взлетное поле, среди кораблей (некоторые жутко запущены), потом сквозь этот их городок, больше всего напоминающий трущобы проклятой древности, потому что сделаны домики из чего придется, и мне даже становится понятно, куда делись куски облочки, которых не хватает на некоторых звездолетах. Нет, думаю, голубчики, моей-то обшивкой вам при всей вашей «автономии» пожить не удастся, потому что корпус нашего корабля после встречи с метеоритами годится разве что на изготовление решета. А Роберт лже-Миронов подводит меня тем временем к самому хилему домишку, и мы вместе входим внутрь. Там нас встречает штурман Николай Криницкий, которого я довольно хорошо знаю, хотя он и учился на год раньше меня, и который — я в последнем уверен — работает сейчас смотрителем где-то на глубоководных плантациях.

Леди и джентльмены, думаю я, познакомьтесь теперь со штурманом лже-Криницким.

— Ба, да это никак Сашка Буров! — оглушительно басыт он, подскакивая с кровати, на которой лежал прямо в одежде. Мы, конечно, обнимаемся и все как положено, потому что, хотя его неглупым и не назовешь, он парень неплохой, и я действительно рад его видеть, а потом он неожиданно заявляет:

— Ты, главное, не расстраивайся, — тут он хохочет, будто отмочил отличную шутку, и продолжает: — Ты, Сашка, главное, не огорчайся. Сними с себя траур, вот что я тебе скажу.

— Я и не огорчаюсь, — говорю я. — С чего мне огорчаться? И никакого траура я не надевал.

— А вот здесь ты, Сашка, не прав, — заявляет в полный голос Николай Криницкий. — Человек он, может, и нехороший, но все-таки человек. Я тебе вот что скажу: главное, Сашка, гуманистом надо быть. Ты тело-то привез?

— Чего? — говорю. — Какое еще тело?

Николай Криницкий смотрит на меня как на последнего на свете кретина.

— Ведь ты, Сашка, с Никитиным летал? — говорит он. — Отвечай, Сашка, с Никитиным или не с Никитиным?

— Ну, с Никитиным, — отвечаю.

— Никитина ты сюда привез?

— Ну, привез, — говорю. — Только я на борту его оставил, на орбите.

— Это ничего, — заявляет мне Николай Криницкий. — Главное, что привез, я вот что тебе скажу. А мы уж устроим ему пышные похороны.

Заявляет он это совершенно серьезно, хотя и без особенной скорби. Но мне от подобных слов только непонятнее.

— Какие еще похороны? — спрашиваю.

— Пышные, — отвечает мне Николай Криницкий. — Согласно местному обычаю. По всем правилам науки и техники.

Бедняга, думаю я про Никитина, а он-то сюда рвался. Как рвался! Но, как вы сами понимаете, давать в обиду своего единственного капитана я тем не менее не собираюсь.

— А без похорон, — спрашиваю, — никак нельзя обойтись?

Николай Криницкий глядит на меня укоризненно.

— Без похорон, Сашка, — говорит, — никак нельзя. Главное — гуманистом надо быть, вот что я тебе скажу. Хотя и далеки мы от Земли, но не должны скатываться до варварства, дикости и самоуправства.

— У нас для него даже кладбище специальное есть, — добавляет лже-Миронов, и опять я испытываю обычное для сегодняшнего дня чувство, будто кто-то из нас где-то чего-то недопонимает. Нет, друзья, думаю я, уж в третий-то раз вы меня сегодня в дураках не оставите. Дудки-с.

— Слушай, Коля, — говорю я Криницкому. — А почему я думал, что ты работаешь где-то подводным смотрителем?

Он на меня смотрит очень серьезно.

— Ты, главное, Сашка, вот что, — говорит он. — Ты, главное, не называй меня Коля, а то путаница получится.

— Интересно, — говорю. — И как же ты теперь прикажешь себя называть?

— Николя.

— Что-о-о?

— Николя, — заявляет он по-прежнему без тени смущения. — Зови меня Николя.

Я гляжу на лже-Миронова, тот равнодушно смотрит в окно на далекие вертикальные силуэты звездолетов, будто и не слышит всей этой тарабарщины. Да они тут все одинаковы, думаю я с тоской. В хорошую же ты компанию затесался, штурман Буров. С корабля сюда. Здесь ведь тоже одни сумасшедшие. Но что делать?

— Никола так Никола, — говорю я. — А можно короче — Ник?

— Нет, — говорит. — Ник никак нельзя.

— А Николай?

— И Николай нельзя, — говорит он. — Николай — имя резервное.

— Ладно, — говорю я. — Не хватало мне еще в разном бреду разбираться. Я же не специалист. — Слушай, Никола, а почему я думал, что ты работаешь где-то смотрителем?

— Где точнее? — спрашивает он.

— Где-то на подводных плантациях.

— На Земле? — спрашивает он.

— На Земле.

Николя Криницкий оглушительно хохочет во все горло.

— Тогда это не я, — заявляет он во всеуслышание. — Наверно, Сашка, это как раз и будет Николай.

Ага, думаю я, так все-таки легче. Диагноз, по крайней мере, ясен. Обыкновенное раздвоение личности.

Здесь лже-Миронов перестает любоваться силуэтами звездолетов и поворачивает к нам изнывающую от безделья физиономию.

— Не надоело? Дел полон рот, а они разговоры разводят.

Лицо Никола Криницкого приобретает выражение, свойственное некрупным бизнесменам и работникам системы охраны общественного порядка.

— Дела, — заявляет он строго. — Дела — это хорошо, вот что я вам скажу. А разве у нас есть дела?

— Полон рот, — говорит лже-Миронов. — Ракету с леса снимать — раз. И еще мои жабы. Словом, без всей гоп-компании не обойтись.

— Да, — говорит Никола Криницкий, поразмыслив. — Втроем, пожалуй, мы не управимся. Главное — непонятно, как деревья звездолет-то выдерживают?

— Да не корабль, — поясню я. — Корабль у меня на орбите. Посадочную калошу.

— Подожди-ка, дай сообразить, — говорит он, вдумываясь в услышанное. — Народ, Сашка, все равно придется собирать.

И поворачивается к лже-Миронову.

— Твои-то, главное, смогут?

— Вполне, — говорит лже-Миронов.

Мне опять ничего не понятно. А Криницкий начинает перечислять, загибая от усердия пальцы.

— Значит, ты со своими да мы втроем — это уже шесть, да Сашка Буров — семь, да Манины...

— А что, Маня тоже здесь? — кричу я. Сами понимаете — все-таки в одной группе учились.

— Здесь, — ухмыляется лже-Миронов. — И даже не один.

— Да Котовы, — считает между тем Никола Криницкий. — Это уже четырнадцать...

Я отмахиваюсь от него и, обращаясь к лже-Миронову, спрашиваю:

— Как так не один? Обзавелся подругой, что ли?

Тот кивает, а Николая Криницкий, ухитрившись состроить умное лицо, заявляет во всеуслышание:

— Вот здесь ты попал, Сашка, — говорит, — пальцем в небо. В самую, я тебе скажу, точку. Им-то, главное, что? Они-то друг другом обзавелись, а для нас в этом целая философская проблема, вот что я тебе скажу.

— Ну когда же ты перестанешь? — обрывает его лже-Миронов. — Сначала устроить человека надо, а потом философию разводить. Да и дел ведь полно.

— Устроить? — говорит Николай Криницкий, будто проснувшись. — И то правда, я тебе вот что скажу. Тогда пошли скорей тебя, Сашка, устраивать.

— Я пока за своими сбегая, — говорит лже-Миронов и исчезает, и вот уже мы с Николаем Криницким шагам по их лагерю, будто вымершему. Впечатление, что все здесь спят до одиннадцати. Или наоборот — встают чуть свет, как лже-Миронов, и уходят охотиться на жабов и лягушков.

А лагерь, как выясняется, представляет собой очень своеобразный архитектурный комплекс. Как всякий уважающий себя комплекс, он состоит поэтому из более простых частей — симплексов, составленных, в свою очередь, из вертексов. Таким симплексом является здесь группа из трех-четырех картонно-титановых лачуг, слепленных вместе боковыми и задними сторонами. Тоже мне вертексы — величиной с мусорный ящик. Еще дома называются. А между ними вьются узенькие дорожки, совершенно безлюдные.

— Что-то, — говорю, — пустовато тут у тебя.

— Новостройки, — заявляет на всю улицу Николай Криницкий. — Здесь, Сашка, никто пока не живет, я тебе вот что скажу. Выбирай, главное, что нравится.

Я направляюсь к наиболее приличной группе мусорных ящиков, накрытых серебристым атмосферным стабилизатором.

— Вот, — говорю. — Здесь, если можно. Только чтобы на солнечной стороне.

Мы подходим к нужной двери. Николай Криницкий извлекает из своего чемоданчика кисть, банку с черной краской, и пишет на фанерной двери кривыми жирными буквами: «Буров». Потом он поворачивается ко мне и деловито осведомляется:

— Ты какое имя себе выбираешь?

— Не понял.

— Какое имя себе берешь? — нетерпеливо повторяет Николай Криницкий. — Саша, или Шура, или Александр, или какое? Ну?

— А это обязательно?

— Конечно, обязательно, — произносит Николай Криницкий с громадной внутренней убежденностью. — А как же иначе?

И действительно — как же иначе?..

— Ладно, — говорит он. — Тогда пусть будет Сашка. Ты как, не возражаешь? Главное — чтобы не возражал, я вот что тебе скажу.

Я, конечно, не возражаю. С чего бы это мне возражать? Он, высунув от усердия язык, выводит на фанерной двери жирные буквы. Получается как на визитной карточке:

БУРОВ САШКА

— А отчество надо? — спрашиваю.

— Нет, — отвечает, — отчество как раз необязательно. Я тебе, Сашка, вместо отчества лучше рамку нарисую.

И обводит надпись на двери неровной траурной рамкой. Потом берет свой чемоданчик и банку с краской и говорит:

— Ну, пошли дальше.

— Погоди, дай осмотреться, — говорю я.

Он ставит чемоданчик на землю и садится на него, держа краску по-прежнему в руках. Я берусь за свою фанерную визитную карточку и вхожу внутрь помещения. Внутри комнатуха. Теснота, конечно, но жить можно. Кровать, стол, окно — что мне еще надо? И сторона солнечная. Я кладу рюкзак прямо на пол из прессованного картона и возвращаюсь к своему Николаю Криницкому.

— Все, — говорю, — в порядке. Пошли, куда звал.

Он поднимается, берет в свободную руку чемоданчик, и мы вместе перемещаемся в прежнем направлении до ближайшего поворота. Здесь мы сворачиваем на девяносто градусов, обходя таким образом угол моего симплекса. Подойдя к двери, ведущей в лачугу, которая примыкает к моей, Николай Криницкий опускает чемоданчик на землю, макает кисть в банку и очень тщательно выводит на дверях: «БУРОВ». И вновь нагибается за чемоданчиком.

— Это еще зачем? — говорю я. — Мне одного дома достаточно.

Николай Криницкий в ответ довольно громко хихикает.

— Не вижу ничего смешного, — сердито говорю я. — Не нужен мне сей небоскреб. Хватит с меня и одного.

Николай Криницкий опять хихикает.

— А это, — заявляет он на всю улицу, — вовсе не для тебя.

— Если так, — говорю я, — то зачем же ты начертал на двери мое презренное имя?

Он внимательно оглядывает дверь сверху донизу.

— Что-то, Сашка, я не вижу, — заявляет он наконец в своей оглушительной манере. — Что-то я не вижу здесь твоего имени!

Еще один филиал «Крокодила». Я тыкаю пальцем в дверь, прямо в жирные черные буквы.

— А это, — спрашиваю, — что?

Николай Криницкий неподдельно изумляется. Даже плечами пожимает от удивления.

— Так это же, Сашка, — заявляет он громогласно, — не имя. Это, главное, фамилия, я вот что тебе скажу.

— Но фамилия-то моя?

— А вот это, — заявляет он, — с какой стороны посмотреть. С одной стороны, Сашка, фамилия, конечно, твоя. Зато с другой, главное, она и не только твоя!

Никаких сил у меня не хватает терпеть такое.

— Знаешь, — говорю, — надоели вы мне все как не знаю кто. Осточертели со своими шуточками. Чихать я хотел на ваши шуточки. Вот что — снимите мне бот, и я лечу на орбиту, только вы меня и видели.

Минуты две Николая Криницкий переваривает это сообщение в прессу.

— Зачем ты, Сашка, — заявляет он наконец обиженно, — с друзьями-то так обходишься? Ведь мы с тобой по-хорошему. Никаких, главное, шуточек. Ведь ты не очень много летал с Никитиным?

Я постепенно остываю.

— Немного, — говорю. — Четверть рейса.

— Так вот, — победоносно заявляет мне Николая Криницкий. — Неужели, Сашка, за оставшиеся три четверти рейса ты не успеешь сюда еще раз прилететь? Я тебе вот что скажу со всей ответственностью: успеешь, и даже неоднократно!

Подобные нелепости обычно лишают меня последней способности к сопротивлению. Я начинаю на все реагировать легкомысленно, и даже отсутствие логики в происходящем перестает меня угнетать.

— Но для тебя, чтобы сюда прилететь, — говорю я, вступая тем самым в совершенно бессодержательную дискуссию, — мне необходимо сначала отсюда улететь!

Минут пять Николая Криницкий смотрит на меня широко раскрытыми глазами — настоящий памятник Его Величеству Удивлению, — потом ставит чемоданчик на землю и хлопает себя по лбу освободившейся рукой.

— Я же, Сашка, — заявляет он на весь лагерь, — совсем забыл! Ведь ты же еще не знаком, главное, с нашей эмпирической теорией!

С такими словами он опускается на свой чемоданчик и жестом гостеприимного хозяина указывает мне на крыльцо. Я послушно усаживаюсь, приготовившись слушать. Но Николая Криницкий не успевает даже рта раскрыть, потому что перед нами появляется Роберт лже-Миронов. Появившись, он начинает разглядывать меня так, будто впервые видит.

— А где остальные? — вопрошает его Николая.

Роберт лже-Миронов делает рукой жест — сейчас, мол, придут — и говорит, обращаясь ко мне:

— Так вы, значит, и есть Александр Буров.

— Сашка, — поправляет его Николая Криницкий. — Сашка его зовут.

— Да? — говорит Роберт лже-Миронов. — Странно, вы же первый. Ну ладно, будем знакомы. Борис. Борис Миронов.

— Вас же звали Роберт?

Он отрицательно качает головой, сжав губы в широкой

усмешке, а его голос произносит где-то за моей спиной:

— Да нет, его зовут Борис. Это я Роберт.

Я медленно оборачиваюсь.

Там, широко ухмыляясь, стоит еще один лже-Миронов. Некоторое время я не могу выдавить из себя ни слова. Только мой взгляд, как маятник, молча переходит с одного на другого.

Тщетно. Передо мной стоят два совершенно одинаковых охотника на жабов. То есть они, конечно, не совсем одинаковые. Волосы у одного подлиннее. Один гладко побрит, на лице другого щетина. Да и одеты по-разному. Роберт — в ковбойку с закатанными рукавами и легкие штурманские брюки. На Борисе, наоборот, — штурманка и джинсы. Сходство тем не менее поразительное.

Потом я вспоминаю, что есть такое явление, как близнецы, и спрашиваю у лже-Мироновых:

— Вы братья?

Ответить лже-Мироновы не успевают, и я их понимаю, потому что все заглушает голос Николая Криницкого, который заявляет мне, что нет, лже-Мироновы не братья и что братьев здесь ни у кого, главное, нет, но зато у них есть своя эмпирическая теория, которая объясняет все не так плохо, вот что я вам скажу. Здесь все окончательно смещивается и идет как во сне, потому что слова Николая Криницкого покрывает оглушительный нестройный дуэт: «Ба, да это никак Сашка Буров!» — и к нам подходят еще два Николая Криницких, одного из которых, впрочем, зовут Коля, а другого Ник. Потом к нам все время подходят еще какие-то люди, многих я знаю в лицо, а некоторые похожи друг на друга, как капли воды, а Николая Криницкий продолжает, заявляя, что те, кто живет сейчас на планете, были в свое время свидетелями смерти капитана Никитина. Каким образом они сюда попадали, никому в точности не известно, но это и неважно, потому что теория у них эмпирическая, основанная на фактах, и потому правильная. Потом он излагает мне всю историю колонии, из которой я помню только, что однажды Коля Криницкий видит, что Никитин умирает от отравления какой-то местной гадостью на только что открытой планете, Коля после этого попадает сюда вместе со звездолетом, а через месяц прилетает Ник Криницкий и заявляет со всей ответственностью, что ничего такого не было, что эти несъедобные растения он, Ник, своими, главное, руками выбросил в иллюминатор, и они пошли дальше, к планете со штормовым небом, со смерчами, и Никитин пытался высадиться и погиб при посадке, а он, Ник, попал сюда неизвестно как, а потом прибывает штурман Манин — передо мной тем временем появляются сразу трое Маниных под руку с одинаковыми красивыми женщинами, очень похожими на жену капитана Никитина, — и сообщает Криницкому, что тот на самом деле работает где-то, кажется, водолазом, что они с Никитиным вернулись на Землю живы-здоровы, Криницкий после этого как раз и ушел, а Манин согласился быть штурманом у Никитина,

хотя Криницкий его и отговаривал, потому что Никитин сто раз за полет хотел кончить, главное, жизнь самоубийством, неоправданно рисковал и еще я вам что-то скажу, но Манин согласился, и своими глазами видел, как дракон на планете Икс проглотил его прямо в скафандре и только кости выплюнул, а Манин, рискуя жизнью, подобрал их, потому что не годится оставлять останки своего капитана на чужой безлюдной планете, и после этого Манин перенесся сюда неизвестным способом, а через неделю появляется еще один Манин и говорит, что, действительно, был такой случай, высаживались они на планете Икс и Никитин хотел идти на вылазку безоружный, но в последний момент взял-таки с собой пистолет, и правильно сделал, потому что не успел он вылезти из люка, как на него набросился громадный зеленый дракон, и Никитин перерубил его одним выстрелом, но через день после этого пошел на дальнюю разведку, заблудился, повредил себе рацию и не успел вернуться, а Манин, рискуя жизнью, нашел в зарослях его тело, потому что не годится оставлять своего капитана на чужой планете, особенно если она дикая и безлюдная. После этого Манин тоже переносится сюда, а следом за ним еще два Манина, а через год неизвестно как появляется жена капитана Никитина, вся в слезах, и рассказывает всем желающим, какой несчастный человек был Никитин, как все друзья от него отвернулись, как он стал совсем одиноким, и как упал однажды в пропасть, когда они ходили с ним в горы, и что она думает, это было самоубийство, и сразу же на планете появляется штурман Сидоров и рассказывает свою собственную историю, а потом еще один, и еще, и еще, а потом снова жена капитана Никитина, потом штурман Котов, и опять штурман Котов, и еще одна жена капитана Никитина, и все что-нибудь рассказывают, и суть этих рассказов одна — Никитин погиб, а тот, кто при этом присутствовал, попадает сюда, на эту планету. И что никто из них не понимает, как такое может случиться, зато им ясно одно — капитан Никитин имеет ко всему этому какое-то отношение, пусть даже косвенное, и в этом-то и заключается их знаменитая эмпирическая теория. И, несмотря на некоторую путаницу, какая иногда возникает, и на целый ряд философских проблем, которые возникают постоянно, на судьбу они в общем не жалуются, потому что здесь ничуть не хуже, чем на Земле, и живут все они дружно и надеются, что и я вольюсь полноправным членом в сей коллектив.

Примерно такими словами заканчивается вдохновенный монолог Николая Криницкого, а вокруг нас уже стоит толпа, вся гоп-компания, мне, конечно, ничего не ясно, и вдруг я понимаю, что настало время отыгаться за все, что я сегодня вытерпел, потому что вы не должны забывать, кто ждет меня на орбите.

И я начинаю свою собственную историю, хотя мне и жаль сразу нескольких Маниных, обменивающихся нежными взглядами сразу с несколькими женами капитана Никитина.

9. Наказание

Из происходящего Рон Гре понимал лишь одно — что неприятный разговор с лысым Рооозом отменяется. Обоим Рооозам было сейчас не до него. Как тому, который говорил «любезнейший» и был на самом деле представителем Бюро Наказаний, так и настоящему Рооозу в незнакомом обличье. Последнему приходилось сейчас несладко.

— Короче говоря, я вам не завиждо, любезнейший, — говорил лысый представитель Луус. — То, что вы сделали, — наихудшее Преступление из всех, какие известны нашей организации. Права Личности священны, но нет ничего ужаснее ее Раздвоения.

— Не понимаю, — растерянно сказал незнакомый Роооз. — Я абсолютно ничего не понимаю. Мы думали о раздвоении личности, мы даже приняли специальные меры, чтобы его избежать. Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Любезнейший! — сочувственно сказал лысый Луус. — Вы принимали специальные меры! Да разве не понятно, что при каждом включении Возвращателя обстановка, окружавшая вашего подопечного, дублировалась и происходило Раздвоение Личности!

— Вы ошибаетесь, — сказал Роооз. — Обстановка действительно дублировалась, но раздвоения личности не происходило из-за гибели подопечного в одной из ветвей. Иллюзия непрерывности...

— Любезнейший! — сказал Луус с еще большим сочувствием. — Да раскройте же наконец глаза! При чем тут иллюзии? При чем здесь подопечный? Вы же согласны, что окружающая его обстановка дублировалась. Но ведь обстановка — не только мертвые предметы. Прежде всего это Люди. А вы? Вы отсылали их в «специально выделенное место»!

— Начинаю понимать, — прошептал Роооз.

— Давно пора, — сказал Луус. — А вы вместо этого все время вводили в действие свой Возвращатель. И после каждого такого включения кто-нибудь оказывался там, на краю Вселенной.

— Какой ужас! — сказал Роооз.

— Причем нередко вы засылали туда несколько раз одну и ту же Личность, — продолжал Луус. — Там она встречалась сама с собой, что не могло не нанести ей глубокой моральной и психической Травмы. Поставьте себя на ее место! Что вы при этом почувствуете? Как это перенесете? Какие Комплексы у вас появятся?

— Ужасно, — с отвращением повторил Роооз.

— Теперь вы можете оценить всю глубину вашего Преступления?

— Кажется, да.

— И вы понимаете, что оно заслуживает высшей меры наказания?

Лицо Роооза исказилось.

— Нет, нет! Нет, только не это! Нет!

— Я очень сожалею, — сказал лысый Луус. — Но пред-

ставьте себе судьбы этих несчастных Личностей. Прочувствуйте всю бездну их страдания. Вспомните о том, что изменить что-нибудь мы не в силах. И вы поймете, что «высшая» в данном случае даже не означает «достаточная».

Рооз, закрыв лицо руками, выбежал из помещения. Некоторое время Рон Гре и лысый Луус смотрели друг на друга.

— Я простой техник, — сказал потом Рон Гре. — Я еще многого не знаю, потому что не все изучал. Что это за высшая мера наказания?

На плоском лице Лууса появились цвета печали.

— Это страшная Вещь, — сказал он, склонив кубовидный череп. — Его пошлют... соглядатаем-памятником на планету земной группы.

10. Главная последовательность

— Ничем я не рискую, — говорит мне капитан Никитин. — Во всяком случае, мне так кажется, и я это проверю.

И после этих слов покидает шлюз. Некоторое время я слежу по телевизору, как он карабкается по корпусу к носовым лазерным батареям, потом спохватываюсь, отстегиваюсь, встаю с кресла, иду к распределительному щиту и выключаю шкибер. Все-таки Никитин молодец — заставил меня его выключить. А что мне оставалось делать? Пусть уж лучше ударит нас лишний раз.

Капитан Никитин тем временем уже снял правую носовую батарею и тащит ее на плечах к корме. Не успел я похвалить его мысленно за быстроту и сноровку, гляжу — на правом локаторе, против точки, где только что была батарея, горит сигнал. Значит, еще один метеорит появился откуда-то и мчится теперь прямо на моего капитана, пользуясь тем, что тот только что снял охранявшую его противометеоритную лазерную батарею. В сектор обстрела других батарей метеорит не попадает, разворот сделать я не могу, потому что скинет тогда Никитина в тартарары, увернуться не могу по той же причине; сижу, словно выключенный манипулятор, не имея возможности пальцем пошевелить, и наблюдаю, как у меня на глазах расстреливают моего собственного капитана. Это, конечно, гипербола, попасть в Никитина метеорит не может, слишком такое маловероятно, но все равно впечатление достаточно жуткое.

Разумеется, капитан Никитин никакой угрозы не видит, индивидуального радара у него нет, и ползет себе по направлению к корме, чтобы установить там лишнюю лазерную батарею, последняя надобность в которой давно миновала, потому что атака кончилась и единственный метеорит, оставшийся от роя, приближается сейчас спереди, угрожая ударить по ничем не защищенной обшивке. А из показаний приборов следует, что как раз с этим метеоритом нам соприкасаться вовсе не обязательно, потому что он

метеорит крупный и плохо нам придется после лобового с ним столкновения.

Ладно, думаю, все равно обшивку латать.

Капитан Никитин тем временем проползает мимо закрытого шлюза и продолжает движение к корме.

«Зачем он все-таки так поступил?» — думаю. Впрочем, тебя же предупреждали. А у самого на душе тяжесть. Все-таки неприятно, когда человек за бортом, в который нацелен метеорит, и, кроме того, от толчка в момент столкновения может скинуть моего славного капитана неизвестно куда подальше, ищи его тогда по всей Вселенной.

Сиюю я вот так и думаю — вернее, ничего я не думаю, ~~звезда~~ бродят в голове разные мысли, даже недостаточно ~~ва~~ рмизированные, и вдруг все кончилось, потому что метеорит ~~ва~~нуло на миллион обломков — бывает такое, от ~~ва~~ренних напряжений — и они огненным в радарх дождем обдали весь борт нашего доблестного корабля.

И это был жуткий, ужасный момент, сами должны понимать, потому что вот был у меня капитан — и нет моего капитана, нет его уже, не уберегся, да и невозможно было уберегаться под таким ливнем, и только бесформенно сплюснутый скафандр, как спущенный футбольный мяч, висит за бортом рядом с искалеченной батареей неподалеку от воздушного шлюза.

Ах ты собака, думаю я про метеорит, ах ты сволочь, ах ты мерзавец!

Сам сижу как парализованный, ничего не понимаю, и в мозгу у меня одна только идиотская мысль: «Ах ты мерзавец, ах ты сволочь!» — будто этим чему-то поможешь.

А ты, думаю я потом. Ты — сумасшедший. Какого лешего полез ты за борт? Потому что у тебя была уверенность? Так где же теперь твоя хваленая уверенность?

Вон она, думаю я, плавает там за бортом вместе с тобой, будь ты проклят, хоть и очень нехорошо так думать.

Сам-то ты тоже хорош, думаю я. Ведь был момент, когда ты ему чуть не поверил...

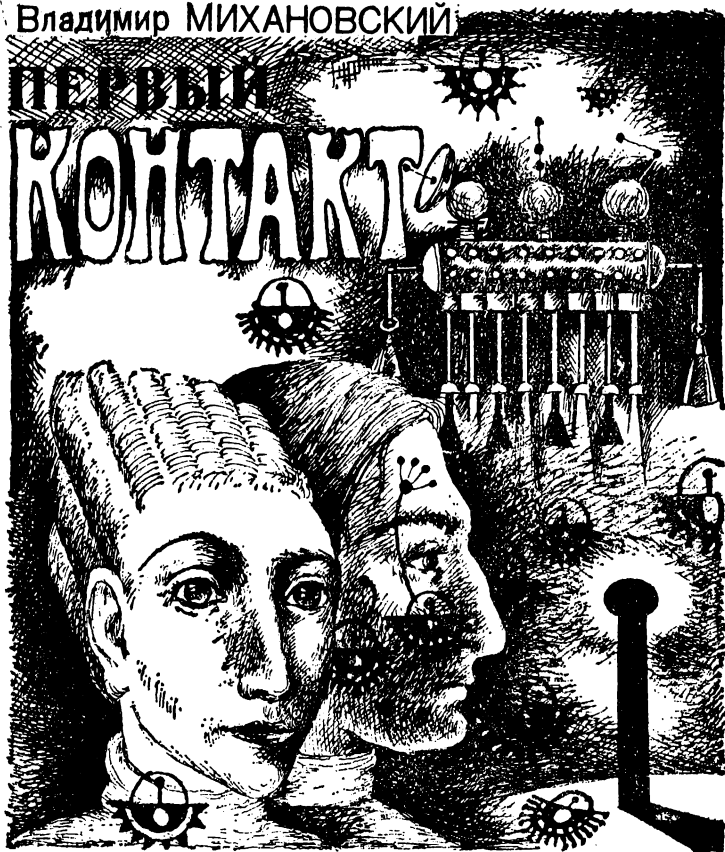
Потом, спустя некоторое время, я все же пришел в себя, отремонтировался и направился прямо к Земле, а не в район Холодных Солнц, как намечалось в программе. На кой мне теперь эти Холодные Солнца?

Да, чуть не забыл — когда я сидел в рубке после всего этого кошмара и голову мне бороздили всякие глупые мысли, я увидел то, о чем мне рассказывали все, кто до меня летал с Никитиным, — космический мираж. Это был корабль, такой же, как наш, и он висел в пространстве совсем недалеко от нашего. Действительно, он был точь-в-точь наш — вплоть до опознавательных знаков. Самое странное, что от него на экранах радаров шел сигнал, как от нормального корабля.

Прямо чертовщина какая-то, честное слово.

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Фантастическая повесть

1

Сначала, как всегда, появилось сознание. И почти одновременно с ним — знакомая по прошлым пробуждениям боль. И хотя он испытывал ее не впервой, привыкнуть к ней, приноровиться было невозможно. Ледяные иголки вонзались, казалось, в каждую клеточку тела. Хотелось потянуться или хотя бы пошевелиться, но Виктор Рябов, командир «Валентины», знал, что после выхода из анабиоза требуется несколько минут абсолютного покоя. Как любит говорить корабельный врач, «организм должен снова привыкнуть к жизни».

Вскоре в кончиках пальцев возникло легкое покалывание,

появилась боль, но через десяток секунд пошла на убыль, стала таять, словно ледышка в теплой воде.

Пока Рябов еще пребывал в неподвижности, лежа в противоперегрузочном кресле, глаза его уже привычно скользили вдоль панели управления, занимающей всю противоположную стену командного отсека.

Ни одного красного глазка — такая удача случается не так уж часто! Сплошь — ряды зеленых точек. Главное же — безмолвствовал аварийный автосигнализатор. Это означало, что из очередной и последней по счету пульсации «Валентина» вынырнула удачно. Заключительный взгляд — на экран внешнего обзора. Вдали, на безопасном расстоянии, были заметны какие-то небольшие небесные тела класса астероидов.

Итак, сделан еще один шаг по длинной дороге домой, к Земле. Дальше корабль пойдет на обычной фотонной тяге.

Наблюдая, как по углам рубки тает клубящаяся мгла — это возвращалось нормальное зрение, — Рябов бросил нетерпеливый взгляд на хронометр зависимого корабельного времени, и в тот же миг, словно повинувшись его взгляду, мелодично пропел таймер.

Все! Можно подниматься.

Пора приступать к положенному по инструкции обходу, а точнее, объезду основных отсеков пульсолета.

Мчась по ленте к фотонному отсеку — ядерному сердцу корабля, — Рябов припомнил еле заметную зыбь, которая замутила было поверхность экрана внешнего обзора. Какое-то неприятное чувство кольнуло его тогда. Опасение? Нет. Астероиды такой величины не представляли опасности для «Валентины»: даже вынырни корабль в самой их гуще — деструкторы за неуловимые доли секунды распылили бы любое тело таких параметров.

Скорее всего, подумал Рябов, сработал «эффект неожиданности». Так бывает, когда ныряльщик, прыгнув с вышки, вдруг обнаруживает на глубине водоросли, щекочущие лицо...

Весь экипаж «Валентины» проснулся, все, кто был свободен от вахты, собрались в кают-компани. Огромный зал наполнился почти до отказа. Люди были радостно возбуждены, как всегда бывает при подходе к Земле.

— В родном трехмерном пространстве!

— Под фотонными парусами.

— Прямым курсом к Солнечной, — раздавались радостные голоса.

— Дождались, — вздохнул штурман Иван Гроза, расплываясь в счастливой улыбке. — Как говорится, с попутным ветром. — Его близорукие глаза подернулись влагой и подозрительно заблестели.

— Теперь дело за тобой, Ваня, — подмигнул штурману Леон Легран, ядерщик. — Прокладывай курс до самой Земли!

Экипаж «Валентины» уже успел ознакомиться с окрестным пространством, изучить показания приборов.

Художник Максим РЕЙХ

— Ничего интересного не обнаружено, — меланхолично констатировал вислоусый начальник двигательного отсека и отхлебнул чаю. — А посему засиживаться здесь нет смысла.

— Нужно обследовать небесные тела, — возразила Анга, старший биолог «Валентины». Многочисленные сотрудники, сидевшие справа и слева от девушки, одобрительно зашумели.

— Также мне небесные тела! — пренебрежительно произнес вислоусый, указывая на еле заметную рябь обзорного экрана. — Эти обломки слишком малы, чтобы на них можно было бы хоть что-то найти. К тому же здесь до нас уже побывал ряд экспедиций.

Анга возразила:

— Из правильных фактов ты делаешь неправильные выводы.

— Голубушка, но ведь все приборы отмечают отсутствие каких-либо следов жизни, — вступил в разговор командир. Ему нравилась задиристость Анги. Но во всем Рябов хотел быть прежде всего объективным.

— Виктор Петрович, — обернулась к нему Анга. — Вы же знаете, что поисковая система корабля запрограммирована только лишь... на знание человека, но то, как он понимает принцип ноосферы. А если здесь затаилась совсем иная жизнь?

— Совсем иная... — проворчал Рябов. — Сотни лет люди бороздят космическое пространство, однако...

— А я за то, чтобы исследовать астероиды, — поддержал Ангу штурман.

Капитан пожевал губами:

— Сделаем так. Можешь исследовать любой астероид. По выбору.

Анга хлопнула в ладоши.

— А с кем я высажусь? — спросила она.

— Команду возьми сама. По выбору.

— Мне кажется, — начала рассуждать вслух Анга, — из астероидов наибольший интерес представляет, по-моему, самый маленький. Уж слишком правильная у него форма. Решено, — тряхнула она головой, — летим на самый малый.

В группу высадки она взяла Ивана Грозу — штурман был ее единомышленник, такой же фанатик «населенного космоса». Ни у кого не вызвала сомнений и третья кандидатура: Леон последовал бы за Ангой не то что на астероид — на край света. Поэтому, уловив его умоляющий взгляд, Анга и ядерщика включила в группу.

— Трех достаточно, — решила она.

Шлюпка, стартовавшая из носовой части «Валентины», зависла недалеке от избранного астероида. Штурман покачал головой, показал на пляшущую кривую на экране прибора.

— Что, Ваня? — нетерпеливо спросила Анга. Мыслями она была уже там, на поверхности.

— Какие-то радиосигналы.

Анга поморщилась.

— Они же слабые.

— Да, интенсивность сигналов ничтожна, — согласился штурман. — А твое мнение, Леон?

Ядерщик несколько минут рассматривал извивающуюся кривую.

— Особое состояние материи, — изрек он наконец. — Где-то бушует плазма, и это свободное излучение электронов.

— Может быть, эти сигналы испускает местное солнце? — спросил Иван.

— Не исключено.

— А солнышко здесь красивое, ребята, — мечтательно произнесла Анга.

Выбрав подходящую площадку, Гроза профессионально посадила шлюпку на все четыре стабилизатора.

— А вдруг это искусственное тело? Очень уж оно округлое, — прошептала Анга.

— Фантазии, — тут же возразил Леон, открывая люк переходной камеры.

— Что ни говори, а это тело не совсем обычное, — заметил штурман. — Словно его обточили на токарном станке. А чего стоит вон та рожица каменных пиков.

— Обычное выветривание, — бросил Леон, проверяя герметичность скафандра.

— Выветривание возможно только при наличии атмосферы, — отрезала Анга.

— Довольно вам. Сейчас все выясним на месте, — проговорил штурман.

На астероиде неведомое чувство охватило Леона. Словно какие-то странные токи пронзили его, будоража каждый нерв, каждую клеточку тела. Неведомые ритмы властно стучались в мозг. В голове сами собой складывались слова: «Мы вышли. Приглушены дюзы усталые. Бушует чужая горячая пыль. От счастья познания чуточку шальные, мы плачем от счастья...»

Леон писал стихи, но об этой тайне знала только Анга.

Три фигуры в оранжевых скафандрах осторожно двинулись в путь. Сбоку, чуть поодаль, семенила кибертележка, груженная необходимой для экспресс-анализа аппаратурой.

Астероид вращался довольно быстро: когда они спускались по лесенке, светило висело в зените, теперь же оно успело значительно опуститься к горизонту.

— А когда-то люди думали, что в невесомости ходить легко, — вздохнул штурман, неуклюже подпрыгивая.

— Кстати, о невесомости, — сказал Леон. — Судя по размерам астероида, я на нем должен был бы весить не менее килограмма, а на самом деле... — Не договорив, он оттолкнулся от почвы и взлетел на добрый десяток метров, после чего медленно, словно осенний лист, спланировал обратно.

Анга заметила:

— Ты сбрасываешь со счетов скорость вращения...

— Вот именно — скорость вращения. — Под прозрачным шлемом было видно, как нахмурился Иван. — Она в точности такова, что скрадывает тяжесть на поверхности.

Леон пожал плечами:

— Совпадение.

— Не верю в такие совпадения, — отрезал штурман, что-то пытаясь разглядеть под ногами.

Светило скрылось, и сразу же, без перехода, наступила ночь. Вверху сияли незнакомые узоры созвездий, и среди них высвечивался величественный силуэт «Валентины».

Они включили освещение, и вся поверхность астероида покрылась черно-белыми полосами.

— Проклятая невесомость, — с досадой произнес штурман, когда, сделав резкое движение, оторвался от почвы и, описав томительную параболу, опустился далеко впереди.

— Скажи спасибо, что астероид вращается недостаточно быстро, — рассмеялась Анга. — А то мы бы слетели с него как песчинки.

— Кому это сказать спасибо? — спросил штурман.

— Ясно кому. Природе, — сказал Леон.

— Космос — великий выдумщик, — добавила Анга.

Они брали пробы почвы и грузили их на тележку. Экспресс-анализ не показывал ничего интересного, но основательное исследование образцов, каждый знал, предстояло после, на борту «Валентины».

Внезапно Леону показалось, что он погружается в какую-то дрему. В мозгу все четче стучали неведомые ритмичные сигналы. На какой-то миг ему почудилось, что все происходит не с ним, а с кем-то другим.

Погруженный в смутные, расплывчатые образы, выплывающие из подсознания, Леон споткнулся и едва не упал.

— Смотри под ноги. — Анга поддержала за локоть медленно заваливающегося Леона.

Выпрямившись, Леон бросил взгляд на остальных. Иван шагал споро и деловито, приноровившись к почти полной невесомости.

Странный предмет, попавший в световой сноп, привлек внимание Анги. Нагнувшись, она подняла его. Предмет имел острые края и был полупрозрачным.

— Словно обломок панциря какого-то существа, — отметила она задумчиво, вертя в руках свою находку.

— Кусок известковой породы, — сказал подошедший Леон. — Ничего интересного, выбрось.

Анга, колебавшись, подошла к тележке и сунула свою находку в свободный контейнер.

С каждым шагом идти Леону становилось все труднее. Казалось, какая-то вязкая масса сдерживала все движения. И вдруг в его мозгу неведомые, но настойчивые ритмические сигналы преобразовались в слова: «Расширяющейся Вселенной вдаль бегущие маяки...» Леон мог поклясться, что фраза принадлежит именно ему, но что ритм ее навязан кем-то извне. Он сделал, запинаясь, еще несколько шагов, и в мозгу возникла другая фраза: «Может, вынырну снова, прорезавши дали, на каком-то витке бесконечной спирали».

Словно кто-то чужой диктовал ему ритмы, которые затем легко складывались в слова... Диктовал? Леон тряхнул головой, как бы отгоняя видения. Ни в какую мистику он не верил. Но новые ритмы все так же продолжали звучать в его мозгу...

Близилась к концу ночь — короткая астероидная ночь. Пржекторный свет поблек. Солнце внезапно высветило недалекую изогнутую линию горизонта.

Маленькая группа шла по курсу, набросанному еще во время облета астероида. Главный интерес представлял, конечно, объект, который они называли «Каменной рощей». Судя по пройденному расстоянию, до него было недалеко.

Внезапно какой-то небольшой предмет впереди них без всякой видимой причины сорвался с места и, описав дугу, скрылся за горизонтом.

— Словно птица, — ахнула Анга.

— Думаю, это шутки местных силовых полей, — сказал Леон.

— Возможно, — согласился штурман. — Они здесь необычайно интенсивны. Нигде не встречал таких полей!

— И во времени они меняются, — развивал свою мысль Леон. Анга наморщила лоб.

— Ребята, а вы меня, случаем, не разыгрываете? Разве может силовое поле сорвать с места кусок породы и зашвырнуть его за горизонт?

— Силовые поля могут все! — уверенно сказал Леон.

— К тому же улетевший предмет почти ничего не весил, — добавил Иван.

— Как странно, — вздохнула Анга, снова трогаясь в путь. — Вокруг нас бушуют силовые бури, проносятся электромагнитные вихри, а мы их не замечаем. Для нас здесь царит вечная тишина и покой.

— Что делать? Эволюция не подарила нам способности реагировать на электромагнитные поля, — сказал штурман.

— А можно представить себе живое существо, которое ощущало бы такие поля, как мы, люди, ощущаем свет и тепло? — обратился Леон к Анге.

— В принципе ничего невозможного нет, — ответила Анга.

— Тут Вольтер проявил удивительную прозорливость, — вступил в разговор штурман. — Помните, в одном из своих философских романов он описывает гигантские существа с Сириуса, у которых десятки, если не сотни органов чувств?

— Интересно бы повстречать такие существа.

Астероидный день стремительно разворачивался. Вскоре вдали показалось множество стройных пиков, возвышающихся над унылой равниной.

Сердце Леона сжалось. Но это было не радостное, а скорее какое-то болезненное чувство. Ноги его подкашивались. Больше всего на свете он боялся, что товарищи заметят его слабость. Но Анга и Иван были поглощены открывшимся перед ними видом.

Они подошли поближе.

— Чудо природы, — сказал штурман.

Анга, не сдержавшись, восхищенно ахнула. Перед ними возвышались каменные столбы безукоризненно правильной геометрической формы, каждый был увенчан каким-то подобием шляпки. Они располагались в шахматном порядке, на равном расстоянии друг от друга. Высота их была примерно одинакова. Лишь посреди каменной рощи, словно Гулливер среди лилипутов, высился один столб, превосходящий по размерам остальные.

— Не меньше пяти метров... — восхищенно пробасил штурман, задрал голову.

— Прекрасный сюжет для фантастической поэмы, — пробормотал Леон, в висках которого, не переставая, стучали молоточки: «Черные столбы, известковые шляпки на них, взволно-

ванные первопроходцы в скафандрах, — и все это погружено в океан изумрудного огня».

Гроза достал из-за пояса узенькую трубку деструктора, но нажать кнопку не успел — Анга с силой ударила по стволу.

— С ума сошел! — гневно проговорила она.

— Хотел выпилить кубик вещества, — виновато улыбнулся штурман. — На корабле исследовали бы основательнее.

— Мы и на месте сделаем это не хуже! — Анга жестом подзвала автомат-платформу и сформулировала задание.

Штурман покачал головой, но деструктор сунул на место.

— А ты что скажешь, Леон? — спросила Анга.

Ядерщик молчал, только ошалело смотрел перед собой оставившимся взглядом. В мозгу его звучали какие-то ритмичные сигналы, и neodолимая сила влекла к высокому столбу. Леон подошел к нему вплотную и обхватил руками, то ли стремясь обнять его, то ли просто чтобы не упасть.

— Не могу отделаться от одной мысли... — еле слышно прошептал он, тяжело ворочая непослушными губами. — Мне все время чудится, что перед нами искусственные сооружения.

— Тебе худо? — спросил Иван, положив Леону руку на плечо.

— Эти столбы напоминают творение разума, — неожиданно поддержала Анга Леона. — Уж слишком у них безукоризненная форма.

— Кристаллы тоже безукоризненной формы, — возразил Иван. — Но ты же не скажешь, что они — порождение разума. Автомат сообщил, что экспресс-анализ структур окрестных пород, в том числе и правильных пиков, окончен.

— Можем возвращаться, — сказала Анга.

Первой засемила к шлюпке шагающая платформа. За ней двинулись Анга и Иван.

Леон не сделал и шагу. Он так и стоял у высокого конуса, полуобняв его руками, и смотрел вверх, на известковую шляпку, словно к чему-то прислушивался. Сквозь пластик маски было видно, как побледнело его лицо.

— Может, на манипулятор сядешь? — предложила Анга.

Леон покачал головой.

Иван подошел к ядерщику и заботливо взял его под руку.

— Пойдем, я помогу.

Рябов действия Анги одобрил.

— На небесных телах ничего не следует разрушать без крайней необходимости. Довольно этим грешили в старину, на заре космонавтики. Что же касается столбов... Это, конечно, интересно. Анализы сделаны, пробы взяты... У нас будет время и в полете, и по возвращении на Землю поразмыслить над материалом, который вы собрали.

Анга достала с тележки, прошедшей, как и люди, дезинфекционную камеру, контейнер и вынула из него известковый обломок.

— Что это? — спросил Рябов.

— Думаю, Виктор Петрович, что это кусок панциря животного или насекомого.

— Я не был бы столь категоричным, — улыбнулся Рябов, разглядывая находку.

Анга поспешила в биоотсек, чтобы исследовать образцы, взятые на астероиде.

«Надо бы зайти, проведать Леона, — вспомнила по пути. И решила: — Зайду попозже».

Анга любила свое белоснежное царство, напоминавшее тропический лес. Трубопроводы и гибкие волноводы, похожие на лианы, обвивали мощные стволы генераторов. У покатых стен отсека теснились установки, по своей сложности соперничающие с живым организмом. Цель у каждой установки при всем их различии была одна — не упустить самую мельчайшую частичку живого, обнаруженного в пучинах космоса, раздуть искорку жизни, какой бы слабой она ни была.

Она скользнула в овальный люк, который захлопнулся за ней с еле слышным вздохом: герметичность каждого отсека «Валентины» была одним из основных принципов, которыми руководствовались инженеры, собиравшие пульсолет на лунных стапелях.

Сотрудники разошлись по своим установкам. Предстояло основательно изучить то, что привезла экспедиция с астероида. Все понимали, что экспресс-анализ — это еще полдела.

Держа в руке известковый обломок, Анга подошла к компьютеру. Она задумчиво стояла перед ячеистой панелью, убегающей под потолок, и молча вертела в руках свою находку.

Обломок ей что-то напоминал...

...У них дома много лет обитала черепаха Маруся, семейная любимица. Анга была тогда совсем девочкой, но хорошо запомнила ее — она помнила всех животных, которых видела даже мельком.

Так вот, не походил ли чем-то панцирь Маруси на ее нынешнюю находку? Хотя в ней нет ни малейших следов органики...

После возвращения на корабль Леон не находил себе места: внимание рассеивалось, простейшие вопросы заставляли его врасплох.

В кают-компании было пусто, Леон зашел туда и замер, прислушиваясь к себе. Ритм в висках не утихал, дробно стучащие молоточки наполняли голову невыносимой болью.

Леон опустился в противоперегрузочное кресло и стал вглядываться в картину, висевшую над обзорным экраном. Картина называлась «Пророк». Раньше он как-то не присматривался к ней, а сегодня не мог оторвать глаз. Вдруг Леону почудилось, что он смотрит на картину чужими глазами. Чужими? В голове роились смутные образы, как будто чужое сознание давало его мыслям неведомый ранее ритм. И вдруг эти ритмические фразы сложились воедино: «Согбенный, нищий и седой пророк с волнистой бородой! Ты много на себя берешь, тасуя истину и ложь. Тебе покорствует толпа, которая, увы, слепа. Но ты, однако, тоже слеп! Цедишь вино, ломаешь хлеб, а в промежутках наобум нам демонстрируешь свой ум. Толпу ты бросить рад давно, пророку ж это не дано. Толпа сама тебя влечет, как щепку ярость внешних вод».

Добормотав последнюю фразу, Леон, обессиленный, откинул голову на спинку сиденья. Затем оглянулся, словно сзади мог

стоять некто, нашептавший ему эти слова. Но обширный зал был пуст. Стенные панели дышали теплом и вечерним покоем.

Леон припомнил, как только что, по пути в кают-компанию, заглянул в штурманский отсек. Иван с несколькими помощниками занимался трехмерной картой. На глазах росла пунктирная линия, соединяющая Изумрудное светило с далеким ласковым Солнцем, согревшим корабль землян. Светящиеся точки, вспыхивавшие в глубине кристалла, — хрупкая лесенка, ведущая к Земле. Леон подошел к земному глобусу, стоявшему на штурманском пульте, и машинально толкнул его. Глобус завертелся.

— Теперь ты сам убедился, что Земля вращается, — пошутил Иван, не отрываясь от работы...

Леон застонал и изнеможенно прикрыл веки.

Полет проходил спокойно. Ускорение составляло менее трети предельного, а это значит, что сразу после включения фотонных двигателей невесомость на корабле сменилась тяжестью, равной земной.

— Пора привыкать к земным условиям, — сказал капитан в кают-компанию во время традиционного чаепития.

Жизнь на корабле была теперь наиболее приближена к тому, что ждало их на родной планете.

Основное время экипаж «Валентины» посвящал разборке и систематизации накопленных материалов. Впрочем, значительная часть проб и образцов, взятых из разных точек внегалактических пространств, еще ждала своего часа.

Все внимание Анги с сотрудниками было уделено пробам, взятым на безжизненном астероиде.

— Пустое занятие, — заметил ей как-то Леон.

Он взял Ангу за руку, но девушка тут же отняла ее.

— Твое сердце холодно, как ледышка, — сказал Леон.

Анга пожала плечами:

— Что же делать?

— Растопи ледышку.

— Не могу, — покачала она головой. — Сделай это ты, если сумеешь.

— Мне без твоей помощи ничего не сделать...

— Посмотри рентгенограммы обелисков малого астероида, — сказала Анга, круто меняя тему тягостного для обоих разговора.

Леон поначалу нехотя, а потом все более увлекаясь, принялся рассматривать их.

— Что и требовалось доказать! — заметил он. — Полная неорганика.

— Раньше ты считал, что их могла воздвигнуть чужая цивилизация.

— А теперь отказался от этой мысли.

Анга погладила полупрозрачный обломок известняка. Она с чем не расставалась.

Леон прошелся по комнате.

— Зря упорствуешь, Анга, — сказал он. — Мы исследовали твою находку вдоль и поперек. Обычный известняк, мертвая

порода с заурядными вкраплениями элементов, обычно встречающихся в метеоритах и на малых небесных телах.

Анга молча сунула обломок в сумочку, где хранились самые дорогие для нее предметы.

— Как твоё здоровье? — спросила она.

— Неплохо, — лаконично ответил Леон.

С каждым днем самочувствие Леона улучшалось. Реже тревожили головные боли, сопровождающие странные видения.

Леон временами даже жалел об этом. Чувство вдохновения, посетившее его в тот памятный час в пустынной кают-компании перед картиной «Пророк», больше не повторялось. Все, что он тайком сочинял, выходило бледным, нарочитым, и Леон без сожаления предавал свои опыты огню.

А «Пророка» он прочитал Анге в тот же вечер, когда в мозг его вспыхнули огненные строки, и девушка поразились силе слов.

— Неужели нельзя полюбить за талант? — полушутя, полусерьезно сказал ей тогда Леон.

— Разве любят за что-то?

— Разумеется.

— Нет, — покачала головой Анга. — Любят просто так.

— Наверно, никто на борту «Валентины» тебя недостойн, — произнес Леон. — Быть может, только на Земле ты встретишь свое счастье.

Девушка молча пожала плечами. Мысли ее были заняты другим.

Однажды в биоотсек ворвался взволнованный Леон. Наскоро поздоровавшись с биологами и биофизиками, он спросил, где Анга.

— В оранжерее, — сказали ему, и Леон помчался в оранжерейный отсек.

Анга возилась с какой-то редкой орхидеей, облучая ее ультрафиолетом.

Леон опустился на колени рядом с девушкой.

— Что случилось? — спросила она.

— Опять!

— Заболел?

— Трудно объяснить... Помнишь, я тебе рассказывал, как сидел один в кают-компании после возвращения с астероида, смотрел на картину...

— Твоего «Пророка» я помню наизусть, Леон, — перебила его Анга.

— В том-то и дело, что не моего!

— Не твоего?!

— Понимаешь, мне все время чудилось, кто-то диктует слова и фразы.

— Ясно. Муза.

— Не смейся. Мне все время казалось, что кто-то чужой стоит за спиной и управляет моими мыслями, роется в них.

Анга взяла его за руку.

— Пойдем в медотсек.

— Наши медики тут ни при чем, — покачал головой Леон. — Пять минут назад со мной случилось нечто еще более удивительное. Я был у себя в ядерном, проверил приборы, а потом прикорнул прямо в кресле.

— Был там еще кто-нибудь?

— Никого. Как и тогда, в первый раз. Дремлю и вдруг чувствую: кто-то спрашивает меня, а я не знаю, что отвечать. И вдруг мне показалось, что я могу ощущать электромагнитные поля.

— Сон, — сказала Анга. — Тебе приснился наш разговор на астероиде.

— Нет, не сон. Я увидел, ощутил эти поля. Все эти изогнутые плоскости, перекрученные спирали силовых линий, векторную пляску напряженностей...

— Галлюцинации.

— Нет! — крикнул Леон. — Потом, когда наваждение прошло, я тщательно измерил силовые поля отсека во многих точках, и, когда соединил их линиями и плоскостями, получил в точности ту же картину, которую видел наяву.

— М-да...

— Но это не все. Ощувив рельеф силовых полей, я вдруг почувствовал, что уменьшаюсь в размерах, и... полетел. Да, я летал по отсеку, клянусь тебе. Ты веришь?..

— Дальше.

— Я летал как пушинка. Но не по воле воздушных течений: мне удалось управлять своим движением с помощью перепадов силового поля. И я осознал, что не одинок, что у меня тысячи, миллионы сородичей. Я чувствовал себя подвижным и необычайно сильным, хотя меня угнетала тяжесть, и я мечтал, чтобы она исчезла, уступив место невесомости. На все, что было таким привычным, я смотрел как бы чужими глазами. И когда увидел «Валентину» на обзорном экране, она показалась мне чудовищно огромной и неуклюжей.

— Это все?

— Нет, не все! Что-то словно расспрашивало меня о Земле... И тут мне показалось, что в отсек вошел пророк с картины, и я его воспринял как представителя чужой цивилизации. Понимаешь, меня все удивляло в нем, начиная от одежды и кончая бородой, которая почему-то представилась мне мхом, растущим на камнях неведомой планеты... Нет, ты меня не поймешь, не поверишь! — В отчаянье Леон спрятал лицо в ладони.

— Постараюсь понять, — произнесла Анга. — Только рассказывай, пожалуйста, все, не упуская никакой мелочи.

— Спрашивай.

— Вот ты говоришь, что почувствовал себя другим существом. А как ты... то есть как оно выглядело, это существо? Леон потер лоб.

— Меня самого это интересовало, но я не мог сам на себя посмотреть со стороны. И вообще-то не понимаю, что служило мне органом зрения, но видел я неплохо, хотя совсем по-другому.

— Не можешь себя — опиши других, себе подобных.

— Они мелькали передо мной быстро, и каждый — в густом силовом поле, в сплетении разноцветных линий напряжен-

ности. Да и слишком я был взволнован, чтобы разглядеть детали. Помню только какие-то мохнатые щупальца, которые то втягивались, то вытягивались... Переливающееся световое пятно на поверхности... На поверхности панциря.

— Панцирь? — воскликнула Анга и потянулась к сумочке, с которой не расставалась.

— Зря стараешься, — странно улыбнулся Леон. — Я отлично помню твою находку. Нет, панцирь на каждом существе не был полупрозрачным. Он был, наоборот, массивным, плотным.

— Плотным... — разочарованно повторила Анга. — Ну а что ты делал с этими существами?

— Я находился среди них только несколько коротких мгновений, а потом все исчезло. Что-то я вспоминал, вспоминал все, что я знаю о Земле. Вспоминал... о геологах...

Не договорив фразы, Леон вдруг побледнел и... потерял сознание.

Растерянная Анга включила экстренную биосвязь и вызвала манипулятор, который увез Леона в медотсек.

В медотсеке Леон пришел в себя. Не открывая глаз, он промышчал от боли. словно два бешено вращающихся сверла ввинчивались в его виски.

Вокруг Леона хлопотали озабоченные медики.

— Что с ним? — волнуясь, спросила Анга у спешащего мимо врача.

— Боюсь, неизвестная болезнь, — нехотя бросил он на ходу.

— Ритмы... — еле слышно прошептал Леон.

— Что, милый? — наклонилась над ним Анга.

— Ритмичные сигналы... Они сведут меня с ума... — Леон метался на ложе манипулятора.

— О чем это он? Какие... сигналы? — недоуменно спросил врач.

— Кажется, я догадываюсь, что ему нужно, — сказала Анга. Порывшись в сумочке, она достала маленький потрепанный томик, бережно обернутый в пластик. Когда-то Леон подарил ей свою самую дорогую книгу, которую они подростками вместе любили читать вслух.

Анга наугад раскрыла книгу и начала читать, стараясь, чтобы голос звучал внятно и отчетливо:

— Мелколесье осеннего севера. Уводящая вдаль колея. Запах пьяный увядшего клевера и тоски подкольной змея. Я сорву стебелек подорожника, в белый храм у дороги войду. Отведи ты, господь, от безбожника надвигающуюся беду.

Голос Анги перехватило. Она умолкла, закрыла книгу и сунула ее обратно в сумку.

— Первый раз слышу, чтобы стихами лечили, — заметила молоденькая медсестра, нарушив паузу, воцарившуюся в отсеке.

— Идея давняя. О лечении гармонией говорил еще, кажется, Велимир Хлебников, — ответил врач.

Леон задышал ровнее. Потом ему опять стало хуже. Чья-то безжалостная воля словно бы выковыривала иглой из его мозга интересующую ее информацию.

А в памяти, заглушая стихи, на минуту унявшие боль, снова замелькали картины из сферофильма о земных геологах — молодых весельчаках и романтиках.

Положение Леона становилось угрожающим, хотя приступы галлюцинаций прекратились. Он так и не приходил в сознание.

Исследование мозговых клеток Леона показало, что они находятся на высшей стадии нервного возбуждения, источник которого, однако, установить не удалось.

Консилиум врачей, имеющих на борту «Валентины», пришел к выводу, что Леону необходим электрошок. Средство рискованное, но другого выхода не было.

Запрокинутого навзничь Леона на несколько исчезающе коротких мгновений поместили в вихревое поле, которое ядерщики — его сотрудники — специально просчитали для больного.

Крайняя мера помогла.

Уже через несколько минут Леон пришел в себя, а еще через день смог ходить. Правда, исхудал он страшно.

Скоро Леон уже мог принимать посетителей, хотя ввиду непроходящей слабости врачи не разрешили ему вставать.

Первой пришла Анга.

Молодые люди долго сидели молча, не зная, о чем говорить.

— Я принесла тебе яблок, — первой нарушила томительную паузу Анга.

— Спасибо.

— А вот виноград из оранжереи.

— Давно я не был в оранжерее. Целую вечность, — безучастным тоном произнес Леон.

— Чутьку меньше, — улыбнулась Анга и тут же поспешила перевести разговор на другую тему. Напоминать Леону о последнем его посещении оранжереи ей не очень-то хотелось.

Они говорили о разных вещах, и Ангу начало смутно беспокоить какое-то безразличие, которое скользило в каждой фразе Леона.

К ним подходили и отходили люди.

Капитан принес огромный букет роз.

— Спасибо, Виктор Петрович, — выдавил Леон и, не глядя, положил цветы на тумбочку.

Рябов побыл несколько минут и ушел, сославшись на неотложные дела.

Побыть вдвоем, однако, не удалось. Едва ушел капитан, как появился штурман. Он приволок в сетке огромную дыню, распространяющую чудесный аромат.

— Недурная штучка, а? — повертел он сеткой перед Леоном. — Я, между прочим, выбрал ее из-за формы, она точь-в-точь астероид, по которому мы так славно прогулялись. Узнаешь?

Леон покачал головой.

— Ладно, выздоравливай, — пробасил Иван и столь же быстро, как Рябов, ретировался.

Улучив момент, когда они остались одни, Анга тихо спросила:

— Скучаешь?

— Нет, просто прихожу в себя.

— Я блокнот тебе принесла.

— Зачем?

— Как зачем?! Стихи сочинять. — Она оглянулась и добавила: — Не волнуйся, нас никто не слышит.

— Я никогда не писал стихов, — еле заметно пожал плечами Леон. — И не собираюсь их писать.

Он угрюмо поправил край одеяла, которым был укрыт. Тогда Ангa наклонилась над ним и прочла строки о пророке с седой бородой, слепом вдохновенном пророке с картины, который ведет толпу, а толпа сама влечет его, словно щепку ярость вешних вод.

— Хорошие стихи, — прошептал Леон.

— Это твои стихи.

— Мои? В первый раз слышу.

Ангa сдержала готовый вырваться крик. Пораженная внезапной догадкой, она спросила:

— А ты помнишь, как мы втроем высадились на астероиде?

— На астероиде? — Леон наморщил лоб. — Не понимаю, о чем ты, Ангa.

— Ну а свои... видения, свои галлюцинации... — уже не сдерживаясь, крикнула она. — Их ты тоже забыл?

Подошел врач.

— Ангa, голубушка, полегче... Я предупреждал: больному нельзя волноваться.

— Доктор, — разрыдалась Ангa, — он все позабыл.

— Ну уж и все. При электрошоке бывает временная потеря памяти.

Леон безучастно слушал беседу, словно разговор его не касался.

Медики, к сожалению, ошибались.

Память Леона со временем восстановилась, но не полностью. Все, что так или иначе было связано с ритмичными сигналами, напрочь улетучилось из его мозга.

Велико было отчаяние Ангi. Конечно, она жалела Леона, которого, судя по всему, покинул поэтический дар. Рассказы о таинственных видениях, посещавших его, нигде не были зафиксированы. Их никто не мог подтвердить.

Победно вздымая фотонные паруса, корабль неудержимо стремился домой, на Землю.

Каждый готовился к возвращению по-своему. Было ясно, что первоначальный план, выдвинутый Виктором Петровичем — всем сообща поехать отдыхать куда-нибудь на пустынный остров в Тихом океане, — лопнет как мыльный пузырь. Слишком много людей на борту, слишком много желаний, надежд.

Так или иначе, на борту царило радостное волнение.

Солнце, родное Солнце теперь не покидало экран внешнего обзора.

Среди всех, пожалуй, только Леон оставался безучастным.

Вскоре радисты поймали сигналы корабля патрульной службы.

Капитан договорился о сроках и месте проведения карантина. — Все идет как положено. Порядок, — сказал он удовлетворенно.

Сердце Анги сжимала тоска, ее томили предчувствия. Но поделиться было не с кем.

Вскоре корабль пересек границы Солнечной системы.

2

Молодой эл, с трудом переваливаясь на коротких щупальцах, которые прогибались под тяжестью панциря, брел в сторону ручья. Ручей не был виден, сквозь заросли доносилось его призывное журчанье. Теперь собственная затея стала казаться ему нереальной, но он упрямо решил довести ее до конца.

Ко всему прочему, он приземлился не совсем точно — повело магнитное поле Тусклой планеты, силовыми линиями которого он пользовался для перемещения в пространстве, и потому путь к ручью оказался непредвиденно долгим.

Изумрудное светило в аспидно-черном небе, усеянном шляпками звезд, перевалило зенит и теперь неторопливо склонялось к горизонту. А он все еще полз.

Упрямей, чем он, Гангарон, совсем недавно вылупившийся из кокона, никого в роду элов не было. И любопытней тоже. Во всяком случае, за все то время, пока элы находились на астероидах в районе этой планеты, мало кто из них посетил Тусклою. И только он, Гангарон, регулярно навещал ее...

Позади остались влажные от росы кусты, которые представлялись Гангарону живыми существами. Ибо каждый из них в глазах молодого эла обладал собственным миром, жил по своим, неведомым Гангарону законам.

Спускаться к ручью по крутому откосу было нелегко. Мелкие обломки породы, потревоженные упругими щупальцами эла, срывались и сыпались в воду с ворчливым бульканьем, вздымая фонтанчики мельчайших брызг. Гангарон с трудом спустился на отмель, переводя дух, взглянул вверх. Изумрудное светило висело над самым горизонтом.

Щупальца от перегрузок ныли, хотя в воде Гангарон чувствовал себя несколько лучше. Вообще же на массивной Тусклой планете он чувствовал себя не совсем уверенно. Как и его сородичи, которые предпочитали жить в полной или почти полной невесомости. Приспособить свое тело к силе тяжести им никак не удавалось.

«Светило в глубине загрузло. Проста, прозрачна и легка, вода осмысливает русло и кучевые облака», — пришли вдруг в голову Гангарону рифмованные строчки.

И откуда в его мозгу рождаются эти ритмические фразы? Откуда у него этот проклятый дар? Ведь ни Старый эл, ни даже Ку, его подружка, не видят в них смысла. Некоторые элы даже считают это своего рода болезнью, хотя и не говорят вслух. Но сам Гангарон чувствует, что именно в них, этих ритмах, может быть, заключено оправдание и смысл его существования... Так неужели этот дар так и пропадет с ним? Неужели не появится никто, кому его ритмика была бы созвучна?

Но пора было уже прощаться с Тусклой планетой. Изумруд-

ное светило постепенно скрылось за далекими горами, наступили сумерки. Гангарона это не пугало, но ему почему-то всегда хотелось видеть Тусклую планету в радостном свете ее звезды... Может быть, потому, что тогда легче рождались ритмические фразы...

— Скажи, что тебе понадобилось там, в царстве вечной тяжести? — спросил Гангарона Старый эл, когда увидел своего молодого друга смертельно уставшим. Он уже давно наблюдал за Гангароном, знал, куда он временами исчезал, но не решался открыто спросить об этом. И только сегодня этот вопрос вырвался у Старого эла.

— Вода и... жизнь, — коротко ответил Гангарон.

Ему и самому себе было трудно объяснить то, что с ним происходило на Тусклой планете, почему его постоянно тянуло туда.

Долгие-долгие годы путешествовали они по силовым полям, пронизывающим Вселенную, и... видели себя одинокими. Менялись поколения элов, живших в невесомости. И не случилось в безбрежных даях такого, чтобы элы хоть на миг ощутили себя негармоничным составляющим глубокого вакуума, температур межзвездного пространства. Это был их мир. Мир, который создал их и частичкой которого они себя всегда считали.

Здесь же, на Тусклой планете, рассуждал Гангарон, силы гравитации были на целые порядки выше тех, в которых постоянно обитали его соплеменники. Но зато здесь была и... жизнь, которую так долго искали они в межзвездных даях. Жизнь эта, правда, была совсем иной.

— Хорошо бы нам поселиться здесь, — отчужденно заметил Гангарон. — Сколько свободной поверхности, которой так нам недостает на астероидах!

— Сила тяжести убьет нас...

Старый эл задержал свой взгляд на далекой звезде, горевшей в немыслимой бездне.

Рисунок созвездий постоянно менялся.

Отключиться от мыслей Гангарону никак не удавалось. Он применил все испытанные способы: то принимался пересчитывать звезды над сбой, то сочинял ритмичные фразы, то восстанавливал в уме доказательство какой-нибудь пространственной теоремы. Но забытье не приходило.

Гангарон огляделся. Вокруг, на каждом свободном клочке астероида, отдыхали неподвижные элы.

Скоро над астероидом взойдет светило, и с первым его лучом элы разлетятся в разные стороны, начиная свои обычные дневные хлопоты.

И вдруг...

Это походило на чудо.

Во всяком случае, ничего подобного элы не наблюдали за всю свою историю.

В черной пустоте космоса, прошитой лучами Изумрудной

звезды, вдруг вспыхнуло новое ослепительное светило. Только было оно не переливчато-зеленым, а ярко-алым.

Наливаясь внутренним жаром, светило быстро разбухало. Затем, остановившись на мгновение, начало еще уменьшаться в размерах. Одновременно и яркость новой звезды стала стремительно падать.

Вскоре на новорожденное небесное образование можно было смотреть, не боясь быть ослепленным. Смотреть и любоваться. Фиолетовые языки пламени вокруг тускнеющего светила опадали словно отцветающие лепестки диковинного цветка, которых так много видел Гангарон на Тусклой планете.

Затем Гангарон и пробудившиеся элы в смятении наблюдали, как от огромного сооружения отделилось маленькое остроносое тело и двинулось в сторону Главного астероида.

Но самое невероятное было потом. Из странного сооружения, причалившего к астероиду, вышли три огромные фигуры оранжевого цвета. Передвигались они, несмотря на невесомость, неуклюже, поочередно переставляя нижние конечности. Рядом с ними столь же неуклюже перемещалось какое-то существо, явно иного, чем они, происхождения.

Существа зажгли какой-то светильник и при его свете стали то и дело наклоняться к земле, подбирая с нее что-то. С какой целью все это проделывалось, элы никак не могли понять. И тогда один из элов, что постоянно дежурил на астероиде, в слепом страхе взлетел, несмотря на строжайший запрет не трогаться с места ни при каких обстоятельствах. Но, вероятно, не каждый мог оставаться просто наблюдателем, когда...

Когда же тройка пришельцев приблизилась к заветному месту, элы заволновались.

Здесь, на Главном астероиде, были поставлены столбы. Элы соорудили их для того, чтобы не только оставить свой след на бесконечной дороге во Вселенной. Они хотели дать знать, что здесь побывали разумные существа.

Гладкие, правильной формы столбы, которые ставили элы на своем пути, должны были, по их мнению, привлечь внимание чужого разума к этому необычному явлению. И решено было оставлять около столбов панцири умерших элов.

Элы внимательно следили за каждым шагом пришельцев. Наблюдения должны были ответить на один-единственный вопрос: в полной ли мере разумны пришельцы? Что принесет элам возможный контакт? И возможен ли он вообще?

Когда один из пришельцев навел какой-то механизм на главный столб, возведенный из материалов Тусклой планеты, что обозначало найденную элами жизнь, каждый из них напрягся. Но тут пришелец меньших размеров воспрепятствовал его намерениям.

Гангарон с особым любопытством следил за поведением среднего пришельца. Он уже заметил некоторые закономерности.

Предчувствуя возможные великие последствия для элов от этого контакта, Гангарон стал мыслить ритмическими фразами. С некоторых пор ритмы помогали ему думать, решать самые сложные проблемы.

Гангарон заметил: ритмические сигналы отзывались на среднем пришельце. Его движения, походка стали несколько иными... Наконец три фигуры забрались в свое сооружение, на котором прилетели. Вновь возникло пламя, и сооружение улетело прочь.

Гангарон стал следить за пришельцем. Тем самым, который вел себя иначе, чем другие. Увидел в своем воображении, как он остановился у статичных фигур на стене. Гангарон сосредоточился, пытаясь понять увиденное. Потом в его сознании всплыло округлое небесное тело, окутанное дымкой. Сначала малое, величиной с горошину, оно стремительно приближалось, увеличивалось. Колышущаяся оболочка была голубого цвета.

— Голубая планета... Большая планета... — восхищенно прошептал Гангарон. И он теперь уже был готов позабыть радость бывшего общения с Тусклой. Новая была... необъяснимой.

И вдруг она исчезла. Вместо нее возник обычный шар из прозрачного вещества, которое так часто встречалось элам на их бесконечном пути во Вселенной.

Затем в поле зрения появился новый пришелец. Они о чем-то стали совещаться. Один из них подошел к шару и стал его вращать.

И мысли Гангарона приняли новое направление.

Пришелец стоял перед кристаллом с поблескивающими гранями и что-то объяснял своему товарищу. И Гангарона вдруг привлекла пунктирная светящаяся линия, замысловатой кривой пронизывающая кристалл. Каждая точка кривой сверкала, словно малая звездочка. Кривая начиналась у Изумрудного светила.

Гангарон замер в напряжении. Он узнал узоры созвездий. Окрестных созвездий... Вмонтированные в глубину кристалла, они блестели первозданной красотой.

— Пусть теперь летят, — с торжеством произнес Гангарон. — Теперь мы знаем, где их найти.

— Я сегодня провел последний сеанс связи с пришельцем, — сказал однажды Гангарон Старшему элу. — Хотя они слишком далеко удалились. Я послал самый мощный сигнал, на который способен.

— А он не убьет пришельца? — поинтересовался более осторожный Старый эл.

— Затрудняюсь ответить на это, — почему-то вдруг прошептал Гангарон.

В сознании его появилась картина планеты с небольшой высоты. Зеленая кипень безбрежного лесного массива то приближалась, показываемая крупным планом, то снова отдалялась так, что сверху едва можно было разглядеть голубые вены рек.

— Удивительная планета, — заметил Гангарон. — Она краше Тусклой.

И вот уже Гангарон видит берег огромного потока, чем-то напоминающий ему ручей на Тусклой планете. Только этот поток во много раз шире и глубже. С одного берега еле виден другой.

Крутой склон сбегает к воде. Близ прибрежной полосы несколько одинаковых сооружений. Они просты по виду, стенки их колеблются под порывами ветра.

Рассвет. Первые лучи светила вот-вот брызнут из-за горизонта.

— У них светило не изумрудное, а алое, — подмечает Гангарон.

Он видит, как из одного строения показывается пришелец, затем другой, третий. Они собираются на росистой лужайке и начинают делать нелепые движения, размахивая конечностями, затем бегут к реке...

Гангарон долго еще пытался осмыслить полученную информацию. И каждый раз его все больше и больше беспокоила тайна, которая хранилась в нем. Почему на ритмические сигналы, так и не понятые никем из элов, интенсивно реагировал один из пришельцев? Почему он, единственный, оказался в биорезонансе с сигналами Гангарона? И — главное — почему мысли пришельца удалось прочитать?

Может быть, эти ритмы означают некие закономерности Вселенной, какие-то общие законы, которые пока непостижимы ни для элов, ни для землян?

На какое-то мгновение Гангарону даже почудилось, что он вот-вот может постичь тайну.

— Что тут без меня случилось? — услышал он. Это была его подруга Ку.

Гангарон рассказал о последнем сеансе биосвязи с пришельцем, улетающем на корабле.

— Больше связаться с ним не удастся. Слишком быстро они разошлись!

— Но ты уверен, что нам следует лететь к ним?

Внезапно Гангарон заторопился.

— Ты куда? — спросила Ку.

— Буду отрабатывать с элами строй в полете. Боюсь, они разучились держать его, поскольку давно не летали на дальние расстояния. Нужно, чтобы в полете, который продлится годы, элы не сталкивались и не отдалялись друг от друга.

— Так далеко планета пришельцев?

— Очень далеко. Но дальние расстояния нас, элов, не должны пугать.

Гангарон хотел уйти, но Ку остановила его новым вопросом:

— Послушай, почему тебе удалось установить биоконтакт только с одним из пришельцев?

— Я и сам об этом все время размышляю... Познать тайну ритмических сигналов мне пока не под силу. Но я никому не признавался в этом, кроме тебя, — заключил он.

Торопиться элам не было необходимости. Что же касается энергии для питания, то ее свободный космос предоставлял достаточно в виде перепадов электромагнитных и прочих силовых полей.

На всем своем долгом пути к чужой планете элы отдыхали где приходилось. В основном это были малые обломки некогда распавшихся планет, носящихся в пространстве.

На отдыхе элы приводили себя в порядок, проверяли прочность и непроницаемость панцирей и снова по сигналу Гангарона трогались в путь.

Далеко позади осталась Изумрудная звезда, но Гангарон бережно нес под панцирем точную копию штурманской карты «Валентины». Через равные промежутки времени он сверялся с нею, внося необходимые коррективы в курс.

Однажды эл, летевший впереди, разглядел в невообразимой дали крохотную желтую звездочку и просигналил об этом остальным. Гангарон сверился со штурманской картой. Сомнений не было: то самое светило, в сторону которого вела светящаяся пунктирная линия трехмерной карты.

Гангарон велел уменьшить скорость, горделиво оглянувшись: валы элов, расходившиеся во все стороны концентрическими кругами, показались ему бесконечными.

3

Произошло событие, которое всколыхнуло всю Землю.

В разных местах планеты одновременно были уловлены сигналы неизвестного происхождения. Правда, были они чрезвычайно слабы — на грани чувствительности аппаратуры.

Кто-то из наблюдателей припомнил по этому поводу старую историю, случившуюся после возвращения знаменитой «Валентины» из глубинного поиска. Старший биолог Анга привезла из полета полупрозрачный обломок известняка. Она говорила повсюду, пользуясь любой трибуной, что это не просто кусок породы, а, возможно, часть панциря некоего существа, обитающего на астероидах. Однако доказательств у нее никаких не было...

Наблюдения продолжались. Удалось установить, что источник слабых и размытых сигналов перемещается со значительной скоростью.

Сигналы носили странный, ни на что не похожий характер. Даже электронный мозг научного комплекса не сумел расшифровать их, хотя сигналы явно носили упорядоченный характер.

Коротковолновики из всех уголков земного шара с помощью радиоволн лихорадочно обменивались мнениями:

— Сигналы сильно засорены случайными помехами. Сигналы несут как бы двойкий характер.

— Второй слой сигналов имеет какую-то внутреннюю ритмику, напоминающую... стихи.

Сигналы исчезли так же внезапно, как появились.

Размеры Земли превзошли самые смелые предположения элов.

Был момент, когда Гангарон едва не отдал команду: всем повернуть назад. Однако, прикинув импульс каждого эла и силу притяжения Земли в том участке пространства, где они находились, Гангарон с ужасом понял, что вырваться из поля притяжения Земли и лететь назад у них не хватит сил.

Они стали пленниками планеты, еще не коснувшись ее поверхности.

— Прекратить все переговоры! — отдал команду Гангарон.

Эта красивая, несмотря на весьма почтенный возраст, пара была известна всему континенту, но прежде всего Тристауну — маленькому австралийскому городку, в котором они жили последние несколько десятков лет после выхода на пенсию.

Жили они в коттедже на тихой окраине, подальше от городской суеты и суетоки. На прогулки в любую погоду выходили с такой точностью, что по ним можно было проверять часы.

Это были очень уважаемые люди. Их часто приглашали на встречи с молодежью, и они рассказывали о глубинном космическом полете, в котором им довелось участвовать, о старинном пульсолете «Валентина».

Анга больше всего любила рассказывать о своей находке, сделанной во время высадки на одном из малых астероидов в системе Изумрудной звезды. При этом она доставала из потертой сумочки и демонстрировала обломок известковой породы, который от времени чуть изменился, став еще более прозрачным.

— Можно подумать, что он меняется от старости! — говорила Анга, рассматривая обломок.

Люди слушали Ангу затаив дыхание. Об удивительных формах жизни, которые, возможно, существуют во Вселенной, о таинственных сеансах связи с Леоном, которые столь внезапно оборвались.

Однако рассказы Анги казались слушателям, особенно молодым, красивой сказкой, фантастикой, не более. Если это правда, то почему ее рассказы не подтверждает Леон, сидящий рядом? Более того, он как бы опровергал Ангу всем своим видом, скептически улыбаясь и пощипывая свою седую клиновидную бородку.

Но как бы там ни было, рассказы эти пользовались неизменным успехом.

Впрочем, не меньшим успехом пользовались и рассказы Леона. Больше всего любили их слушать юные техники и физики, приезжавшие на встречи с Леоном со всех концов Земли и даже с других планет. Леон живо рассказывал о новейших проблемах астрофизики и ядерной физики, за которыми продолжал внимательно следить, показывал устройство старинных фотонных парусов. Любил он вместе с ребятами мастерить приборы, разбирать их изобретения, во многом несовершенные, и выделять в них главную идею.

Только к литературе Леон оставался совершенно равнодушен: когда на экране домашнего видеозора появлялся очередной знаменитый поэт, он решительно выключал звук. Несмотря на протесты Анги.

...И в этот вечер они, как всегда, вышли на прогулку, несмотря на сырую погоду.

Миновав центр, Анга и Леон решили прогуляться до болота. Туда вела еле заметная тропинка, поросшая травой. Маршрут не пользовался у жителей Тристауна особым успехом, но Анга и Леон любили слушать концерты лягушек.

Слева и справа от тропинки тянулся чахлый кустарник, листья которого успела по-осеннему пожухнуть.

Стояло полнолуние, щедрый свет заливал каждую выбоину на дороге, редкие осинки и взметнувшиеся ввысь телеграфные столбы.

— Забыла сказать тебе... — нарушила долгое молчание Анга. — С вечерней пневмопочтой нам пришло приглашение.

— В Москву? — оживился Леон. Он давно ждал извещения о премьере балета «Звездные мосты» в Большом театре.

— На Венеру.

— А что там?

— Двухсотлетие венерианских стапелей. Круглая дата. Будут самые почетные гости из тех, кто имеет отношение к стапелям.

— Заманчиво, — произнес Леон. — Но, пожалуй, далековато. Как ты считаешь?

— Вероятно, перегрузки в пути нам окажутся уже не под силу, — вздохнула Анга.

Давно кончилось предместье. Теперь тропинка вилась по пустынной местности. Вдали показались пологие волны холмов, окаймляющих болото.

— Задумай желание! — воскликнула вдруг Анга. — Звезда падает.

— Эх ты... — сказал Леон.

— Осенью всегда падают звезды, — мечтательно повторила Анга. — О, посмотри, сколько их! Целый ливень!.. — С неба низвергался светящийся звездный дождь, который и в самом деле был великолепен.

Леон почувствовал странное волнение. Словно что-то давно забытое шевельнулось в его душе.

Звездный ливень оборвался так же внезапно, как начался.

— Пойдем, — тронул Леон Ангу за руку. Он не мог бы объяснить, в чем дело, но что-то впереди влекло его к себе словно магнит.

Чудовищная гравитация неодолимо тянула элов вниз, и они были вынуждены подчиниться ей. Вскоре облака разверзлись, и открылась неведомая планета, на которую они так стремились и которая ни за что теперь их не выпустит из своих объятий. Но им повезло: они упали не на твердую почву, а в воду. Эта среда была им знакома по Тусклой планете.

Первый эл погрузился в болото, и вода зашипела. Следом в болото обрушились остальные элы.

Гангарон опомнился первым.

— Пусть каждый эл соберет информацию, какую сможет, об окрестностях, — сказал он. — Мы ее изучим и наметим план дальнейших действий.

Элы рассыпались по болоту, обмениваясь репликами-сигналами.

— Планета покрыта жидкостью, — заметил молодой эл. — Мы сможем рассеяться по всей планете.

— Но много и суши. На суше мы жить не сможем, — сказал другой, более опытный.

С энергией дело обстояло хуже. Электромагнитные поля здесь были слабы и явно недостаточны для питания элов.

В поздний час, когда Гангарон мрачно размышлял о том, сколько времени элы смогут просуществовать на негостеприимной планете, до его чутких анализаторов донеслись акустические колебания.

Новые звуки были насыщены осмысленной информацией.

Вскоре он увидел вдали две фигуры и понял, что звуки исходят от них. Передвигались они еле-еле, вперевалку, с трудом переставляя нижние конечности, верхними же бессмысленно размахивали в пространстве.

— Не могу понять, отчего стало так тревожно? — произнес Леон.

— Переутомляешься.

— Такое ощущение, словно пробуждается какое-то воспоминание. Что-то давнее-давнее... Но что именно — вспомнить никак не могу.

Анга и Леон присели на холмик отдохнуть.

— Чашечку кофе? — предложила Анга. Они всегда брали термос, отправляясь на вечернюю прогулку.

— Не могу, — покачал головой Леон. — Меня раздражает какой-то непонятный ритм. Кажется, я схожу с ума.

Анга схватила его за руку.

— Ты бледен! И, как на грех, мы забыли дома браслеты био-вызова.

— Авось обойдется. — Леон закрыл глаза. Дышал он трудно и прерывисто.

Теперь и Анга что-то начала смутно припоминать, но воспоминание ускользало.

— Успокойся, милый. — Она попыталась отвлечь его: — Тебе не кажется, что сегодня болото какое-то необычное?

— Болото? — удивленно произнес Леон.

— Посмотри, сколько кувшинок.

— Распустились.

— Никогда такого не бывало.

Они помолчали. Анга отвинтила крышку термоса и выпила немного кофе.

— Получше тебе?

— Нет.

— Пойдем домой, ляжешь. Я вызову врача.

— Только отдохну немного. Я не в состоянии пошевелиться, — пробормотал Леон.

Гангарон снова и снова копался в своей памяти. Как ни крути, выходило, что эти двое те самые пришельцы, которые когда-то высаживались на Главном астероиде. Совпадение казалось невероятным, тем не менее это было именно так.

Еще не оформившаяся мысль волновала Гангарона.

Когда-то, много лет назад, ему удалось установить биосвязь с одним из пришельцев. С единственным из пришельцев. А что, если...

Анга, не допив кофе, выплеснула остатки на землю и поспешно завинтила крышку термоса.

— Леон! — сказала она тревожно.

Леон беззвучно пошевелил губами и положил ей голову на колени. Анга растерялась. Она не знала, как поступить, как добраться до дому.

На болоте что-то странно и страшно зашевелилось.

Внезапно Леон открыл глаза.

— Где я? — спросил он.

Анга наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Я только что был на астероидах... Там, у Изумрудной звезды, — слабым голосом произнес Леон, оглядевшись и с видимым усилием узнавая местность.

— Конечно, конечно, — закивала Анга, с тревогой глядясь в его глаза.

— Ты была права, астероиды населены. Я в этом сейчас убедился. И обломок, который ты тогда подобрала, — это действительно кусок панциря.

Анга была в отчаянии: у Леона начинается бред.

Внезапно Леон схватился за голову.

— Они здесь... они гибнут... им нужна помощь.

— Кто?!

— Те самые существа.

— Опомнись! — Она сжала ему руку. — Ты же сам говоришь: они далеко, на астероидах.

— Нет, они здесь, здесь, возле нас, — упрямо произнес Леон. — Совсем рядом...

Все средства массовой информации Солнечной системы, все каналы и программы вдруг заговорили о необыкновенной встрече и находке супругов Легран. Леон, единственный пока человек, вступивший в контакт с иноземными существами, оказался в центре внимания. Во всех научных учреждениях велись обсуждения: как вывезти пришельцев на околоземную орбиту, где они могли бы долго существовать в своей невесомости. Пока будет найден способ взаимного общения.

Первый контакт требовал серьезной подготовки.

БОГОМИЛ РАЙНОВ

УМИРАТЬ— В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ

Роман

Жизнь нередко ставит нас в трудное положение, но никогда — в безвыходное. Это вовсе не означает, что выход найдется в нужном направлении и непременно в стороне от кладбища. Однако наше человеческое право — искать этот выход, а умирать, как гласит мой девиз, — лишь в крайнем случае.

Что можно сделать, например, если вы находитесь в гостиничном номере на четвертом этаже, если единственное окно безрадостно открывает пейзаж уличной мостовой, расстилающейся в пятнадцати метрах под вами, а в дверь настойчиво барабаният люди, которые, мягко говоря, не желают вам добра?

Спасительные крыши, по которым киношные герои имеют обыкновение ловко скакать к счастливому финалу, в данном случае недостижимы. Весьма призрачен и шанс, что может появиться спасительная веревка, протянутая в решающий миг компаньоном с верхнего этажа, поскольку, если таковой имеется, то совсем не сверху. Конечно, вы могли бы внезапно открыть дверь и, притаившись за ней, молниеносно выскочить, как только эти люди ворвутся в комнату. Но это еще один кинотрюк, который в жизни не удастся. Вам остается только ждать, пока неожиданные гости выломают дверь.

Телефон! Спасительная связь с внешним миром. С надеждой поднимаете трубку, но провод перерезан. Вот он, минус телефонной связи. Другое дело радиосвязь. Разумеется, если у вас она есть.

К счастью Борислава, такая связь у него есть: маленькие и примитивные аппаратики-близнецы, что стоят десять фунтов пара и которыми играют уже и дети. Один из близнецов находится у Борислава, другой — у меня. Если мы еще не знакомы — очень приятно, Эмиль Боев. К сожалению, не могу пожать вашу руку, поскольку в данный момент нахожусь в гостинице напротив.

Связь осуществляется тут же, так как включенный приемник находится на столе, и пока я рассматриваю утреннюю газету и допиваю кофе, раздается попеременно с посторонними шумами голос Борислава:

— Они взламывают дверь... Вызови полицию...

Нажимаю кнопку и отвечаю в микрофон:

— Принято.

Если бы вы находились в комнате Борислава, наверное, вас бы удивило его сообщение, ибо те, что все более угрожающе стучат в дверь, именно это и кричат:

— Откройте! Полиция!

Только у Борислава есть основания подозревать, что это едва ли полиция. И чтобы рассеять всякое сомнение, я зову на помощь полицию настоящую. Через пять минут дежурный патруль в темно-синих мундирах и касках выскакивает из служебной машины и бросается к отелю. Почуввав, что дело плохо, непрошенные гости торопятся убраться через черный ход. На месте происшествия оказываются только Борислав и управляющий,

который, разумеется, только что упал с неба и ничего не знает. Короткая справка, осмотр паспорта — «вы свободны».

«Свободен» — однако в каком смысле и до каких пор? Чтобы не мучиться этими вопросами и использовать полицию как прикрытие, Борислав в их присутствии расплачивается за номер и с первым же такси уезжает в неизвестном направлении.

Неизвестном для лондонской полиции и для тех, кто, вероятно, еще рыщет за углом, но не для меня. Я, в свою очередь, расплачиваюсь и беру такси:

— Виктория стэйшен!

Такова наша договоренность: в случае провала не тратить напрасно время с авиакомпаниями и аэродромами, а сесть в первый же поезд до Дувра и перебраться на континент.

Вокзал в этот предобеденный час достаточно оживлен и достаточно щедро начинен темно-синими мундирами, что нового нападения можно не опасаться. Я нахожу Борислава в одном из купе уже сформированного поезда и занимаю место в другом конце того же вагона. Вокруг спокойно, лишь изредка из соседнего купе слышатся детские голоса. Пейзаж за окном не возбуждает беспокойства: несколько групп провожающих и два носильщика с тележками перед спальным вагоном.

Кондуктор проходит по перрону, закрывая одну за другой двери. Раздается гудок. Поезд медленно трогается с места.

«Вырвались», — мелькает мысль.

И в ту же минуту я вижу, что в конце вагона, где расположился Борислав, появляется худой незнакомый человек в черном плаще. Его челюсти лениво перемалывают жвачку. Но, что важнее, в его правой руке темнеет специфический предмет. Предмет, дуло которого предусмотрительно удлиняет глушитель. Кидаясь к нему, не сообразив даже, что ничего не смогу сделать голыми руками, но легкий хлопок уведомляет меня, что выстрел сделан.

Человек исчезает за дверью, ведущей в соседний вагон. Борислав остается на месте, прижав к груди маленький чемоданчик. Тот пробит пулей, но мой друг жив.

— Чемодан меня спас, Эмиль... — бормочет он. — Только достал его, чтобы взять сигареты... И только приготовился бросить его в физиономию этому типу... Никогда не уезжай без чемодана.

* * *

И вот мы снова на исходной позиции — в родной Софии. И снова перед нами начало некой истории. Хотя, говоря между нами, истинное ее начало все еще неизвестно — оно кроется в прошлом, а конец теряется в тумане будущего, и весь наш капитал на сегодня — два незначительных факта да хилая гипотеза.

Факты следующие. Недавно в нашу страну прибыл английский гражданин Джон Райт, профессия — торговец, семейное положение — холост, возраст — 38 лет, цель пребывания в стране — отдых. Райт отправился на горный курорт Пампорово, где катался на лыжах, гулял, словом — отдыхал. Наши люди не могут сопровождать каждого иностранца, независимо

от того, женат он или нет. Они предоставили ему полную свободу кататься на лыжах и гулять. Однако прогулки англичанина приняли интересный оборот: он начал ходить по гостям. Когда и где впервые его обаяла эта страсть, неизвестно, поскольку он побывал с культурно-ознакомительной целью в нескольких городах, прежде чем показаться в столице, где навестил некоего Пешева. Именно здесь его засекли, да и то потому, что Пешев сам пришел к нам.

— Не хочу, — говорит, — чтобы меня втянули в темную историю. Этот англичанин пришел ко мне совершенно неожиданно и сказал, что привез привет от Мишо, то есть от Михаила Милева...

— Кто это Михаил Милев? — спрашивает служебное лицо.

— Да тот студент, что удрал на Запад лет десять назад...

— А после что?

— Студент? Откуда я знаю, что он там делает!

— Не студент. Англичанин.

— Ничего. Я его сразу попросил. Не хочу, чтобы меня во что-то впутывали.

Он, конечно, прав, но ему и в голову не приходит, как бы он помог нам, поинтересуясь, что еще привез ему англичанин, кроме привета.

Затем Райт явился к гражданину Станчеву. Однако и Станчев особого гостеприимства не проявил.

— Он сказал, что мой адрес дал ему Михаил Милев, который прислал мне с ним привет...

— Еще что?

— И я спросил то же самое: «Что еще?» А он говорит: «Мне нужны некоторые мелкие сведения...» Я же ему отвечаю: «Для сведений есть специальная служба: «Справочная». И показал ему на дверь.

И Станчева невозможно упрекнуть, хотя он тоже поспешил. Но что делать: не хотят люди ненужной романтики. А между тем Райт сообщил в гостинице, что уезжает через два дня. И даже если он еще где-нибудь нанес подобные визиты, мы упустили их из виду. Единственный материал, над которым стоит размышлять, это те две сакраментальные встречи. Так что мы размышляем некоторое время, пока генерал наконец не обобщает:

— Садитесь с Бориславом в самолет и отправляйтесь-ка в Лондон.

Что мы и делаем. С необходимыми предохранительными мерами, разумеется. И вообще так, чтобы не попасться на глаза Райту еще во время полета. Прибыв в столицу, мы сопровождаем англичанина на такси, что, однако, нелегко в этом городе, где, если попросишь шофера ехать быстрее или медленнее, он лишь посмотрит на тебя с чувством глубокого превосходства, мол, он и сам прекрасно знает свою работу и в советах не нуждается. Сопровождаем мы Райта до самого дома — маленькой непривлекательной гостиницы в лабиринтах Сохо.

Наши перемещения осуществляются по предварительной инструкции, а точнее, по схеме: второй следует за первым, а третий — за вторым. Роль третьего, самая безопасная, возлагается

на меня. В мою задачу входит не спускать глаз с Борислава и наблюдать издали, как окружающая среда — в Сохо она достаточно загрязненная — реагирует на его появление и его действия. Борислав же работает на сквозняке, потому что когда ходишь за кем-то по пятам, то и самому легко стать объектом для наблюдения.

Вначале Борислав работает как опытный профессионал, так что никто не обнаруживает его присутствия, хотя возможности для маневра у него минимальные. Передвижения Райта каждый день и в течение целого дня ограничены маленькой улочкой недалеко от его гостиницы. Вот кафе, где он торчит время от времени, вот ресторан, где он обедает, вот здание, в котором он исчезает на долгие часы и в котором, очевидно, находится его рабочее место. Довольно монотонный распорядок дня и достаточно скудный как источник информации.

Та же улица служит и сценой, где протекает жизненная драма эмигранта Михаила Милева, с которым Райт еще в первый день встречается в кафе и которого Борислав тут же узнает на основе изученного уже фотоматериала. Но Милев сам по себе не столь примечательная личность, и наблюдать, как он пьет пиво или питается в итальянском ресторане, не бог весть какое увлекательное занятие. Сбежав еще студентом на Запад во время туристической поездки по Дунаю, Милев вначале подвизался в эмигрантских кругах в Вене, затем — в Мюнхене, в Париже, пока в конце концов не появился в Лондоне. Его миграции, вероятно, объясняются тем обстоятельством, что он оказался слишком бездарным даже для весьма невзыскательной среды предателей, и зря старался найти какое-то применение своей бездарности.

Скудны и контакты Райта и Милева с окружающей средой, контакты с несколькими индивидами обоего пола, чей быт также ограничен узкими рамками данного квартала.

Одним словом, «пустышка». Какого рода торговля англичанина, если таковая существует? Каковы функции болгарина на сегодняшний день? Каков характер отношений между ними? Неизвестно.

Так что спустя неделю после напрасного шатания по кафе, перекресткам и подъездам Сохо решаем изменить тактику. Борислав оставляет осторожные приемы профессионала и превращается в самонадеянного дебютанта. В кафе и в ресторане он садится поближе к столику англичанина и болгарина и усердно слушает, о чем они говорят. Вслед за Райтом тащится в кабаре и, видя, что тот вскоре выходит на улицу, следует за ним. Он врывается в здание, где Райт ежедневно проводит по несколько часов, и там его встречает нечто весьма мускулистое, уведомляющее, что здесь нет никакого учреждения, а находится частный дом, после чего выкидывает его на улицу. Пристраивается в кафе и ресторане поблизости от столика англичанина или болгарина, чтобы подслушивать. Вообще сует нос везде с ловкостью и грацией слона в магазине стеклотоваров, пока однажды вечером наконец не подмечает, что ухитрился привлечь внимание к своей персоне. В течение всего пути от Пикадилли до гостиницы Борислава преследует какой-то подозрительный тип.

— Сегодня вечером ты был под наблюдением, — сообщаю ему посредством домашней радиосвязи.

— Ну наконец-то!

Да, наконец-то. Только уже следующим утром в гостиницу во-
рвались незваные гости и начали барабаниТЬ в дверь:

— Отворите! Полиция!

А тремя часами спустя в поезде, следующем в Дувр, незна-
комец в черном плаще опробовал работу своего пистолета, на-
правив его предварительно дульной частью в грудь Борислава.

* * *

— Наблюдения показывают, что Райт занимается не бизне-
сом, а чем-то иным, — обобщает генерал. — Все сомнения по
этому вопросу рассеивают нападения на Борислава. Ясно, что
вы попытались проникнуть в область, заглядывать куда строго
запрещено. Кстати, Борислав, мы посылаем вас туда совсем не
для того, чтобы вы служили там мишенями...

Мы с моим другом сидим в двух кожаных темно-зеленых кре-
слах под листьями гармонирующего с ними по цветовой гамме
канцелярского фикуса и пытаемся придать своему лицу выра-
жение безмолвного, но от этого не менее полного раскаяния.

Мы молчим, пока шеф, заметивший неизвестно как оказав-
шуюся в моей руке пачку сигарет, бросает:

— Эмиль, перестань мять «БТ». Если хочется травиться — на
здоровье.

— Я, в сущности, бросил, — бормочет Борислав, протягивая
руку к пачке, — но как исключение...

Он действительно бросил, не помню в который уже раз.
— Среда там определенно криминальная, — замечает мой
друг, вдыхая проклятый никотин. — И история, если таковая
имеется, наверное, тоже криминальная.

— Может, и не криминальная, — возражает генерал.

— Среда такова, что пока нет оснований для других предпо-
ложений, — настаивает Борислав на своем.

— Ну и что это за криминальная история, по-твоему? —
спрашивает шеф, поглядывая на него синими глазами, просто
неприлично синими для генерала.

— Может быть, пытаются вывезти какие-нибудь ценности, —
предполагает мой друг. — Пешев и Станчев порядочные граж-
дане, но оба происходят из известных буржуазных семей, вла-
деют иностранными языками и могли бы послужить Райту для
связи с другими людьми такого рода и помочь ему в розысках
ценностей... монет, икон, ювелирных изделий...

— Не исключено, — пожимает плечами генерал, — но мало-
вероятно. Ты что думаешь, Боев?

Задавая служебный вопрос, шеф всегда обращается ко мне
по фамилии.

— Может, тут какая-то контрабанда? — бормочу я.

— Какая контрабанда?

— Например, наркотики.

— Какие наркотики они могут искать у нас?

— Не у нас, а через нас, — уточняю я свою версию. — Подготовка канала с Ближнего Востока на Запад.

— Наркотики... ювелирные изделия... — повторяет как бы про себя генерал.

Он явно недоволен нашими гипотезами. Мы тоже, впрочем. Но после того, как ты десять дней мотался по вертепам мошенников и мелких гангстеров, трудно допустить, что в их головах может зародиться идея значимой политической операции.

— Возможно и другое, — говорю. — Возможно, Милев использовал поездку Райта для сбора сведений, которые предложит своим вероятным американским шефам, чтобы блеснуть перед ними или выпросить у них немного долларов.

— Возможно, — кивает генерал. — Но ты можешь поверить, что этот англичанин доедет до самой Болгарии, чтобы услужить Милеву или покататься на лыжах?

Возражение уместно. Но все дело в том, что при недостаточных данных, которыми мы располагаем, нам гораздо проще сформулировать возражения, чем убедительные гипотезы. И это единственный вопрос, по которому мы высказываем единодушное мнение.

— Так мы ничего не добьемся, — заключает генерал. — Необходимо более широкая и точная информация.

— Эту информацию можно получить, только внедрив нашего человека в их среду. Иначе мы так и будем вертеться, подобно кошкам, около горячей каши, — подхватываю я.

— Не знаю, стоит ли игра свеч, — скептически замечает Борислав.

Генерал молчит некоторое время, меряя шагами расстояние между письменным столом и окном. Наконец произносит:

— Разумеется, стоит. И покушение на тебя — лучшее тому доказательство. Даже преступники не прибегают к крайним мерам из-за пустяка. Значит, это не пустяк.

Он замолкает и снова начинает мерить шагами расстояние от письменного стола до окна. Потом смотрит на меня, и этого взгляда мне вполне достаточно, чтобы отгадать его следующую реплику:

— Что скажешь, Боев, если мы пошлем тебя, а? В конце концов, предположение твое, Борислав, в любом случае вне игры. Едва ли стоит поставлять им мишени из Болгарии.

— Эмиль тоже становится мишенью, — замечает мой друг.

— Будем надеяться, что в данном случае он не станет демонстрировать именно это свое качество, — отвечает шеф. — Хотя при путешествии в неизвестное...

Не закончив фразы, он подходит к окну. После чего мы тщательно отработываем легенду, тактические ходы и все подробности, связанные с особенностями обстановки и возможными изменениями в ней.

Двумя часами позже прощаюсь и направляюсь к выходу. И, как всегда, когда киваю отдающему мне честь милиционеру при входе, в моей голове мелькает идиотская мысль, что, может быть, в последний раз прохожу я через эту дверь и что это путешествие в неизвестное из тех, где билет за полцены, поскольку возвращение не предусмотрено.

Если смотреть на жизнь философски, то можно убедиться, что даже в трудных ситуациях есть нечто утешительное. Утешением в данном случае служит то, что по легенде я — болгарин и отправляюсь каптенармусом на болгарском сухогрузе. Ранней весной морская прогулка от Бургаса до устья Темзы заманчива.

Мои служебные обязанности необременительны и формальны, так что у меня есть возможность наслаждаться видами Средиземного моря, которые мне очень не хочется омрачать посредством скучных описаний. Завожу дружеские знакомства с экипажем и завоевываю авторитет если не в области снабжения, то хотя бы в области белота. Боюсь, однако, что прекрасное впечатление, которое создается обо мне во время путешествия, развеется легким дымком в прощальный день.

Мы вошли в Темзу. Наше судно должно оставить свой груз и взять на борт другой, с которым оно пойдет в Северное море курсом на Мурманск. А нам, несколькими членам экипажа, не занятым работой, разрешают углубиться в дебри Лондона. Мы предупреждены, что ровно через сутки должны явиться на базу, если не хотим остаться в доброй старой Англии.

Поскольку я сказал «дебри Лондона», думаю, вам ясно, что мы забираемся в Сохо, так как там они самые дремучие. Откровенно говоря, второй помощник и другие ребята предпочли бы прежде прогуляться по центру столицы, по Оксфорд-стрит и Риджент-стрит, поглазеть на витрины и на людей. В кармане моем, однако, каким-то чудом оказывается довольно солидная сумма, и я, отягощенный ею, предлагаю прежде выпить и закутить и затаскиваю всех в Сохо, и далее дело принимает такой оборот, что мы начисто забываем остальные достопримечательности.

Вина в данном случае более всего моя, потому что я напиваюсь. Напиваюсь глупо и дико, словно должен отпиться за все «сухие» дни, проведенные в море, сменяя напитки и заведения, и увлекаю за собой ребят, напрасно пытающихся меня вразумить. Но до какого бы состояния я ни доходил и сколько заведений ни сменил, все стараюсь держаться поближе к определенной улице и по возможности обращать на себя внимание, потому что шумная моряцкая компания, загулявшая среди белого дня, — это подробность, которая производит впечатление и запоминается даже в Сохо, а я стараюсь именно произвести впечатление — чтобы меня запомнили.

Пиршество доходит до своей кульминации вечером, и уже ночью, поскольку до судна длинный путь, а на рассвете мы должны быть на борту, ребята делают отчаянные попытки напомнить мне эту подробность и вообще обуздать меня, а я постоянно повторяю, что для всего есть время, а когда они пытаются вытащить меня насильно из очередного питейного заведения и наконец им это удается, я вырываюсь из их рук и бегу куда глаза глядят, но хотя я и бегу куда глаза глядят, смотрю, чтобы не слишком отдаляться от определенной улицы.

Эти славные парни ищут меня в близлежащей округе и один

раз проходят в двух шагах от темного подъезда, в котором я притаился, так что мне отчетливо слышны их голоса:

— Чего это вдруг накатило на него... — говорит один.

— Запой, что же еще, — авторитетно отвечает второй помощник. — Ты что, не знаешь этих запойных вывертов?..

Они еще раз обходят все кругом, но в конце концов, кажется, решают, что должны быть на судне в определенный час, а там пусть комендант решает, искать меня или поднять якорь. Но я заранее знаю, что он решит, ибо если на борту все же кто-то отчасти и в курсе моей истории, то это комендант.

* * *

Мой взгляд, погасший не столько от выпитого, сколько от бессонной ночи, апатично остановился на молодой даме, высоко поднявшей юбку, дабы показать мне ноги в длинных сетчатых чулках. Дама прорисована яркими красками с прикрепленной на стене афиши с пояснительной надписью: «Ремман ревю-бар».

В этот утренний час маленькое заведение еще тихо и пустынно, не воеет проигрыватель-автомат, и не толпятся у стойки бара мужчины, наливающиеся гиннесом — отвратительным черным пивом с привкусом жженого сахара, представляющим собой самое большое лакомство среднего англичанина.

Заведение находится на углу улицы, которая не знаю почему уже давно привлекает мое внимание, и вчера мы заходили сюда, но ненадолго.

Час завтрака прошел. Два кельнера занимаются уборкой бара, а шеф заведения сидит за кассой и просматривает счета. Три человека, расположившись за столом у витрины, распределяют свое внимание между пивом и свежими номерами «Дейли миррор». А в углу напротив сижу я за стаканом виски, и настроение у меня подавленное.

Я бессмысленно взираю на ярко нарисованную даму напротив, когда передо мной останавливается живая. Но не менее яркая. И не менее разрисованная. Не экономит, видать, пудру и помаду.

— Мой большой мальчик скучает? — спрашивает она голосом, который после сна явно нуждается в легкой смазке.

— Совсем нет, — апатично качаю головой. — Забавляется.

— С виски?

— И с содовой, — тороплюсь добавить, чтобы придать своей забаве более пристойный вид.

— Оригинальная идея, — признает дама. — Хотя вы, если верить моим часам, рановато начали.

С этими словами она непринужденно располагается рядом со мной и подзывает кельнера тем же, требующим смазки, голосом:

— Деву, один скоч, мой мальчик!

И лишь после этого догадывается спросить меня:

— За ваш счет, не правда ли?

— Не будем обсуждать эти прозаические детали, — бормочу я великодушно.

Великодушный тон, естественно, не ускользает от внимания женщины, которая, воспользовавшись им, вливает в себя менее чем за час еще три порции виски, заполняя паузы вопросами, служащими нашему знакомству.

— Мне кажется, я уже видела вас, — говорит она, посылая мне располагающую улыбку большого намазанного рта.

— Не исключено, — отвечаю, уныло взирая на свой стакан.

— Да-да, я видела вас в «Золотом льве»... сейчас вспомнила. Вы были, кажется, с какими-то моряками и подняли ужасный шум.

— Не исключено, — повторяю я и отпиваю глоток. — Какой смысл пить, если не поднимать шума.

— Вы моряк или что-то в этом роде, да?

— Да, что-то в этом роде.

— И какой национальности?

— Болгарин.

— Болгарин?.. А, да, Балканы, — произносит дама, довольная, что может блеснуть своими познаниями в географии.

Затем, напомнив Деви, что ее стакан пуст, продолжает спрашивать:

— А где ваш пароход, мой мальчик?

— В море.

— А я предполагала, что в Гайд-парке.

— Я хотел сказать, в открытом море.

— А вы остались?

— Ну, когда твои дружки бросают тебя... и в самый тяжелый момент...

— Бедный мой мальчик! — проговаривает она сочувственно, берет у Деви очередной скоч и после продолжает: — Что вы теперь будете делать?

— Ждать, что же еще.

— Чего ждать?

— Судна, естественно. Не думаю, что оно потонет в пути. Через несколько недель снова будет здесь...

— Действительно. Ну, несколько недель не так много. Если вы располагаете средствами...

— На несколько недель у меня не хватит средств, — признаюсь я, рискуя ее разочаровать. — Но думаю, мне удастся найти какую-нибудь работу.

Она, кажется, тоже готова рискнуть, потому что бросает:

— Найти работу? Не исключено. Хотя более вероятно, умрете с голоду.

— Так уж и умру! В крайнем случае пойду в посольство.

— Это уже что-то более реальное, — кивает дама и берет у меня сигарету.

Услужливо подношу ей зажигалку и, в свою очередь, закурываю. Какое-то время мы оба молчим, одинаково довольные, она — что собрала свою маленькую информацию, я — что допрос окончен. Допрос — да, но не вопросы:

— Надеюсь все же, что вам хватит средств на один-два дня?

— О, на один-два дня — разумеется.

— И еще на один-два скоча?

— Конечно. Не стесняйтесь.

Она и не думает стесняться и продолжает наливать до обе-

денного часа, когда кафе наполняется народом и даже потом, когда оно пустеет и мы остаемся одни. Закончив допрос, дама переходит к более общим темам, наводящим и на серьезные размышления, даже способствующим определенному философствованию. Но это не мешает ей через равные интервалы в пятнадцать минут говорить: «Деву, мальчик мой, ты что, не видишь, что мой стакан пуст?», а иногда вспоминать и обо мне, хотя я — что естественно для пьяницы на второй день запоя — значительно более скромнен, чем моя визави.

Наконец, как и следовало ожидать, дама переходит от кардинальных вопросов бытия к теме любви, ибо что еще остается человеку в этом отвратительном мире, кроме любви. По этому поводу она признается — не без известной доли девического стыда, — что, в сущности, я ей не антипатичен, даже напротив, однако это еще ничего не значит, и пусть я не воображаю ничего, потому что у нее есть друг, постоянный друг, и что мне посчастливилось познакомиться с нею и сидеть за одним столиком только потому, что этот друг, настоящий друг, в данный момент находится вне Лондона, она не знает точно, где и с какой целью.

Время близится к пяти, я далеко не так пьян, как кажется, и достаточно ясно понимаю, что попал за столик — с некоторых пор она утверждает, что я оказался за ее столиком, а не наоборот, — одной из тех особ, которых можно встретить во всяком вертепе средней категории, женщины весьма спорной и сомнительной молодости, экипированной с дешевым шиком и накрашенной с удручающей вульгарностью, что сочетается с претензией на некую непорочность, возможно, основанной на том, что этим дикарям с Балкан более всего и нравятся непорочные.

Время близится к пяти, но дама упорно продолжает буксовать вокруг мотива, что у нее есть друг, почти муж, но, на мое счастье, этого человека сейчас нет в Лондоне, а я непонятно почему, ей понравился с первого взгляда, несмотря на недопустимо пьяный вид, но то, что я ей понравился, еще не дает мне права воображать бог знает что и думать, что она из тех, кто караулит на улицах, потому лишь, что согласилась принять меня за свой столик и выпить один стаканчик за компанию; и секрет нашей столь неожиданной и быстрой близости заключается в том, что неизвестно почему я ей понравился, хотя, говоря между нами, я вовсе не представляю собой бог знает что, особенно в нынешнем состоянии. Словом, эта дама старается меня убедить, что она не проститутка, и я великодушно соглашаюсь с ней, чтобы не раздражать, хотя если она не проститутка, то я сам кентерберийский епископ.

— Кажется, пора сниматься с якоря, — осмеливаюсь предложить, когда маленькая стрелка часов замирает на пяти.

— Почему? — невинно спрашивает дама.

— Пора спать.

Это безобидное заявление она воспринимает как грубый нарек на плотские утехы и не упускает возможности вновь уведомить меня, что у нее есть друг, даже в определенном смысле почти муж, после чего все же признается неохотно, что я действительно ей до некоторой степени симпатичен, и только по этой причине она, может быть, согласится позволить себе со мной

небольшую интимность — в наше время кто этого не позволяет, — но не переходя границ, и вообще при условии, что я буду вести себя прилично, и это, естественно, означает, что я дам ей небольшую сумму займа: «Не воображайте, мой мальчик, что речь идет о таксе или о чем-то в этом роде», просто ее друг сейчас находится в Ливерпуле, а ей нужны деньги.

Лишь после этих последних объяснений с ее стороны и оплаты счета с моей стороны: «Раз вы все равно вытащили портмоне, неплохо бы, если бы уже сейчас вы дали мне двадцать монет, мой мальчик», — мы наконец оставляем кафе и выходим на воздух.

Ее зовут Кети, если верить кельнеру, который называл ее так не слишком почтительной интимностью. Ее зовут Кети, и живет она совсем рядом, точнее, в маленькой гостинице на другом конце улицы. Во всяком случае, она приводит меня именно в эту гостиницу, и мы проходим, не останавливаясь, мимо окошка администратора, поднимаемся на второй этаж и оказываемся в комнате с плотно закрытыми занавесками и затхлым воздухом, насыщенным ароматом дешевого одеколона.

«Наконец-то постель», — думаю я, когда Кети шелкнула выключателем. Приближаюсь неуверенными шагами к элементу мебелировки и блаженно вытягиваюсь поверх покрывала из искусственного шелка.

— Могли бы хоть ботинки снять, мой мальчик, — замечает дама с просто поразительной наблюдательностью, если принять во внимание количество выпитого.

— Не будьте мелочны, — говорю я.

Туман окутывающей меня дремоты мешает видеть подробности начавшегося стриптиза. Это, может, и к лучшему, поскольку дряблая, увядающая плоть, которая постепенно обнаруживается под кружевным черным бельем, что-то не особенно обольстительна.

— Надеюсь, вы не страдаете разными там болезнями... — слышу откуда-то издали голос, все еще требующий смазки.

— Я хочу спать, Кети, — отвечаю сонно, чтобы перевести разговор на более нейтральную тему.

— Так и знала, что вы извращенец, — произносит она с укором. — Пришли посмотреть, как я раздеваюсь, а сейчас хотите спать...

И правда хочу. Только мне не удастся. Потому что не успела отзвучать последняя реплика, как в дверь, оказавшуюся почему-то незапертой, врываются два здоровенных парня.

— Ах, стерва! — рычит один. — Посмотри на эту стерву, Том! Посмотри и запомни, Том!

Спасибо еще, что сон не окончательно меня сразил. Быстро вскакиваю, но тут же снова оказываюсь в постели, рухнув туда после соприкосновения с кулаком разъяренного незнакомца.

— Оставь человека, Питер, — осмеливается возразить Кети. — Между нами нет ничего такого, что...

К сожалению, застывшая в почти голом виде посреди комнаты, моя защитница не выглядит очень убедительной в аргументации своей невиновности, не говоря уже о том, что на нее никто не обращает внимания. Питер вновь склоняется ко мне, что дает возможность моему ботинку ознакомиться с его физи-

ономией. И когда он машинально хватается за раскровавленный рот, другой ногой я проверяю прочность его пресса. Легкой потерянности в лагере противника достаточно, чтобы я наконец мог вскочить с этой неудобной в данной ситуации постели.

Итак, я вскакиваю. И натыкаюсь на кулак Тома. Достаточно крепкий кулак, вынуждающий меня отступить и опереться на ближайший стул. В следующую секунду стул разбивается о голову Тома. Увы, она не менее крепкая, чем кулак. Том шатается, но не падает. Падаю я от соприкосновения моего темени с каким-то твердым предметом — за моей спиной Питер вновь пришел в действие.

Умалчиваю об остальных подробностях, чтобы не возбуждать низменных инстинктов. Я несколько раз пытаюсь подняться с пола, но безуспешно. Эти двое, очевидно, располагают сейчас минимум двадцатью конечностями каждый, ибо куда ни повернусь, везде меня ждет пинок. Кажется, последний из них был самый сильный и угодил мне в голову. Думаю, это было так, хотя точно сказать не могу, поскольку теряю сознание.

Понятия не имею, сколько прошло времени и что было со мной перед тем, как я пришел в себя. Первая мысль: если эта дикая боль — жизнь, едва ли стоит брать на себя трудживать. Боль неравномерно распределяется по всему телу, но львиная доля ее приходится на голову.

Вторая мысль: в комнате что-то холодно и сильно дует. Проходит немало времени, прежде чем я открываю глаза и вижу, что лежу на тротуаре в темном углу улицы. «Открывать глаз» — было бы более точно сказано, поскольку сейчас я был в состоянии открыть только один глаз из нерасчетливо используемой ранее пары.

Третья мысль самая неприятная. Жизнь всегда подбрасывает самое неприятное к концу, на десерт. Когда, подавляя страшную боль, стискиваю зубы окровавленного рта и привожу в движение руки, чтобы проверить содержимое в кармане, я обнаруживаю, что они пусты.

Вновь опускаюсь на холодные плиты тротуара, поскольку эти движения полностью исчерпали мои силы и в голове у меня карусель и поскольку последнее открытие подействовало на меня, как удар в печень. В десяти шагах от меня уличная лампа безучастно посылает свои лучи в темноту. Сквозь полуопущенные веки эти лучи кажутся мне в моем зыбком мировосприятии огромными шупальцами отвратительного белого паука, беспощадно тянущимися ко мне, чтобы схватить и уничтожить.

Итак, распростертый на тротуаре, избитый до полусмерти, ограбленный и лишенный какой бы то ни было бумаги, удостоверяющей мою личность, я начинаю новую жизнь на новом месте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Бедняга, из него сделали котлету, — слышу как сквозь сон над собой мужской голос.

— Клиент созрел для морга, — говорит кто-то другой.

— Нужно убрать его отсюда, Ал, — произносит первый субъект. — Грех оставлять человека на улице.

— Пускай лежит, — отзывается второй. — Ему место в морге.

— Нет, все же нужно его взять, — решает после паузы первый. — Отнесите его вниз и попробуйте подлатать...

— Как скажете, мистер Дрейк, — соглашается второй.

Не знаю, что такое «вниз», но чувствую, что сильные руки поднимают меня, как вязанку дров, и куда-то несут. Разница в данном случае только в том, что дрова не испытывают боли, в то время как я от грубых объятий незнакомца и тряски чувствую, что мне вновь становится как-то очень нехорошо.

Мои дальнейшие переживания представляют собой чередование мрака и света, причем минуты мрака куда желаннее, они несут забвение, минуты же света наполнены обжигающей болью. Очевидно, целебной болью, я чувствую, как кто-то промывает мне раны и перевязывает их, но все равно это боль.

Когда наконец я окончательно прихожу в себя, наступает день. Не знаю, какой именно, но день, потому что сквозь окошечко под потолком в помещение падает сноп света, подобный свету прожектора в темном кинозале. Но помещение, где я лежу, совсем не похоже на кинозал, если не считать полумрака. Это какая-то камера, почти целиком занятая пружинным матрацем, на котором я лежу, и фигурами двух мужчин, склонившихся над мной.

Эти двое не похожи на врачей. Более того, с моей — лежащей — точки зрения они имеют вид достаточно устрашающий. Они разного роста, но одинаково плечистые, у них одинаково низкие лбы и мощные челюсти, а две пары маленьких темных глаз смотрят на меня с холодным любопытством.

— Вроде бы выплыл из ваксы, — констатирует высокий, заметив, что я подаю признаки жизни.

— В таком случае самое время его поднять, Ал, — отзывается тот, что пониже. — Иначе слишком растолстеет.

— Пусть толстеет, Боб! — великодушно бросает высокий. — Как бы ни потолстел, у него будет время похудеть.

— Нет, при таком режиме мы его избалуем, — возражает Боб.

Они еще немного спорят, поднять меня или оставить поднагулять жирку, но я слышу их голоса все слабее и слабее, покуда вновь не погружаюсь в забвение и мрак, или, как здесь изъясняются, в ваксу.

Когда вновь прихожу в себя, на улице день, хотя непонятно, какой — тот же самый или следующий. Скорее следующий, потому что я могу уже открыть оба глаза, а боль почти утихла. Я один, и это меня радует. Рядом с матрацем на полу нахожу бутылку молока. Выпив несколько глотков, утоляю одновременно голод и жажду. Затем машинальным жестом курильщика тянусь к карману брошенного на подушку пиджака, но тут вспоминаю неприятную подробность, что не располагаю не только сигаретами, но и паспортом.

«У нас здесь есть посольство», — сказал я не без известной гордости этой предательнице. Совершенно верно. Только для ме-

ня посольства не существует. Я должен заботиться о себе сам — насколько могу, как могу и пока могу. А в случае опасности у меня есть один-единственный путь к спасению. Разумеется, если я успею воспользоваться им в решающий момент.

А если и успею, так что? Вернусь домой и скажу: капитулировал. Избили меня, и я капитулировал. Украл мой паспорт, и я капитулировал.

Дверь помещения, которая служит мне больничной палатой, пронзительно скрипит. На пороге появляется рослый Ал.

— А, вы соблаговолили открыть глазки? В таком случае, сэр, соблаговолите встать. Если заботитесь о гигиене, можете сполоснуть физиономию над раковиной в коридоре. И поспешите. Шеф вас ждет.

Я пытаюсь встать, и, к своему удивлению, мне это удается, хотя и не без труда. Темный коридор слабо освещен мутной лампочкой, а над раковиной висит треснувшее зеркало, и в этом неуместном предмете роскоши видна моя физиономия. Важно, что мне при этом все же удается опознать себя. Распознаю себя прежде всего по носу, который каким-то чудом почти не пострадал, хотя нос — обычно самое уязвимое место. Остальная часть картины состоит из ссадин и синяков. Тяжелых повреждений, однако, нет.

То же, наверное, можно сказать и о других частях тела, не смотря на ощутимые боли. Раз я могу двигать руками и держаться на ногах, значит, еще проживем. Ободренный этой мыслью, споласкиваю лицо, вытираюсь тряпкой, висящей на гвозде, и, сопровождаемый Алом, поднимаюсь по бетонной лестнице.

— Продолжайте в том же духе, — говорит он, когда я нерешительно останавливаюсь на площадке первого этажа.

Поднимаюсь на второй этаж.

— Стойте здесь! Ждите! — вновь звучит его голос.

Узкий вестибюль, освещенный бронзовой люстрой, всего две двери. Ал приоткрывает одну, просовывает голову внутрь и что-то тихо говорит. Потом распахивает пошире дверь и бросает мне:

— Входите!

Уют просторного помещения, в котором я оказался, не вяжется с убожеством лестницы и вестибюля. Тяжелая викторианская мебель, диван и кресла, обитые плюшем табачного цвета, шелковые обои им в тон, огромный персидский ковер и прочее в этом роде. Мое внимание, однако, привлекают не подробности обстановки, а хозяин кабинета, стоящий у мраморного камина, в котором мерцают искусственные угли — скучная пластмассовая подделка, подсвеченная изнутри обыкновенной лампочкой.

Камин служит прекрасным дополнением к стоящему возле него невысокому мужчине или, если хотите, он сам выглядит прекрасным дополнением к камину. Его голова пылает жаром: рыжие кудри, с кое-где пробившейся сединой, рыжие взлохмаченные бакенбарды и красное лицо, в середине которого кто-то приклеил небольшой, но не менее красный уголек носа. И на фоне этого знойного пейзажа резко выделяются холодной голубизной небольшие живые глазки, которые испытующе ощупывают меня.

— Ну, значит, все-таки воскресили! — произносит человек после того, как ему надоедает меня изучать.

Тон у него добродушный, если вообще может быть добродушным львиный рык.

— Очевидно, именно вам я обязан своим воскрешением... — замечаю я.

— Пожалуй, да. Хотя я не жажду благодарности. Из вас сделали хорошую отбивную.

Хозяин, похоже, поддерживает свой накал довольно банальным горючим — виски; поскольку берет с письменного стола высокий хрустальный стакан, содержащий немного золотистой жидкости и два кубика льда, делает небольшой глоток и только после этого спрашивает:

— В сущности, что же с вами случилось?

— Ничего особенного, — пожимаю плечами. — Насколько я разбираюсь в проститутках, меня заманили в одну из простейших ловушек. Приманка для дураков, и дураком оказался я. Ворвались в комнату, избили, обобрали, а потом выбросили на улицу.

— Неприятная история, — кивает хозяин, достает из маленького кармана длинную сигару и начинает тщательно разворачивать целлофановую обертку.

— Ничего страшного, — бросаю пренебрежительно. — Если я и жалею о чем, так это о паспорте.

Рыжий поднимает глаза от сигары:

— У вас взяли и паспорт?

Утвердительно киваю.

— Кому он понадобился?

— Не имею представления.

Мужчина сует толстые короткие пальцы в кармашек жилетки, достает миниатюрный ножичек и заботливо отрезает кончик сигары. Затем убирает ножичек, берет тяжелую серебряную зажигалку с письменного стола и сосредоточенно закуривает. После чего выдыхает в меня густую струю дыма вместе с вопросом:

— А что написано в вашем паспорте?

— Петр Колев, национальность — болгарин, профессия — заведующий хозяйственной частью судна и прочее, — отвечаю я. — Что касается номера паспорта, то я его забыл.

— Номер не важен, — небрежно махнул рыжий дымящейся сигарой. — Вы не номер. Вы человек, дружище!

И сообразив наконец, что я человек, хозяин предлагает:

— Садитесь!

Вслед за тем, как я на дрожащих ногах подбредаю к ближайшему креслу и опускаюсь в него, добавляет:

— Скок для поднятия духа?

При этих словах он, вероятно, нажимает какую-то кнопку на столе, потому что в кабинет тут же врываются Ал и Боб. Похоже, они ожидали застать своего господина в смертельной схватке с чужаком, но, убедившись, что все тихо-мирно, застывают, нахмурившись и угрожающе сжав кулаки.

— Принесите нам выпить, — приказывает рыжий. — Обо всем приходится напоминать!

Он дожидается, пока Ал вкатывает в салон передвижной бар, небрежно машет головой в смысле «убирайся», располагается в кресле напротив и занимается приготовлением напитков.

— Обычно я позволяю себе не более нескольких глотков в час, — объясняет хозяин, разливая виски. — Вообще я стараюсь выполнять предписания этих обременительных людей, врачей. Однако что вы хотите, если таков мой характер: не могу пренебрегать гостеприимством ради каких-то предписаний.

Я беру стакан, который мне протягивает рыжий и в который он собственноручно опустил два-три кубика льда. Отпивая большой глоток для смелости и чувствую, мне чего-то не хватает.

— Не могли бы вы дать мне одну сигарету?

— Разумеется, дружище, как это я не сообразил...

Мой хозяин наклоняется к нижней полке бара, достает тяжелую шкатулку, наполненную сигаретами, и даже любезно приносит с письменного стола серебряную зажигалку. Затягиваюсь несколько раз и ощущаю, как эта проклятая отравка начинает оказывать благотворное действие на мой замученный организм.

— Значит, вы болгарин? — спрашивает хозяин, рассеянно созерцая дымящийся кончик сигары.

— Болгарин, — подтверждаю скромно.

— А что вы здесь делаете?

Приходится коротко рассказать историю моего загула.

— Да-а, — рычит рыжий. — И вы остались... Но почему? Вам так хотелось или...

— Я хотел еще выпить, — отвечаю я, беря свой стакан. — Я, в сущности, редко пью, но иногда на меня находит и... и все.

— Человек, дружище, как машина: ему нужен ритм. Иначе происходит авария, — произносит нравоучительно рыжий.

— Она уже произошла.

— И что же теперь?

Легкомысленно пожимаю плечами.

— И все же вы думали о каком-то выходе из положения?

— Когда трещит голова, много не надумаешь.

— И все же? — настаивает хозяин и смотрит на меня холодными голубыми глазами.

— Наверное, придется поискать в телефонном справочнике адрес посольства и пойти туда.

— Это тоже выход, — соглашается рыжий. — В том случае, если вас не вышвырнут...

— Почему меня вышвырнут?

— Кто вы, по сути, чтобы вас не вышвырнуть? Если бы я был на месте ваших дипломатов, вышвырнул бы без слов. Человек без документов, неизвестно кто...

— Личность легко установить.

— Да, если кто-нибудь захочет тратить на вас время. А если выяснят, что тогда? Встанет вопрос, почему не вернулись на корабль, самовольно остались в чужой стране.

— Вы правы, — вздыхаю я. — Но у меня, к сожалению, нет другого выхода. Я думал найти какую-нибудь работу и дожидаться возвращения корабля. Однако, как я понимаю, здесь совсем нелегко найти работу. А идти подметать улицы, честно говоря, не хочется.

— Даже если и захотите, у вас не будет такой возможности. Места дворников тоже заняты.

— Вот видите... — говорю уныло.

И чтобы хотя бы отчасти вернуть себе присутствие духа, закурываю новую сигарету. Мой хозяин молчит, распределяя свое внимание между уже коротким кончиком сигары и изучением моей хорошо обработанной физиономии. Несмотря на пламенную внешность, он, похоже, не обладает пламенным характером. Его натура скорее излучает спокойствие, колеблющееся между добродушной сонливостью и добродушной прямоотой. На нем традиционная униформа делового британца: черный пиджак и брюки в серую полоску. Развалившись в кресле, он задумчиво меня созерцает, в самом деле похожий на добрячка, озабоченного судьбой ближнего.

— В сущности, я думаю, что мог бы предложить вам кое-что, — произносит мой хозяин через некоторое время.

— Это было бы верхом великодушия с вашей стороны, — признаю я. — Вы уже спасли меня однажды...

— У меня тут поблизости есть три заведения, — продолжает он, словно рассуждая вслух. — Естественно, я не собираюсь ставить вас вышибалой... какой из вас вышибала, когда не вы, а вас бьют... На место официанта вы тоже не подходите. Эту работу у нас поручают другому полу: оголенные бедра и высокий бюст и прочее, чем, насколько я могу верить своим глазам, вы не располагаете...

Он умолкает, и я тоже молчу, так как не нахожу возможным ему противоречить, особенно по последнему пункту.

— Остается место швейцара. Твердого жалованья не могу обещать. Но у вас будет жилье, к которому вы уже, наверное, привыкли за три дня, будет бесплатное питание, форменная одежда, если вы сумеете завоевать расположение клиентов, то будут и карманные деньги.

Я терпеливо слушаю и курю, пока он не спрашивает меня:

— Ну, что вы на это скажете?

— Я тронут вашим великодушием, но, пожалуй, рискну обратиться в посольство.

Он бросает на меня удивленный взгляд и спрашивает, не теряя, впрочем, самообладания:

— Но что вы, в сущности, воображаете?

— Абсолютно ничего, — спешу его уверить. — Не хочу вдаваться в интимные подробности, однако если мне чего и недостает, так это воображения.

— Чего же вы ждете? Что я предложу вам место директора? Или свое собственное?

— Нет, на это я не претендую. Но я не хочу швейцаром, хотя бы в память о моей покойной маме.

— Вы, вероятно, считаете, что должность завхоза куда выше швейцара?

— Именно. И хотя это опять интимные подробности, позволю себе заметить, что я получил диплом о высшем образовании и изучил три языка не затем, чтобы становиться швейцаром у кого бы то ни было, даже у вас, несмотря на всю мою признательность.

— Оставьте лицемерие, — все так же спокойно произносит рыжий. — Я уже сказал, что не нуждаюсь в благодарности. Однако ваши амбиции далеко превосходят ваше нынешнее положение.

— Вы опять толкаете меня к интимной исповеди. А точнее, к признанию, что если я стал завхозом, то лишь потому, что человек на такой должности может иметь доходы побольше, чем какой-нибудь профессор или, скажем, управляющий кабаре.

— Понимаю, дружище, понимаю, — кивает хозяин. — И честно говоря, когда я вас увидел, сразу понял, что хотя драться вы и не умеете, зато не лишены иных талантов. К сожалению, не могу вам предложить место, где можно воротить с большой прибылью. Не потому, что не хочу, просто у меня нет таких мест.

И так как я апатично молчу, словно не слышу его, он добродушно осведомляется:

— Надеюсь, я не очень вас огорчил?

— Вовсе нет. Но и вы вряд ли огорчены моим отказом. При нынешнем уровне безработицы место швейцара пустовать будет недолго.

— Угадали. И если меня что и беспокоит, то только ваша участь.

Логично было бы спросить, с каких пор и почему моя скромная персона занимает такое место в его житейских заботах, но подобный вопрос кажется мне нетактичным, поэтому я замечаю:

— Мою участь будет решать посольство.

— Да, конечно, — произносит рыжий, словно только сейчас вспоминает о варианте с посольством. — Должен, однако, заметить, что до него вам предстоит долгий путь...

— Вы знаете адрес?

— Приблизительно... Но это неважно. Важнее, что на этом пути всякое может случиться с человеком, не имеющим даже паспорта...

— И все ж я готов, попробую рискнуть.

Он лениво поднимается и делает несколько шагов к письменному столу.

— Вы хорошо представляете себе размеры этого риска?

— Может быть, не совсем, — признаюсь я. — Но стоит ли раньше времени дрожать от страха, ведь все равно другого выхода у меня нет.

И поскольку аудиенция явно окончена, я тоже встаю с удобного кресла.

— В таком случае идите в посольство, — добродушно подбадривает меня хозяин. — Да, да, идите! И да поможет вам бог!

В знак прощания он поднимает руку, я вежливо киваю и направляюсь к двери, отмечая на ходу, что чувствую себя значительно лучше. Порция виски, две сигареты и отдых в удобном кресле заметно подняли мое настроение. Уверенным шагом я покидаю кабинет и попадаю в лапы горилл. Они, вероятно, предупреждены звонком шефа, потому что встречают меня в коридоре и подхватывают под руки.

— Внизу, ребята, внизу! — слышу за спиной добродушный голос рыжего. — Не нужно крови на лестнице!

Снова вакса еще чернее и гуще, чем раньше. Такая густая и липкая, что едва ли я уже смогу выбраться на поверхность.

И боль. Во всех разновидностях и по всему телу — с головы до пят. У меня такое чувство, что из меня сделали отбивную и, неудовлетворенные этим, порезали ее затем на куски. Куски боли, сплетения боли, энциклопедия боли — вот во что превратили мое тело две гориллы, Ал и Боб, гориллы, смотря на которых легко увериться в том, что, во-первых, человек произошел от обезьяны, а во-вторых, что и обезьяна может произойти от человека.

Наверное, все было бы не так страшно, если бы я не сопротивлялся. Но я отбивался зверски и, кажется, несмотря на численное превосходство противника, сумел нанести ему немалый урон, за что, понятно, и заплатил с лихвой.

Сейчас я настолько увяз в ваксе, что кажется, уже никогда не открою глаза, чтобы увидеть наш бранный мир. И только страдание напоминает мне, что я еще не умер.

Вообще признаки жизни, насколько они имеются, сосредоточены внутри у меня, и называются они болью. Проходит время, много времени, неделя или год, пока я начинаю улавливать и некоторые признаки жизни и вне себя. Это два голоса, доносящиеся откуда-то с вершины:

— На этот раз, пожалуй, не выплывет...

— Выплывет, не бойся. Не сунешь гаду свинцовую пломбу — обязательно выплывет.

— Не выплывет, Ал. С ним кончено.

— Выплывает, Боб. Что гады, что собаки одинаково живучи.

Через неделю или год начинаю понимать, что второй голос был ближе к истине: кажется, я действительно возвращаюсь к жизни, потому что ощущения или, если хотите, разновидности боли, становятся все отчетливее. Лицо так сильно распухло, что я не могу как следует открыть глаза, но все же ясно: глаза хотя бы на месте.

Очевидно, я подаю признаки жизни в неподходящий момент, надо мной тут же разгорается уже знакомый спор — выбросить меня из постели сейчас же или оставить толстеть. А еще через несколько дней наступает следующий этап.

— Это уже наглость, сэр! — заявляет здоровенный Ал, появляясь в дверях. — Мы уже достаточно вам прислуживали! Извольте ополоснуть морду и одеться. Шеф ждет!

Я подчиняюсь. Но на этот раз операция вставания слегка затягивается. У меня так кружится голова, что сначала я не могу подняться, а потом, когда встаю, тут же грохаюсь на пол.

— Перестаньте кривляться! — кричит горилла, хватая меня своими могучими лапами. — Вас требует к себе шеф, слышите!

В конце концов мне удается каким-то образом встать на ноги и даже сделать несколько шагов, держась за стену. Холодная вода освежает меня. Бросаю беглый взгляд в треснувшее зеркало, чтобы увидеть обезображенное лицо с потухшим взглядом и трехнедельной щетиной. Не мое лицо. Затем возвращаюсь к кровати и приступаю к мучительной процедуре одевания.

— А, значит, второе воскрешение из мертвых! — почти радушно восклицает человек с красным лицом и рыжими волосами, когда я вхожу в уютный кабинет, отделанный в викторианском стиле.

Он поднимается из-за письменного стола и делает несколько шагов в мою сторону, словно хочет удостовериться, что воскрешение действительно свершилось.

— Я не буду вашим швейцаром, мистер... мистер... — слышу глухой голос, который, вероятно, принадлежит мне.

— ...Мистер Дрейк, — подсказывает хозяин. — Рискую лишить вас любимого припева, должен сообщить, что место швейцара уже занято. Так что даже если вы и согласились бы его занять, это невозможно. Вы также знаете, добраться до посольства не сможете. Путь к нему нелегкий, особенно для человека с таким слабым здоровьем, как у вас. Вообще, дружище, ваши шансы на спасение весьма проблематичны.

— Это мне совершенно безразлично.

— Лицемерие, дорогой, лицемерие! Человеку не может быть безразлично, будет он жить или умрет. Это я по себе знаю.

— Ничего вы не знаете, — бросаю я не слишком любезно. — Если бы вас обработали, как меня, вы бы поняли, что ничего не знаете.

— Обработывали меня, дружище, и не раз, — отвечает он, сопровождая слова коротким хриплым смехом. — Старый Дрейк прошел огни и воды, можете поверить. И, наверное, потому я готов войти в ваше положение и попытаться найти какой-то выход. Мне даже кажется, я уже кое-что нашел, хотя в конце концов все будет зависеть от вас.

Он замолкает и смотрит на меня, чтобы проверить реакцию. Но моя единственная реакция — апатия.

— Я мог бы вам предложить кое-что действительно значимое, вполне отвечающее вашим изысканным вкусам. Вы могли бы стать моим секретарем, или, если угодно, моим консультантом. Согласитесь, подобный пост не может занять первый встречный без необходимых гарантий...

Не удосуживаюсь ни кивнуть, ни возразить.

— Я хочу сказать, что не стану вас назначать на это место, если вы собираетесь через несколько недель вернуться на ваше судно. Я не говорю, что вам удастся это сделать, но при таких намерениях я не могу взять вас к себе. Мне нужен человек, преданный своему делу.

— Буду я ему предан или нет, зависит от условий.

— Вы деловой человек! — рычит Дрейк. — И мне уже знакома эта ваша черта. Однако даже и на деловых людей иногда накатывает: привязанности, ностальгия, Родина с большой буквы и прочее...

— Я уже пятнадцать лет плаваю по морям, — апатично говорю я и беру новую сигарету. — И за все эти годы едва ли пробыл на Родине с большой буквы пятнадцать месяцев...

— Да, это весомо, — соглашается Дрейк. — Но все на свете имеет и оборотную сторону. Вы могли оторваться от людей. Потерять связи... В сущности, какие у вас связи там, на родине?

— В каком смысле? — любопыствую я, глубоко затягиваясь.

— Кто ваши друзья?

— Самые разные: рыбаки, моряки, портовые служащие.

— Да, но есть ли среди них такие, на которых можно положиться?

— Если бы таких не было, как бы я смог работать? Вопрос ведь не только в том, как создать излишки, но и как их реализовать.

— Это вам лучше знать, — кивает рыжий.

Он отпивает глоток виски, затягивается сигарой и продолжает:

— И еще один вопрос, дружище. Третий и самый важный. Старый Дрейк привык требовать беспрекословного повиновения и верности.

— И что же? Дать клятву?

— Нет, клятвы не требуется. Я из тех, кто не особенно ценит слова и обещания. Просто мне хочется вас предупредить, поскольку я ощущаю в вас некоторую нервозность. Мы здесь — спокойные люди. Если кто и имеет право нервничать, так это я! А поскольку я не использую это право, то у нас все тихомирно. И я не потерплю, чтобы кто-то повышал тон.

— Не знаю, что вы имеете в виду, — отвечаю небрежно. — Я тоже спокойный человек. Настолько спокойный, что даже не вижу причин быть более спокойным, чем есть на самом деле.

Он бросает на меня беглый взгляд, но молчит.

— Я не слышал только другой стороны условий, материальной, — позволяю я себе напомнить.

— Она целиком будет зависеть от вас, дружище, — добродушно усмеивается Дрейк. — Какая польза обещать вам кучу денег, если вы из-за преждевременной кончины не сможете их использовать?.. Вы будете располагать удобной комнатой в отеле «Аризона», который принадлежит мне. Будете получать приличное жалованье, пятьсот фунтов, фантастическая, кстати, зарплата для новичка. Что еще?

Рыжий смотрит на меня вопросительно, но я не считаю нужным ответить.

— Что же касается ваших обязанностей, то первая из них — без разрешения не уходить с нашей улицы. Шутники называли ее Дрейк-стрит. И так как вы будете работать у Дрейка, должны всегда находиться у меня под рукой, на Дрейк-стрит.

— Предлагаете мне, значит, тюремный режим...

— Не употребляйте этих ужасных формулировок. Все мои люди не покидают этой улицы, хотя я их и не ограничиваю. И это совершенно естественно. Вы как моряк, может, не замечали, но ведь жизнь большинства людей, дорогой, протекает на одной-единственной улице.

— Что я должен делать?

— То же, что делал бы я, будь у меня время. Будете следить, как идут дела в двух моих отелях, во второй половине дня заглядывать после обеда в три клуба; проверять, все ли в порядке у картежников, в закусочной на углу. Вообще приучите людей видеть в вас глаза и уши их хозяина Билла Дрейка. И главное, вы всегда должны быть у меня под рукой, на случай, если мне понадобится ваш совет. Ибо консультант должен давать советы, не так ли?

Разумеется, он не нуждается в моих советах, и это довольно ясно сквозит в его тоне, равно как не нуждается и в надзирателе на Дрейк-стрит, где жизнь идет своим чередом и, наконец, будет идти и дальше без моего вмешательства, но я молчу, не видя причин возражать.

— Ну, вы довольны? — спрашивает рыжий, гася сигару в хрустальной пепельнице и испытующе глядя на меня.

— Я думаю, отвечать на этот вопрос пока преждевременно, мистер Дрейк.

— Да-да, вы правы, — с готовностью кивает шеф. — Я уже говорил вам, что тоже не люблю торопиться. Но будет неплохо, если вы уже сейчас поймете: на Дрейк-стрит выбор настроений невелик. У меня люди или довольны жизнью, или их нет в живых.

Он встает и, посмотрев на меня сверху, замечает:

— Мне кажется, консультант Дрейка не может появляться в обществе в таком костюме. Следует поддерживать репутацию фирмы.

Мой хозяин приближается к письменному столу и нажимает невидимую кнопку.

— Вызовите Линду, — приказывает он мгновенно появившемуся Алу.

* * *

Так называемая Дрейк-стрит, длиною не более ста метров, одним концом упирается в улицу пошире, другим — в небольшую площадь. Узкая улочка, где с трудом могут разминуться две машины, узкие тротуары, два ряда старых трехэтажных зданий, чьи закопченные кирпичные фасады кое-где расцвечены ярким светом неоновых реклам.

В самом начале Дрейк-стрит находится злополучное кафе, в котором началось мое злополучное приключение с незабываемой Кети. На углу напротив находится итальянский ресторан; его витрины украшены бутылками кьянти, колбасами и другими деликатесами. Рядом с ним алеет реклама клуба «Венус», который, в сущности, не что иное, как второсортное заведение со стриптизом. Чуть подальше «Венуса» расположены конкурирующие с ним два клуба — «Казанова» и «Тропик», но их конкуренция чисто формальная, поскольку все они являются собственностью мистера Дрейка. Ему принадлежит и помещающийся в середине улицы отель «Аризона», а также маленькая гостиница, расположенная на полпути к площади. В эту гостиницу и привела меня Кети, чтобы показать, как умеют драться ее знакомые. Собственностью Дрейка является и закусочная напротив отеля, которая существует не столько за счет продажи закусок, сколько от азартных игр. Что же касается трех лавчонок, торгующих порнографической литературой, то они не являются собственностью моего нового шефа. Он всего лишь поставляет им товар. Словом, не считая лавочки с галантереей и эротическим бельем да винного магазинчика, кажется, все остальные заведения на Дрейк-стрит прямо или косвенно связаны с Дрейком.

Еще во время первого, короткого пребывания в Лондоне я

имел возможность бегло познакомиться с этой улицей, так что она мне отчасти знакома. И даже пожелаю я сейчас обогатить свои впечатления, это вряд ли мне удастся, ибо сопровождающая меня дама, очевидно, спешит. Речь идет о мисс Линде Грей, на которую шеф возложил деликатную миссию сопровождать меня в прогулке по кварталу с целью частичного пополнения моего гардероба.

Давать характеристику даме — нелегкая задача. Существует риск сбиться с джентльменского тона или изменить жизненной правде. Что касается мисс Грей, эта задача становится еще более трудной по причинам, которые, вероятно, позднее станут ясны. Во всяком случае, ее персона способна вызвать интерес, и я понял это, едва она вошла в кабинет Дрейка и уселась в кресле напротив меня.

В первую минуту я запомнил только ее глаза, хотя смотрел на ноги. Ибо когда смотришь, главным образом, на ноги женщины, зачастую говоришь, что у нее необыкновенно красивые глаза, поскольку, как нас учили в школе, именно глаза, а не ноги, к примеру, зеркало души. Но у Линды действительно красивые глаза, и если бы не заученно-высокомерная маска на лице, они были бы еще более выразительными. Не могу сказать, чтобы у этих глаз был необыкновенный разрез или какой-то особый цвет, но в их голубовато-зеленой синеве угадывается нечто затаенное, недосказанное, словом, нечто такое, что лучше не искать, — того и гляди утонешь. Может, именно поэтому я переключился на ее ноги — объект куда более надежный и устойчивый; недаром люди ходят на ногах, а не на голове.

Она поймала мой взгляд и машинально одернула юбку, желая мне показать, что нечего совать нос куда не следует. Этот столь старомодный в наше время жест тронул меня, напомнив годы юности, когда такой жест все еще был обычным защитным рефлексом или обычным кокетством.

Кроме этого жеста и двух-трех беглых взглядов, мисс Грей в эти несколько минут не подала вида, что замечает мое присутствие, ее внимание было целиком обращено к Дрейку, но и обращенное к Дрейку, оно оставалось лишь холодновато-учтивым.

Не впадая в бульварный тон, должен заметить, что ее женские прелести были на своем месте в достаточно щедром исполнении, чтобы понравиться моему грубому вкусу, и прекрасно подчеркнуты костюмом лилового цвета. Короче, что касается внешности, дама заслуживала положительной оценки, и я мог бы сказать ей об этом — теперь или позднее, но так и не смог ни тогда, ни позднее, потому что, когда у женщины столь высокое самомнение, она, наверное, не нуждается в комплиментах для поддержания бодрости духа.

Итак, мы с мисс Грей вышли из конторы Дрейка, которая находилась именно в том здании, откуда вытолкали в свое время Борислава, и направились вниз по Дрейк-стрит к широкой улице и большому миру. Линда молчит и своей энергичной, даже торопливой походкой весьма явно показывает, что нет времени для бесцельных весенних прогулок и излишней болтов-

ни. Мне тоже не до разговоров, и, чтобы показать ей это возможно яснее, иду в полуметре следом.

— Идите рядом, не отставайте, — приказывает она, когда мы сворачиваем на широкую оживленную улицу.

— Не беспокойтесь, я не убегу, — отвечаю я, не давая себе труда ускорить шаг.

Мисс Грей все же беспокоится. И поскольку я не ускоряю шаг, ей приходится замедлить свой. Впрочем, наш путь, как она его наметила, заканчивается через два перекрестка.

— Придворный поставщик людей Дрейка, — объявляет она, небрежно махнув сиреневой перчаткой на магазин по ту сторону улицы.

Витрина богато увешана мужской одеждой. Можно подумать, хозяин магазина поставил перед собой цель собрать под одной крышей всю безвкусицу Лондона.

— Боюсь, что моим поставщиком ему не быть, — возражаю я. — Такого разгула красок я не заслуживаю.

— По вашей физиономии этого не скажешь, — холодно замечает она. — Что вы, собственно, хотите?

— Ничего особенного. Мне нужна пара приличных костюмов. Разумеется, если вы понимаете, что это значит.

Линда не реагирует на мою остроту, разворачивается и молчаливо направляется в обратном направлении. Я следую за ней.

На этот раз маршрут оказывается значительно длинней и приводит нас к большому магазину на Риджент-стрит. Поднимаемся в мужской отдел, где я отовариваюсь двумя серыми костюмами разных тонов, пятью белыми сорочками, несколькими галстуками и бельем. Мисс Грей ожидает меня в явном нетерпении, но это не мешает ей следить с любопытством, что я беру. Оплачиваю покупки банкнотами, врученными мне недавно самим шефом, беру картонные коробки и объемистые пакеты.

— Думаю, неплохо бы купить небольшой чемодан...

— Только для того, чтобы отнести все это в отель? — осведомляется дама.

— Чемодан всегда необходим, — заявляю я.

— Да, человеку, который путешествует, — уточняет она. — А у вас едва ли будет такая возможность.

Не устаю привлекать ее многозначительную реплику и отправляюсь на верхний этаж, где, если верить указателю, находится отдел дорожных принадлежностей. Линда обреченно следует за мной, но воздерживается от замечаний.

Она воздерживается от замечаний и на обратном пути. И лишь когда мы достигаем нашей милой Дрейк-стрит, произносит:

— Я оставляю вас.

— Не стану вас задерживать, — отвечаю таким тоном, словно задержать ее или нет целиком зависит от меня.

И мы расстаемся с взаимной неприязнью.

— Мистер Питер? — услужливо спрашивает женщина в окошке администратора в «Аризоне». — Секретарь мистера Дрейка сообщил о вас. Я дам вам номер двадцать два, это прекрасная комната.

Из ее слов мне становится ясно, что, во-первых, у шефа есть уже один секретарь, а во-вторых, что мое болгарское имя полу-

чило английский эквивалент. С этих пор все на Дрейк-стрит будут называть меня мистер Питер.

Молодая женщина берет ключ и идет показывать мне номер. Как и следовало ожидать, он находится на втором этаже и не представляет собой ничего особенного. Обычный гостиничный номер с потертой старомодной мебелью, с видом на закопченные фасады домов Дрейк-стрит. Женщина, меня сопровождающая, однако, отличается от других обитателей этих мест. Я имею в виду не столько массивные, лишённые эlegантности формы, сколько ее добродушие и услужливость — две черты, находящиеся в диссонансе с принятым здесь стилем жизни.

— Вы не могли бы послать кого-нибудь в аптеку? — спрашиваю я, положив чемодан на специальную подставку.

— Конечно, мистер Питер. Я сама зайду, как только брат вернется. Вам действительно следует заняться своим лицом.

«Если бы только лицом...» — отвечаю я про себя и спохватываюсь: забыл купить пижаму. Важное упущение, если учесть, что в ближайшие дни постель в моей программе займет доминирующее место.

— Кроме того, мне нужна будет и пижама. Возьмите на размер больше. Чтобы она не стягивала, как смиренная рубашка.

— О, конечно, мистер Питер! Вы ростом почти с моего брата.

— Я очень вам признателен, мисс. Простите, не запомнил вашего имени...

— И не могли запомнить, мистер Питер, ведь я его вам не называла, — смеется женщина. — Здесь все зовут меня Дорис.

— Я вам очень признателен, мисс Дорис, — говорю я, снимая с кровати покрывало, чтобы убедиться, действительно ли чистое белье.

Женщина уходит, и это дает мне возможность углубиться в самоанализ, в результате которого я понимаю, что едва держусь на ногах. Спешу принять соответствующие меры и через пять минут, после контрастного душа, оказываюсь в постели. В удобной постели при неудобной ситуации — подробность, которую не следует упускать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уже две недели я прогуливаю новый костюм по Дрейк-стрит. И вот однажды утром в игорный дом, где я допиваю свой кофе, врывается слегка запыхавшийся Боб и уведомляет, что шеф немедленно вызывает меня к себе. Приземистая горилла дожидается, пока я встану, и сопровождает меня до генерального штаба.

Поистине генеральный штаб: в кабинете Дрейка застаю, кроме шефа, еще Райта, Милева и какого-то смуглого мужчину, которому далеко за сорок и которого все называют мистер Ларкин.

На этот раз Дрейк не встречает меня репликой по поводу моего умения воскресать, а только указывает на свободное место и поясняет:

— Пока от вас требуется только слушать, Питер. Внима-

тельно, конечно. Потому что, возможно, и вы потом получите слово.

Сажусь, закурываю — мою собственную сигарету, а не из тех, что в шкатулке, — и сосредоточиваюсь. Говорит Майк Милев и, кажется, пребывает еще в начальной стадии изложения, так что вряд ли я пропустил что-то существенное.

— Мистер Дрейк совершенно прав: поездка Райта была неудачной, но откуда я знал, что мои приятели, причем все трое, — «Значит, был и третий», отмечаю про себя, — окажутся такими трусами. Что делать, с течением времени люди меняются, и с этими тремя у меня давно уже нет контактов, но, как я уже не раз говорил, мои связи там остаются достаточно широкими, но что делать, если большинство из моих людей не знает английского, а те, кто знает, нам не подходят...

Вышеприведенное — весьма краткая версия его монолога. В действительности Милев говорит торопливо и, поскольку спешит, путается, делает ошибки, пытается их исправить, а поскольку по-английски говорит плохо, то и поправки не помогают, так что слушать его утомительно, и Дрейк наконец его перебивает:

— Короче, Майк. Не распыляйтесь так, а то вы забываете главное.

— Я хочу сказать, что теперь, когда я установил действительно надежную связь через Мюнхен, связь с двумя верными людьми, дело можно организовать на крепкой основе и пустить комбинацию в ход в самом скором времени...

У него уходит много времени, чтобы выразить свою не слишком сложную мысль, так что Дрейк опять его прерывает:

— А как вы представляете себе эту комбинацию?

— Есть разные возможности. В некоторых местах приграничная полоса совсем узкая или проходит по скалистому хребту или обрыву. Там можно просто перебросить груз с турецкой территории на длинной веревке. Или с помощью специального приспособления. Или использовать воздушный шар, это может решить только специалист.

— Да, конечно, — соглашается Дрейк. — Но этого недостаточно...

Милев молчит, пытаюсь выдать из своих мозгов возможно более удовлетворительный ответ.

— Могу предложить и другой вариант, — объявляет он наконец. — Если ваши люди смогут доставить груз в Болгарию, я беру на себя его переброску в Югославию. Та граница, знаете ли, куда доступнее. Там бывают празднества, ну и...

Дрейк задумчиво наблюдает за оратором, затем качает головой:

— Видите ли, Майк, если наши люди сумеют ввезти груз, они же сумеют его и вывезти. Подобные операции, как вы знаете, уже организовывались и без вашей помощи. К сожалению, большинство из них оказалось неудачными.

— Я настаиваю на своем проекте, — произносит Майк. — Прикажете прозондировать почву, а мои люди предоставят сведения об удобных местах и предложения по переброске. А затем специалисты скажут свое слово.

— Ну, Питер, уловили вы суть разговора? — наконец обращается ко мне Дрейк.

— Попытался.

— И каково ваше впечатление?

— В двух словах трудно сказать, сэр.

— Почему в двух? Скажите в двухстах. Сделайте подробный анализ. Вы ведь знаете эту страну, а не я.

— Но я не знаю товар...

— Товар есть товар. Зачем вам его знать?

— Лично меня товар не интересует, — объясняю я. — Однако когда речь идет о контрабанде, вес и объем — это не просто подробности...

— Считайте, что большой вес и большой объем. Например, тонна голландского сыра. Но если это много, так и скажите нам, что много.

И поскольку я молчу, поглощенный своими соображениями, Дрейк продолжает:

— Вы же слышали проект Майка. А сейчас я хочу слышать ваше мнение об этом проекте.

— Проект интересен, — отвечаю я. — Вполне может быть сюжетом романа. Но это единственное, чем он может быть.

— Другими словами, несусветная чушь? — рычит шеф.

— Грубо говоря, да.

— Почему? Говорите! И покороче! Мне нужен анализ, а не болтовня.

— Первое, что касается границы. Я не знаю, когда мистер Майк видел границу в последний раз и видел ли ее вообще, кроме как из окна поезда, но положение там уже много лет не таково, чтобы дать разгуляться контрабанде.

— Но все же граница достаточно длинная, — бросает Дрейк. — Вы не допускаете, что кое-где можно найти уязвимое место?

— Уязвимые места лучше всего охраняются, поскольку пограничники еще раньше поняли, что они уязвимы. Не знаю, представляете ли вы вообще, какое там положение...

— А вы представляете? — прерывает меня Милев. — Или просто импровизируете?

— Мне не нужно представлять. Я знаю. И если начну описывать различные пограничные зоны, сигнализацию и все необходимые методы охраны, вы поймете, что все проекты мистера Майка просто чистая фантастика...

— Я сказал, что лучше всего груз перебросить по воздуху, а не через ваши установки, — напоминает Милев.

— Молчите, — обрывает его Дрейк, не повышая голоса. — Будете говорить, когда вас спросят.

— По воздуху, это другое дело, — соглашаюсь я. — Я хочу сказать, другой роман... не менее фантастический. Я уже говорил, что существуют зоны, в которые так или иначе хорошо было бы проникнуть. Только никто вас туда не пустит. И население не менее бдительно, чем пограничники. Конечно, если это «по воздуху», о чем говорит мистер Майк, означает перелет через всю территорию, тогда другое дело. Тогда следует рассмотреть, как обстоят дела с военно-воздушными силами страны.

— По-вашему, значит, нет позитивного решения? — спрашивает Дрейк.

— Этого я не сказал, мистер Дрейк. Я только утверждаю, что проект, который мы сейчас обсуждаем, — фантастический.

— Не уклоняйтесь от прямого ответа, Питер! — требует шеф.

— Я не уклоняюсь. Просто в данный момент я не готов его дать.

— Хорошо, — отвечает Дрейк. — У вас есть что добавить?

— Ничего, разве что на второй границе нас ждут те же трудности. И все эти праздники на границе мне совсем не кажутся веселыми с точки зрения контрабанды.

— Если у вас есть что возразить, Майк, прошу! — говорит хозяин.

— Что возражать? — произносит Милев, овладев собой. — Это все слова.

— Которые можно доказать, — возражаю я. — И каждый человек, знакомый с порядками на границе Болгарии, мог бы их подтвердить.

— Это слова, — повторяет Милев. — Я уже сказал, что я беру на себя. А если я беру на себя...

— Есть еще мнения? — спрашивает шеф. — Райт?

Красавчик запускает свои длинные пальцы в еще более длинные волосы и замечает:

— Как мне кажется, пока нам приходится выбирать между голословными уверениями с обеих сторон.

— Ларкин?

Ларкин молчит, будто не слышит. Проходит некоторое время, прежде чем он открывает рот:

— Когда мистер Питер будет готов ответить на вопрос, я выскажусь.

— Значит, вы считаете, что проектом Майка нам вообще нет смысла заниматься?

Ларкин снова долго молчит и, только когда ему надоедает созерцать обои на противоположной стене, возмущает:

— Товар, о котором мы говорим, стоит крупных денег, Дрейк.

Наблюдаю его украдкой, спрашивая себя, правильно ли я угадал. Но есть все основания угадать. Во всяком случае, я буду поистине удивлен, если окажется, что я ошибся. Это непроницаемое лицо и эта недоверчивость, не показная и нарочитая, а глубоко запрятанная, выдает полицейского. И взгляд, который избегает смотреть в глаза, но внимательно вас изучает, когда вы этого не замечаете, и привычка говорить лаконично, и эта скрытая напряженность, с которой он следит за чужими словами, выдают полицейского.

— Ну хорошо, — вздыхает Дрейк, вставая и мученически глядя на бар с бутылками. — Пока все!

Все встают. Направляюсь к двери и ожидаю естественную в данном случае фразу: «Питер, прошу вас остаться». И фраза действительно звучит, но несколько иначе:

— Ларкин, прошу вас остаться.

Час дня, и ресторан почти пуст. Занимаю столик у окна, чтобы видеть кафе на противоположной стороне улицы, за входом в которое я часто наблюдаю. Только я заказал Джованни привычную телячью котлету, как слышу за спиной знакомый голос:

— Можно мне присоединиться к вам?

Фраза, произнесенная на родном языке в этом чужом краю, должна бы вызвать умиление, но я почему-то этого не чувствую.

— Конечно. Пожалуйста, садитесь.

Майк садится напротив, берет меню и изучает его с таким сосредоточенным видом, словно это не меню, а Хартия прав человека. Разумеется, он наизусть знает его, и заранее ясно, что закажет бифштекс с макаронами по-болонски или по-милански, но ритуал остается ритуалом.

— Джованни, пожалуйста, бифштекс по-милански! И кьянти.

Обед проходит в полном молчании, и я уже решаю, что если у Милева и было намерение затеять разговор, то он отказался от него, но в этот момент мой милый соотечественник отодвигает тарелку и, оперевшись локтями о мраморный столик, восклицает:

— Глупо получилось, правда?

— Что вы имеете в виду?

— Да предыдущий разговор: столкновение двух болгар на глазах у этих англичан...

— Действительно.

— ...Вместо того, чтобы сесть заранее, как люди, и все уточнить.

— Действительно, — вновь соглашаюсь я.

— Но откуда мне было знать, что Дрейку взбредет в голову собирать военный совет именно сегодня!.. Что же касается вас, я думал, они хотят использовать вас там, на месте... И согласитесь, эти пограничные зоны и сигнальные установки — совсем не мое дело...

— Да-да, конечно.

За кофе Милев продолжает рассуждать о том, что все могло быть иначе, если бы мы поговорили заранее. Но ничего нового в свои рассуждения не добавляет. Я же ограничиваюсь кивками, чтобы не слишком повторяться.

Платим по счету и идем к «Аризоне», но посреди улицы Майк останавливается и предлагает:

— Я думаю, лучше всего сейчас зайти ко мне и все обдумать в спокойной обстановке.

— Зачем торопиться? Честно говоря, сейчас я бы предпочел подремать.

Он смотрит на меня, чтобы убедиться, серьезно ли я говорю, после чего неожиданно меняет тон и даже переходит на «ты»:

— Подремать? У тебя котелок варит, дружок? Пока мы тут прохлаждаемся, Дрейк, может, уже решил нашу судьбу.

— Прямо уж так и судьбу...

— Слушай, ты или валяешь дурака, или действительно того.

Ты вообще понимаешь, что за человек Дрейк? Для него послать в тебя пулю так же легко, как сказать «здрасьте».

Я оглядываюсь — в этот послеобеденный час улица почти пуста, бросаю беглый взгляд на полутемный подъезд, который не внушает мне никакого доверия.

— Хорошо, — уступаю я. — Раз вы считаете, что дело не терпит отлагательств...

Поднимаюсь за ним по неприглядной лестнице с полуистертыми каменными ступеньками. На втором этаже он открывает дверь квартиры и вводит меня в небольшой холл, который напоминает мне мою комнату в гостинице с той лишь разницей, что мебели здесь побольше и сама она поновее, а окно выходит на задний двор, заваленный проржавевшим металлоломом.

— Будете что-нибудь пить? — спрашивает хозяин, вновь переходя на «вы».

— Спасибо, не хочется.

— Мне тоже. Подобные разговоры лучше вести на трезвую голову.

И после того, как мы усаживаемся в кресла по обе стороны маленького столика, Милев спрашивает:

— Кажется, именно пьянка привела вас в этот квартал?

— Примерно так.

— Судьба... — уныло качает головой Майк. — Вас — пьянка, меня — бабы...

— При чем тут это? — спрашиваю, лишь бы что-то сказать.

— При том, что за них надо платить, — поясняет хозяин. — И чтобы иметь больше денег, пришлось приторговывать гашишем, и гашиш привел меня к Дрейку.

Он замолкает, решив, наверное, что не стоит давать мне слишком обильную информацию, а затем вместо обобщения заявляет:

— А теперь мы оба должны подумать, как убраться отсюда.

— А зачем? Здесь не так уж плохо.

— Ну конечно, — с издевкой говорит Майк. — Особенно если шеф вам и дальше будет платить за то, что вы ошиваетесь в порнографической лавчонке или в кафе. Однако он не будет платить, уверяю вас. Он заранее уже рассчитал до последнего пенса, что на вас потратит и сколько получит с вашей помощью прежде, чем пришить и отправить в морг.

— Вы начинаете мне действовать на нервы с этими вашими прогнозами, — произношу я. — Не кажется ли вам, что если кто-то и под угрозой, так это скорее всего вы?

— Вы и впрямь сумели разнести мой план в пух и прах, — отвечает Милев. — И сейчас, наверное, Дрейк убежден, что я пытался его облапошить, хотя у меня не было подобного желания. Я, однако, все еще нужен ему, хотя бы для того, чтобы услышать мое мнение о плане, который вы ему состряпаете. А когда вы его состряпаете, ничто не помешает мне разнести его в пух и прах, как вы сделали с моим.

— У меня нет плана, — спешу его успокоить.

— Если у вас нет плана, считайте себя покойником. Если у вас нет плана, советую вам его придумать. Вы слишком много знаете, чтобы Дрейк позволил вам и дальше коптить небо, раз вы ему больше не нужны.

Он мне дает время, чтобы я проникся значением этих слов, и лишь тогда переходит к сути:

— Будет верхом глупости, если мы, двое болгар, позволим этому англичанину раздавить нас...

— Ну, раз вы ставите вопрос на национальную основу...

— Единственное наше спасение в том, чтобы обмозговать общий план, такой, при осуществлении которого мы оба будем одинаково необходимы, и который будет не просто чушью собачьей, а достаточно солидным, чтобы вызвать одобрение шефа.

— Да, это было бы действительно идеально, — соглашаюсь я, рассеянно созерцая кусочек прокопченного неба над закопченными крышами, что виднеется за грязными стеклами окна.

— Так что рожайте наконец ваш план и давайте его обсудим, — заканчивает Майк.

В этот момент мне слышится легкий шум в соседней комнате, что дает мне основание заметить:

— Кажется, там кто-то есть...

— Мой сосед. Не беспокойтесь. Он ни слова не понимает по-болгарски.

— А-а, хорошо.

— Так что давайте обсудим план без тягомотины, ведь никто не знает, когда Дрейку стукнет в голову опять нас вызвать.

— У меня нет плана.

— Послушайте, — говорит Майк, стараясь сохранить спокойствие. — Вы не дурак, но и я не так глуп, как вы думаете. Я знаю, что у вас есть план. И еще знаю, что именно потому вы и разнесли мой план, чтобы подсунуть свой. Но я могу обойтись с вашим так же, как вы с моим. Существует тысяча способов, чтобы посеять недоверие. Поэтому говорю вам еще раз: не хитрите, а выкладывайте свои карты, пока не поздно.

— Говорим по-болгарски, а не можем понять друг друга, — сокрушаюсь я. — Вам что, не ясно, Милев, что означают эти слова: у меня нет плана! Вы понимаете, нет!

— Ну-у, вы действительно считаете меня дураком! — повышает тон Майк. — Но смотрите, как бы вам самому не оказаться в дураках! Мне совершенно ясно, что вы жаждете заграбастать мое место. Я это понял, едва вы появились на Дрейк-стрит. Старая наша черта: жрать друг друга. Но вы споткнетесь прежде, чем успеете мне подставить ножку. Так что спрашиваю в последний раз: вы готовы работать вместе или...

— Почему нет? — пожимаю я плечами. — Но если вы ждете, что я достану из кармана несуществующий план, то не понимаю, как...

В этот самый момент, однако, именно он что-то достает из кармана. Едва ли стоит уточнять, что это «что-то» пистолет. И что пистолет самым непринужденным образом направлен мне в грудь.

— У меня нет времени торговаться, дорогуша, — произносит немного театрально Милев, наверное, чтобы все же как-то объяснить появление пистолета. — Пристрелю и глазом не моргну. И тут, на Дрейк-стрит, никто меня за это не накажет.

Я не уверен, что он выстрелит. Возможно, это тоже поза —

ведь у него слабость к позам. Однако никогда нельзя предугадать, до чего может дойти человек в своей любви к позам. Поэтому быстро хватаю столик и обрушиваю его на Милева. Тот падает в кресло, я бросаюсь к нему и вырываю пистолет. После чего швыряю его как можно дальше. В окно. Или, точнее, в стекло, поскольку окно закрыто.

Я готов уже удалиться, когда, должно быть, привлеченный шумом, врывается сосед и помогает мне отзывчиво кулаком — чтобы я оказался в объятиях Майка, который, в свою очередь, помогает мне с другой стороны. Так что воочию на собственном горбу я убеждаюсь, что англо-болгарская дружба вполне осуществлена.

Правда, этим двоим далеко до Ала и Боба. И я постарался им объяснить соответствующими жестами, что за все надо платить. И, уложив их одного на другого в углу на диван (пусть отдохнут), покидаю квартиру Майка.

— О, мистер Питер! Кажется, вас опять побили, — сочувствует Дорис, когда я вхожу в отель. — Как только вернется мой брат, я заскочу в аптеку.

— Не беспокойтесь, — говорю. — Не стоит обращать внимания на такие пустяки.

Беглое изучение перед зеркалом убеждает меня, что повреждения действительно совсем незначительны — небольшой синяк под левым глазом и маленькая царапина под левой бровью. Нет, этим двоим далеко до горилл шефа. Не чувствуется размаха. И мускулатуры.

Позднее, когда занимаю в постели любимое горизонтальное положение, так способствующее размышлениям, прихожу к выводу, что немного недооценил противника, потому что Майк вполне способен выпустить мне в живот целую обойму в каком-нибудь темном подъезде, не обладая могучими бицепсами. И потому, что сейчас главная цель его жизни убрать меня со своей дороги. А когда дорога называется Дрейк-стрит, убрать человека не так уж трудно.

Может, я бы поступил умнее, если бы конфисковал пистолет вместо того, чтобы выбрасывать во двор, где он его немедленно найдет. Ну и что, если бы конфисковал? Разумеется, ничего, кроме того, что ему пришлось бы позаботиться о новом. А это не бог весть какая забота в этом квартале и на этой улице.

Раздумывая таким образом, я, наверное, заснул, потому что мне начинает казаться, что кто-то настойчиво стучит мне по голове, и проходит некоторое время, пока я понимаю, что стучат не по моей бедной голове, а в дверь. Мои размышления о Майке, вероятно, были долгими, ибо в комнате темно, а на дворе ночь.

— Кто там? Что нужно? — спрашиваю я спросонок.

— А-а, вы дома? И не открываете? — раздается отчетливый рев одной из горилл, не знаю точно которой.

Чтобы опровергнуть это утверждение, встаю и открываю дверь. Моему взору представляется массивный шкаф по имени Ал.

— Вы что, сдохли, черт бы вас побрал, что не слышите! — ревет человекоподобная обезьяна.

— Еще нет, — спешу я его разочаровать. — Что, пожар?

— Шеф зовет.

— Хорошо. Убирайтесь. Сейчас иду.

Вместо ответа Ал удобно устраивается в кресле и красноречиво смотрит на часы.

— Я ведь сказал, что приду сам. Я знаю дорогу, не потеюсь.

— Ничего вы не знаете, — рычит Ал. — Шеф не в конторе. Пошли, даю вам пять минут!

* * *

Итак, через пять минут мы уже на Дрейк-стрит, а немного спустя, к моему удивлению, выходим и на широкую улицу. Затем сворачиваем раз, другой, пока наконец не останавливаемся у ярко освещенного фасада, на котором притягательно сверкают алым светом неоновые буквы:

Е В А

Машинально следуя за Алом в ярко освещенный, но еще пустой холл, убранный с показной и фальшивой роскошью. Проходим, не останавливаясь, мимо входа в зал, задрапированного бархатным занавесом, и по узкому коридору через дверь с надписью: «Офис» проникаем в другой коридор, заканчивающийся другой дверью. Горилла нажимает кнопку и, когда над ней зажигается зеленая лампочка, предлагает мне войти.

— Ну вот и вы наконец! — восклицает шеф, развалившийся в ленивой позе за письменным столом. — Что, до сих пор продолжается драка?

— Какая драка? — невинно спрашиваю я, усаживаясь в указанное кресло.

— Это мне скажете вы, Питер, — отвечает Дрейк. — Мои личные сведения исчерпываются скудными данными, которые являет ваше лицо.

— Надеюсь, эта скудность не раздражает вас, — замечаю я.

— Нет, конечно. Совершенно безразлична. В конце концов не меня же били. Но все же, думаю, вам следует меня проинформировать.

Я нерешительно озираюсь, словно решая вопрос, исполнить ли его распоряжение или отклонить. Это помещение значительно меньше кабинета на Дрейк-стрит, однако отделано с гораздо большим комфортом. Сочетание фиолетовых и серебристо-серых тонов, множество шелка, полированного дерева и стекла, вообще претенциозная экстравагантность, не поддающаяся описанию.

— На меня напал Майк со своим приятелем, — говорю я, преодолев колебания.

— Как же это случилось?

Описываю события возможно короче. Шеф некоторое время молчит, затем замечает:

— Да-а-а... Не люблю самосуда. И все же на вашем месте я бы отомстил.

— Не понимаю, зачем.

— Затем, что он теперь повсюду начнет хвастать, что побил

вас. А это совсем уронит ваш престиж в глазах моих людей. Вообще пойдет молва, что вас слишком часто бьют.

— Я не претендую на репутацию гориллы.

— Однако вы мой секретарь, Питер. А у секретаря Дрейка должно быть реноме сильного человека.

И так как я не считаю нужным ответить, шеф переходит к другой теме:

— А теперь что? Дрожите, как бы Майк не подверг ваш план уничтожительной критике?

— Чтобы дрожать, надо иметь план.

— А разве его нет?

— Пока нет.

— И вы даже не в состоянии его составить?

— Я не настолько беспомощен. Но и не могу его составить просто так, на голом месте.

— Что вы имеете в виду?

— Мне нужно знать хотя бы две вещи: во-первых, некоторые подробности по поводу товара...

— Товар — наркотики, коль это вас так интересует, — прерывает меня шеф.

— Меня совершенно не интересует, какой товар — наркотики или бюстгалтеры. Меня интересует, как я уже сказал, только объем и вес.

— Большой объем и большой вес, ведь я говорил.

Умолкая, давая ему понять, что такие общие сведения никакой ценности не представляют. Но он рычит свое:

— А во-вторых? Вы сказали, вам нужно знать две вещи?

— О, это совсем просто. Вы сами понимаете, что мне не хочется потеть за горсть меди.

— Пока я не предложил вам и этого.

— Тогда что же вы удивляетесь, что и я не предложил вам план?

— Послушайте, Питер! — произносит Дрейк с едва заметной угрожающей ноткой. — Должен вам сказать, что я вам плачу не за то, чтобы вы разговаривали в таком тоне. Я ввел в своей фирме стиль поведения, нарушать который не позволю.

— Знаю, — подтверждаю я. — И не сомневаюсь, что если вы рассердитесь, то опять проверите силу своего стиля на мне. В вашей власти избить меня в третий раз, мистер Дрейк, но тогда проститесь раз и навсегда с моим планом.

— Будущее покажет.

— Зачем же ждать будущего? Не разумнее ли теперь же понять, что если вы человек крайне бесцеремонный, то я крайне упрямый. Упрямый до самоубийства, уверяю вас.

— Будущее покажет, — повторяет Дрейк, не повышая голоса, но с некой мрачной интонацией.

— Чудесно, — заключаю я и встаю с кресла. — Если вашего интеллекта хватает только на это, можете звать своих животных. Мне больше нечего сказать.

— Я не отпускал вас, Питер, — бурчит шеф.

— Не вижу смысла терять время, — проговариваю я. — Разговор окончен. Можете звать горилл.

— На этот раз не горилл, Питер! На этот раз будет некто другой: чрезвычайный и полномочный посол смерти. Я прояв-

лю милосердие к вам, хотя вы этого не заслуживаете. Отправлю вас на тот свет без излишних проводов.

Наверное, Дрейк ожидал услышать слова сердечной благодарности, но он ошибся: я просто киваю и направляюсь к двери. Если этот тип и сейчас не выйдет из себя, значит, у него стальные нервы.

Он не выходит из себя. Только чуть громче обычного рычит:

— Сейчас же вернитесь, Питер! И не злоупотребляйте моим терпением!

— Не вижу смысла возвращаться из-за горсти меди, мистер Дрейк! — заявляю я, остановившись все же посреди кабинета. — Вся моя жизнь прошла в азартной игре, и пусть я проиграю, но не стану ни вашим швейцаром, ни слугой, ни подтиркой, вам ясно?

— Слушайте, вы, дурья башка! Предложу я вам что-то или нет, это я сам решу. Убрать вас или нет, тоже решу сам я. Но прежде, чем решать, я хочу услышать. Так что садитесь и выкладывайте, а там видно будет.

Поколебавшись, я все же возвращаюсь на свое место и снова опускаюсь в шелковое кресло.

— Если я ставлю вопрос о вознаграждении, то это не от чрезмерной наглости, сэр, а из элементарного чувства справедливости. План, который я мог бы вам предложить, не конгломерат глупости, как у этого Милева, а реальная возможность получить миллионы. И если дело дойдет до его осуществления, я не ограничусь тем, что начертаю его вам на бумаге, а приму на себя обязанность выполнить его от начала до конца.

— Довольно хвастать. Говорите по существу.

— Прежде чем заговорить по существу, хочу послушать вас!

— Нет-нет, дорогой, наоборот, только после вас!

— Ну хорошо, — уступаю я. — Пусть будет наоборот. В конце концов то, что вы услышите, не будет иметь никакой ценности, пока из словесного проекта не превратится в дело. А чтобы это превратилось в дело, необходимо будет прибегнуть к моей помощи. Да, к моей, а не к помощи Милева или другого подобного мошенника.

— Ваша честность, Питер, тоже еще не удостоверена гербовой печатью.

— Вы должны заинтересовать меня соответствующим образом, сэр, чтобы я ее доказал. Чем больше честность человека зиждется на материальной заинтересованности, тем больше шансов ее сохранить.

— Пока вы ограничиваетесь общими разговорами, — напоминает Дрейк.

— Перехожу к конкретике. Если вы собираетесь перебрасывать гашиш, это глупость, которую вообще не следует обсуждать.

— Получше вас знаю, глупость это или нет, — спокойно возражает шеф. — Потому что я богатею на гашише, а не вы.

— Но мы смотрим на предмет с разных точек зрения, мистер Дрейк. Гашиш очень объемистый товар. И довольно дешевый. Переправлять его трудно, а толку мало. Так стоит ли игра свеч?

— А что вы предлагаете? Бриллианты в десять каратов?

— Героин.

— Героин, дорогой мой, производится уже здесь, на Западе. С Востока поставляется опиум, и из него на Западе делают героин.

— Значит, надо действовать по-другому: делать героин на Востоке и везти его на Запад в готовом виде. Объем невелик, стоит миллионы — вот это товар!

— Вам легко фантазировать, а сделать все гораздо сложнее.

— Я говорю, основываясь на реальности, а не на фантазиях. Если хотите за один груз получить миллионы, это единственная возможность. Систематическая переброска объемистых пакетов исключается. И если речь идет о гашише, лучше перевозите его в машинах, как раньше, и пусть девяносто процентов товара у вас забирают на границе.

Шеф погружается в размышления. Затем достает из смокинга длинную сигару и тщательно освобождает ее от целлофана. После чего медленно переходит к следующей части операции, происходящей с помощью карманного ножичка. И наконец закуривает.

— Хорошо, этот вопрос сейчас не будем обсуждать, — решает Дрейк, выпуская в мою сторону густое облако дыма, чтобы я мог оценить аромат его сигары. — Продолжайте.

— В том случае, если мы приготовим посылку в пять или даже десять килограммов героина...

— Десять килограммов героина? — Брови шефа ползут вверх. — Вы отдаете себе отчет, сколько это будет в денежных знаках?

— Примерно. Однако, когда канал надежен, десять килограммов лучше, чем пять или два...

— Но лишь когда абсолютно надежен, Питер! — перебивает меня рыжий.

— Надежен на девяносто восемь процентов, — уточняю я. — Не могу все же не оставить два процента на непредвиденные случайности.

— Бросьте вы свои проценты. Сейчас мы говорим не о них.

— У нас, в Болгарии, если хотят сказать, что все идет гладко, говорят: как по воде. Я моряк, мистер Дрейк, и можете мне поверить, что по воде действительно лучше всего. Не трясет, как на суше.

Умолкаю ровно настолько, чтобы закурить сигарету и посылнее разжечь любопытство шефа.

— От ваших людей требуется, чтобы они как следует упаковали героин и прикрепили груз нужным образом к подводной части корабля, идущего из Босфора в болгарский порт — Бургас или Варну, как решите. Все. Вся остальная часть операции будет выполнена мною и моими людьми. Единственная ваша забота — получить товар в Вене. Вас это устраивает?

— Точнее, если можно! — просит Дрейк.

— Можно и точнее: мой человек берет товар с корабля и перебрасывает в какой-либо дунайский порт, где таким же образом прикрепляет к днищу какой-нибудь баржи. Вы же забираете его в Австрии. Что же еще?

Дрейк молчит, наполняя комнату густыми клубами дыма.

— План в общих чертах соблазнителен, — наконец констатирует он между двумя никотиновыми выдохами. — Однако его реализация требует уточнения некоторых подробностей.

— Я готов обсудить и подробности.

— Например, что касается связи. Вы знаете, что это очень важный вопрос, Питер!

— Она будет по возможности простой и надежной. После того, как я буду знать название корабля и время его прихода в болгарский порт, я пошлю моим людям несколько почтовых открыток с самым невинным текстом. А когда героин будет переброшен на баржу, на ваш адрес в Австрии придут поздравительные открытки. Баржи движутся достаточно медленно, а открытки будут содержать столь невинный текст, что невозможно, чтобы хотя бы частично они не достигли своего адресата. А как написать название баржи на карточке, или на марке, или, если хотите под маркой, мы придумаем. Для этого существует сто способов.

— А люди? — спрашивает шеф, щурясь от дыма. — Вопрос с людьми еще более тонкий, Питер!

— Людей вы получите через меня. Я могу дать в ваше распоряжение одну, две, три дюжины надежных людей, готовых на все за скромную сумму. Но я лично предпочитаю группу в составе четырех-пяти человек, один из которых будет всем руководить и отвечать за все передо мной.

— Чем меньше помощников, тем лучше, — кивает Дрейк. — Меньше трат и больше шансов на успех. Но много их или мало, этих людей еще надо завербовать. А также — при случае — и контролировать.

— Это также мое дело, — заявляю я. — Весь участок от Варны до Вены беру я на себя. Вам остается только считать денежки.

— Я уже сказал, не хвастайтесь, — бормочет шеф. — Все это еще нужно проверить, тщательно проверить, Питер, прежде чем приступить к операции.

— Чтобы приступить к операции, необходимо еще одно условие, — напоминаю я.

— А как вы себе его представляете, это условие?

— В виде десяти процентов.

— Вы с ума сошли! — восклицает шеф без пафоса, но абсолютно категорично. — Вы имеете представление, какова цена... скажем, десяти килограммов героина?

— В Америке это стоит не менее десяти миллионов.

— По американским ценам работают только американцы, — быстро произносит шеф. — Но даже по европейским ценам получается пять миллионов. И вы наивно думаете, что я предложу вам пятьсот тысяч, даже если все будет гладко, как по воде?

— Почему бы и нет? Тем более и вам останется не меньше двух миллионов.

— Вы мой секретарь, Питер, а не бухгалтер, — уточняет рыжий. — Раз вы берете на себя и эту обязанность, то должен вам напомнить, что я не один провожу операции. У меня есть партнер, у которого аппетит побольше вашего.

— Ваш партнер получит свое с разницы между европейскими

и американскими ценами, раз они вдвое выше. Он получит сто процентов прибыли, мистер Дрейк. А я прошу у вас какие-то жалкие десять.

— Вы с ума сошли! — повторяет Дрейк. И опускает голову, словно опечалившись тяжелым диагнозом, который сам поставил. После короткого молчания он произносит: — Один процент! И то лишь затем, чтобы дать вам возможность оценить мое великодушие.

— Я допускал, что вы срежете процент-другой, — вздыхаю я. — Но не думал, что столь бесстыдно предложите один только процент!

— Один процент плюс жизнь, Питер! А жизнь дороже всяких процентов. Особенно для человека вашего возраста.

Он замолкает, вновь отдавшись легкой скорби, затем произносит ностальгично:

— Чего бы только я не дал, чтобы быть в вашем возрасте, дружище!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Барабанная дробь, сопровождаемая восклицанием ведущего: — Мисс Линда Грей!

Мисс Линда Грей появляется во всем своем величии. На ней подчеркнуто строгий туалет: длинная черная юбка и белая блузка в пене кружев. А какая посадка головы! Какая прическа!

Мисс Линда делает несколько шагов вперед к середине дансинга, где уже установлен микрофон. Певица скромно склоняет голову в знак благодарности нескольким хлопкам, берет микрофон и рассеянным взглядом обводит столики. Наконец останавливает его на моей несчастной физиономии. Итак, жертва найдена. Может быть, и не столь идеальная, если вспомнить о синяках и ссадинах, но что же делать, коль за соседними столиками или представительницы одноименного с певицей пола, или весьма дряхлые старцы.

Мисс Линда делает еще несколько шагов, теперь в мою сторону, погружается взглядом в мои глаза, и в зале звучит теплый мелодичный голос:

Не говори мне: просто жизнь течет,
И эта ночь рассветом прояснится,
И в шуме будней новый день идет.
Вновь остановится метро на Лестер-сквер,
Но, может быть, уже без нас с тобой.

Ничто не мешает мне повернуться к ней спиной и поставить ее в глупое положение, всем видом показав, что мне наплевать на ее меланхолию. Но я прикован к ней силой двух доз виски или силой ее бирюзовых глаз. Она заглядывает мне в глаза и даже кладет руку мне на плечо.

Конечно, я мог бы встать и сказать: «Успокойтесь, милочка», или «Сядьте лучше и выпейте чего-нибудь», или хотя бы снять эту нежную ручку с моего нового костюма, но то ли под властью выпитого виски, то ли под властью ее бирюзовых глаз я

позволяю ей признаваться мне в любви и держаться за мое плечо. Впрочем, она уже оставила в покое мое плечо и делает несколько шагов назад, к стойке микрофона, но вместо того, чтобы оставить его там, где ему место, продолжает:

Не знаю, быть ли нам двоим,
С рассветом уходя в печаль дневную.
Как о любви нам говорить «потом»,
Когда для нас двоих «потом» не будет,
Когда вся наша жизнь в одном «сейчас»?

После чего, как и следовало ожидать, снова идет рефрен, и дама уже направляет свой взор не на меня, а куда-то в глубину зала, где таится, может быть, ее судьба, или смерть, или какой-нибудь кельнер, вообще, таинственное и неразгаданное, а в зале с интонацией подавленного отчаяния разносится мелодичный настойчивый голос:

...Ведь это утро, призрачное утро,
Возможно, рассветет без нас с тобой.

Зал взрывается аплодисментами. В подобных случаях люди всегда охотно аплодируют, чтобы показать, что им не чуждо искусство чистое и возвышенное.

* * *

— Как спали, Питер? — любезно произносит Дрейк, когда, вызванный Алом, я являюсь в кабинет.

Бормочу что-то вроде «спасибо, хорошо» и жду, стоя посреди кабинета, потому что прекрасно понимаю: шеф вызвал меня не для того, чтобы поинтересоваться, выспался я или нет.

Однако он не торопится начинать деловую часть разговора, а встает и направляется к бару на колесиках, который размещается между двумя креслами.

— Надеюсь, мисс Линда не слишком тревожила ваши сны? — спрашивает рыжий, беря бутылку «Балантайна».

— Нет, — признаюсь я. — Не имею слабости к вокалу.

— Вокал... Речь идет не о вокале, а о вокалистке. Хотя и песня, как там было — напрасно ждешь, что проснешься, потому что завтра будешь в морге, — не может не впечатлить... Я думал, что вы с Линдой понравитесь друг другу. Она с сомнением большой певицы, и вы с сомнением великого героя... Я думал, вы подойдете друг другу...

Наконец шеф вспоминает, зачем меня позвал:

— Необходимо подробнее обсудить ваш проект. На этот раз с Ларкиным.

— Почему именно с Ларкиным?

— А почему не с Ларкиным? — спрашивает чуть резко Дрейк.

— Ваше дело, — пожимаю плечами. — Но, если хотите, этот Ларкин смахивает на полицейского...

На красной физиономии Дрейка появляется нечто вроде улыбки:

— Это потому, что он и в самом деле полицейский. Правда, бывший. Его уволили за взятки и вообще за мелкие человеческие грешки. Но это не помешало ему поддерживать связи с полицией за океаном. И знать свое дело. Короче, он отвечает за отправку груза отсюда, да и на Востоке нам поможет. Так что операция невозможна без его участия. И без его одобрения.

Шеф умолкает. Затем неожиданно восклицает:

— Полицейский, да?! Кажется, вы, дружок, окажетесь умнее, чем я предполагал.

Он снова усаживается за письменный стол.

— Впрочем, поскольку Ларкин придет только перед обедом, займитесь пока еще одним делом. Пойдите — тут недалеко, через две улицы, в дом номер 36, поднимитесь на второй этаж и пройдите в ту дверь, где написано: «Холис-фото». Вот вам ключ. Если нужного человека там не будет, подождите.

— А кто это?

— Человек, который передаст вам письмо для меня. Не думайте, что я использую вас в качестве почтальона или, как бы вы выразились, слуги. Письмо секретное, и, кроме того, вы и впредь будете поддерживать связь с этим человеком. Так что возьмете письмо, закроете дверь и сразу сюда.

— Но вы ведь сами говорили, что мне опасно уходить с вашей улицы? — напоминаю я.

— Верно, вы же без паспорта, — соглашается Дрейк.

— У меня мог бы быть паспорт, если бы вы сообразовались заглянуть в ящик стола, — произношу я.

— Вы и впрямь оказываетесь умнее, чем нужно, — вздыхает шеф. — Хотя насчет ящика не угадали.

Он лениво направляется к сейфу, вделанному в стену за письменным столом, открывает его и достает мой документ.

— По-моему, виза давно просрочена...

— Давно, — кивает рыжий. — Но, кажется, кто-то ее продлил.

И он бросает мне паспорт через письменный стол.

* * *

Дом № 36 — мрачное здание весьма запущенного вида. Часть окон выбита, остальные заколочены досками. Судя по всему, дом скоро снесут.

На одной из трех дверей второго этажа действительно есть надпись: «Холис-фото». Открываю дверь и проникаю в темную прихожую, а оттуда — в другое, тоже темное помещение, поскольку оба окна заколочены досками. Нашупываю выключатель, и сверху обрушивается масса света. Прямо передо мной дверь, закрытая черной шторой, должно быть, вход в само фотоателье. Но эта подробность сейчас не интересуют меня, поскольку все внимание — на человека, лежащего ничком на полу в луже крови.

Приближаюсь и осматриваю пол возле трупa, надеясь найти какое-то письмо или записку. Ничего. Письмо, если таковое су-

шествует, наверное, в кармане убитого. Но в этих синих штанах американских ковбоев они всегда спереди, так что доступ в них основательно затруднен. Еще немного наклоняюсь. Сомнений нет: мертвец — Майк.

В эту минуту улавливаю слабый шум за черной шторой. Улавливаю или воображаю, не имеет значения, все равно необходимо немедленно исчезнуть отсюда. Когда в квартире находятся два болгарских эмигранта, а один из них убит, полицейская мысль очень легко может сработать в направлении другого.

Тороплюсь покинуть негостеприимное фотоателье, не забыв вытереть носовым платком выключатель и ручки дверей.

Нахожу Дрейка в полном одиночестве все за тем же письменным столом.

— А, вы уже вернулись? — приветствует он меня. — Где письмо?

— Какое письмо? Там только Майк. Притом мертвый.

— Значит, я вам поручаю одно, а вы делаете другое, каков хитрец. — И шеф шутиливо грозит мне пальцем.

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

— Может быть, вы не понимаете, что убили его?

— Но неужели вы...

— Что я? — перебивает Дрейк. — Я действительно намекнул вам, что неплохо бы отомстить за погоню, но и мысли не допускал, что дело дойдет до убийства. Это слишком, Питер!

— Я не имею никакого отношения к его убийству!

— Факты говорят другое, — возражает рыжий, доставая из ящика письменного стола фотографию и подавая ее мне.

Достаточно красноречивый снимок. Очевидно, только что сделанный поляроидом. Питер, склонившийся над трупом Майка в той самой комнате. Подавляю неприятное удивление и пренебрежительно бросаю:

— Фальсификация налицо. Но вряд ли она будет иметь особый вес как улика. Вы же знаете, что у меня даже нет пистолета.

— Пистолет при желании тоже можно найти, — спешит меня успокоить шеф. — Тот самый пистолет, да еще украшенный отпечатками ваших пальцев. И откуда у вас такая привычка бросать пистолеты в окна, чтобы они попадали в руки посторонним лицам?.. Теперь оружие в надежном месте.

— Хорошо, — примирительно вздыхаю я, опускаясь в кресло. — Допустим, что ваша инсценировка образцова. Но зачем она вам?

— Сейчас ни за чем, Питер. Но человек никогда не знает... Когда располагаешь известными уликами против некоторых людей, тогда с большим основанием можешь им доверять. Доверие — прекрасная вещь, если оно не слепое...

В дверь стучат, и через секунду входит Ларкин.

— А! — восклицает Дрейк. — Вы пришли как раз вовремя. Речь идет о новом проекте. Проекте Питера.

После чего мне предоставляется слово для исчерпывающего, лаконичного изложения.

— Это уже что-то более реальное, — сухо подтверждает Ларкин, когда я заканчиваю.

И начинаются вопросы. Лаконичные вопросы по существу, вопросы профессионала, которые прошупывают операцию по всем швам.

— Да, это уже что-то более реальное, — повторяет бывший полицейский, покончив с вопросами. — Думаю, что после того, как я все проверю по своим каналам, можно будет приступить к подготовке.

— Смотрите, чтобы эти ваши проверки не затянулись, — говорит красноносый.

— Они продлятся ровно столько, сколько необходимо, Дрейк, — отвечает Ларкин с ледяной улыбкой.

В этот момент замечаю быстрый взгляд шефа. — «свободен» — и встаю, чтобы дать возможность этим хищникам обсудить все наедине.

* * *

Не знаю, приходилось ли вам замечать, с каким особым удовольствием ложиться одетым на только что застланную постель. Конечно, не в обуви. Ноги можно положить на спинку кровати. Вы ложитесь, закрываете глаза и начинаете размышлять о своих делах, пока не надоеет.

В самом деле, полиция едва ли будет ломать себе голову над причинами смерти продавца гашиша, и притом — эмигранта. Убийству уделят строчек пять в криминальной хронике, после чего оно будет предано забвению. Дело сдадут в архив, откуда при необходимости его нетрудно будет извлечь. А будет ли оно извлечено или нет — это зависит от моего шефа.

У бедняги Майка имелась привычка торопиться в разговоре. И поскольку он торопился, то допускал ошибки, а поскольку допускал ошибки, ему приходилось их исправлять. Но, кажется, это была его манера не только в разговоре, но и в делах. К сожалению, в делах, если поторопишься и запутаешься, не всегда можно исправить. И тогда исправляют другие. И обычно во вред тебе.

Майк появился в этих местах по воле случая. От мелкой торговли гашишем через разветвленную сеть торговцев добрался до самого шефа. В его пылающей физиономии Милев увидел свет своей большой удачи. И преподнес тому импровизированный план, в который и сам был готов поверить — план быстрого обогащения. Ему хотелось блеснуть и стать доверенным лицом шефа.

Момент был весьма подходящий. Дрейку уже тесно здесь, на этой глухой улочке, которую он превратил в свою империю. Он задыхается здесь с его-то широким размахом. И жажда новых территорий началась с идеи ничтожной посылки гашиша через Балканы, так как по Средиземноморью становится день ото дня все сложнее. А после огонек идеи разгорелся в пожар мечты о постоянном солидном канале переброски наркотиков в огромных количествах. Однако в один прекрасный день выясни-

лось, что эта мечта — мираж, и виновник разочарования поплатился за легкомыслие.

Приговор над ним приведен в исполнение. И на его место поставили другого человека. И этот другой — я. И я должен нести двойную ответственность: за убийство, которого не совершал, и за операцию, которую должны были проводить другие. Перспектива блестящая, ничего не скажешь.

Колеблюсь некоторое время, какую позицию занять при таком положении вещей: позицию пессимиста («дела плохи») или оптимиста («могло быть и хуже»); и вдруг замечаю, что между этими непримиримыми позициями возникает силуэт молодого человека с бледным лицом, в черной шляпе и черном плаще, некое траурное существо, распространяющее леденящий запах смерти.

Я его заметил еще в первые дни моего бесцельного шатания по Дрейк-стрит. Он стоял перед витриной книжной лавочки, рассматривая журналы, как человек, которому нечего делать, и лениво пережевывал жвачку. Посмотрел в мою сторону, но не проявил ко мне никакого внимания, повернулся и вошел в лавочку. Наверное, просто не узнал меня. Однако я его узнал. Я его видел, хотя недолго — в вагоне поезда. Он стоял напротив меня и стрелял в Борислава.

Я подозревал, что это и есть наемный убийца шефа. Но лишь спустя время я узнал от Дрейка, что его зовут Марк. И если я долго не мог узнать его имени, то лишь потому, что никто при мне к нему не обращался и никто не говорил о нем. Люди не любят говорить о смерти, а здесь, на этой улице, Марк был олицетворением смерти. Или, если хотите, ее чрезвычайным и полномочным послом.

Иногда я видел, как в час обеденного наплыва публики он стоит в книжной лавочке и лениво листает какой-нибудь журнал, пережевывая жвачку. Или встречал в кафе у медной стойки, лениво потягивающим кока-колу, совершенно одинокого, словно стеной отгороженного от окружающих его болтливых потребителей черного пива. Или замечал, как он бесцельно шляется по Дрейк-стрит. Шляться и разглядывать были его основные занятия, ибо убийца не может по восемь часов ежедневно совершать убийства. Что же касается страстей, думаю, их у него вообще не было, даже самых распространенных — к женщинам и спиртному. Спиртное и табак он успешно заменил жвачкой, а женщин — картинками в журналах.

Нет, он не был гориллой из зверинца Дрейка и не имел ничего общего с видом гориллы. У него были изящные, утонченные жесты и своей пластикой напоминали ювелира или скрипача, вообще человека, привыкшего иметь дело с тонкими инструментами. Хотя его обычный инструмент едва ли требовал особо тонкого обращения, если не считать верного глаза. Что же касается самого этого инструмента, полагаю, что он носил его в специальном внутреннем кармане у левой подмышки. Возможно, поэтому, даже летом редко расставался со своим черным плащом.

Вообще черный человек. И темная личность. Настолько темная, что чем больше думаю о ней, тем больше у меня темнеет в глазах. И я засыпаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Все следующие дни Дрейк так часто вызывает меня на консультацию по вопросам, связанным с операцией, и так часто отсылает Райта из кабинета, что тот, будь он человеком с чувствительной нервной системой, мог бы получить нервное расстройство.

Джон Райт, однако, не нервничает. Он просто меняет тактику и начинает заигрывать с соперником. А соперник, как известно, я. Первый жест внимания я получаю в итальянском ресторане. Забавно, он почти в точности копирует жест покойного Майка; люди необщительные и лишенные воображения действуют по одному шаблону.

— Могу я присесть за ваш столик?

— Пожалуйста.

Затем следует молчание и неловкие попытки завязать разговор, потом опять молчание и опять попытки, пока нам не подают счет.

Несколько раз прошупав почву таким образом, Райт однажды решается на более смелую вылазку, заловив меня в кафе, где я пью послеобеденный кофе. Не знаю, то ли Райт выпил, то ли притворяется, но он подсаживается за мой столик, даже не спрашивая разрешения, и, пренебрежительно взглянув на мою чашку, спрашивает:

— Кофе пьете?

Пришлось подтвердить его смелую догадку.

— В этот час?

— Я пью кофе в любое время.

— А я — никогда. Так же, как и виски. Я считаю, что благонамеренные англичане должны пить чай и пиво. Но сегодня, как исключение, я хлебнул виски. Не знаю, что это на меня нашло, взял я хлебнул. И еще с удовольствием продолжу. Особенно, если вы сооблаговолите выпить со мной стаканчик...

— Если только один, — отвечаю. — Заказывайте.

И он заказывает по стаканчику. Потом — еще по одному. Потом еще. Пока виски не приводят его к мыслям о жизни и он начинает делиться ими со мной.

— Не знаю, что вы думаете об этом, Питер, но наша жизнь очень сложна. Стоит только прогуляться по Дрейк-стрит, чтобы убедиться в этом. Мне становится страшно, когда я подумаю, что бы сказала моя мать, если бы могла встать из могилы и увидела своего сына. Но кто сейчас может похвалиться, что в его жизни нет путаницы? И даже если такие есть, я не мог бы, как они, за горсть медяков проводить по восемь часов в какой-нибудь вшивой канцелярии, лишь бы считать себя порядочным человеком.

Он кладет локти на стол и подпирает голову руками, потом запускает длинные тонкие пальцы в еще более длинные волосы и поднимает на меня глаза:

— Что скажете?

Но прежде чем я решил, отвечать или нет, Джон продолжает, потому что он явно из тех, кто любит говорить один:

— Может, вы принимаете меня за подонка, потому что я болтаюсь на Дрейк-стрит? Ошибаетесь, Питер! Я закончил курсы

бухгалтеров и все, что нужно, чтобы быть приличным банковским чиновником. Более того: признаюсь вам, что даже был приличным банковским служащим. Ну и что из этого?.. Нет, подобная порядочность ради жалких медяков мне ненавистна. Я закормлен этой порядочностью, меня от нее тошнит. Порок или то, что называется пороком, все же предпочтительнее. Хотя и он...

Райт вновь опускает голову, пытаясь вспомнить, что, собственно, «он»... После проводит рукой по волосам, взъерошив их окончательно, и продолжает монолог:

— Все эти квартиры, которые вечером пахнут женскими духами, а утром женским потом, и эти красавицы из кабаре, которые вечером, прежде чем лечь с вами, вместе с гримом смывают и свою красоту... и эти рожки, из-за которых не можешь выпить спокойно кружку пива, потому что они твои люди, а ты их человек... и... и... и вся эта Дрейк-стрит, как и все остальные...

Раз уж он заговорил о запахе, меня так и подмывает попросить его немножко отодвинуться, поскольку я уже не знаю, что пить — скоч или одеколон «Сирень».

Он действительно под градусом, хотя и не до такой степени, как старается показать. Это еще не беда. Беда в том, что и я стараюсь казаться под мухой, у Джона хватает легкомыслия мне верить. Поэтому я не удивляюсь, когда, вернувшись из туалета, замечаю на дне своего стакана беловатый осадок. Прimitивно работает. Следовало бы сказать ему, что в подобных случаях предпочтительнее ампула с бесцветной жидкостью. Но что делать, если он все время говорит сам и не дает мне вымолвить ни слова.

Падаю в кресло и, разумеется, неверным движением смахиваю стакан со стола.

— Деви, еще виски! — кричит Райт.

И, опорожнив свой стакан, добавляет:

— И еще!

Наконец встает и, в свою очередь, идет инспектировать туалетную комнату.

Теперь или никогда. Выскакиваю из кафе и через дорогу бросаюсь к книжной лавке, обязанной своим существованием порнографическим инъекциям моего шефа.

— Райт совсем напился, — информирую я человека, стоящего за прилавком. — Вы не могли бы вызвать его минут через двадцать, пока я расплачусь. Его придется выносить на руках.

— У меня как раз к нему одно дело...

У меня нет времени слушать. Возвращаюсь в кафе, лишь на минуту опередив Джона.

— Беда женщин в том, Питер, что они привлекают красотой и сексом... а ведь и то и другое в них фальшиво... Пока их смотришь, как они кривляются под прожектором «Евы»... как подмигивают глазами и вертят задницами... думаешь: богини... и уже в постели понимаешь — самые обыкновенные проститутки... Проститутки, которые знают пять-шесть танцевальных па... что еще...

Он поднимает стакан, я следую его примеру и, поскольку возникает пауза, осмеливаюсь возразить:

— Все же, Джон, согласишься, что есть и роскошные женщины... Есть и роскошные... Джон...

— Есть... — соглашается Джон. — Но роскошные, Питер, не бывают свободны. Именно потому, что они роскошные, кто-то успел прибрать их к рукам... до тебя и меня...

— Это не мешает, — пренебрежительно машу я рукой.

— Не мешает?.. — восклицает Райт, заговорщицки понижая голос. — Мешает, Питер, да так, что в один прекрасный момент спрашиваешь... спрашиваешь себя, стоит ли такого риска... женщина, даже если она роскошна, как «кадиллак».

Вопрос действительно заслуживает зрелого размышления, и я вновь отправляюсь инспектировать туалет. А когда возвращаюсь, без особого удивления убеждаюсь, что на дне моего стакана вновь присутствует нечто белесое. Действительно следовало бы информировать его о преимуществе ампул.

На этот раз мой стакан предусмотрительно отодвинут от края стола, чтобы вновь не произошла авария, но я и не помышляю об аварии. Отпиваю малосенький глоток, уверенный, что вряд ли мне станет плохо от подобной порции, тем более что эти снотворные так плохо растворяются. Джон вновь собирается возобновить свой монолог, но тут в дверях показывается букинист-порнограф и подзывает моего собеседника к себе.

Дожидаюсь, пока Деви повернется ко мне спиной, ибо в этот момент Деви — единственный свидетель нашего послеобеденного запоя, а затем, энергично взболтав содержимое стакана, выливаю его в давно намеченное место — в один из горшков с бегониями, украшающими окно. Не уверен, что эта бегония выживет — все зависит от того, насколько она стойка к алкоголю и снотворному, — но я предпочитаю, чтобы эксперимент проводился на ней, а не на мне. Затем переваливаю себе немного из стакана Джона, чтобы мой не был совсем пуст, и заставляю в позе натурщика, позирующего для картины «Ловец».

— Этот кретин нашел время, чтобы заниматься делами, — слышу через несколько минут реплику Райта, который появился вновь, а с ним — упоительный аромат сирени.

— Оставь его, — прошу я, опустошая стакан. — Книжный червь и больше ничего.

— Пигмей, — подхватывает Джон, садясь на место. — Он из людей... из тех людей, Питер, которые готовы дремать всю жизнь за лавкой... всю жизнь, понимаешь, ради горсти медяков...

При этих словах сиреневое дерево, в свою очередь, допивает стакан и заказывает Деви еще два скоча.

Что касается моего виски, если меня не обманывает память, я не успеваю его допить. Сонливость все более овладевает мной, и, как я ни борюсь с ней, приходится в конце концов заявить, что я иду спать.

Легко сказать «иду». Едва я выпрямляюсь, как не без удивления обнаруживаю, что едва держусь на ногах. И Райту приходится взять меня под руку и препроводить до родной «Аризоны».

Мы еле-еле забираемся по лестнице на мой этаж, я повисаю тряпкой на шее Райта, так что ему приходится с материнской заботливостью, хотя и без материнской нежности, уложить

меня в постель. Меня тут же сразил глубокий сон. Но как бы ни был он глубок, я успеваю установить, что моя нянька перемещается в кухню, затем возвращается, выкуривает сигарету, энергично меня толкает несколько раз, чтобы проверить, так ли уж беспробудно я сплю, после чего вновь возвращается в кухню, затем покидает мой номер, закрыв дверь на ключ снаружи и протолкнув через щель под дверью обратно в комнату. Примерно в это же время я начинаю чувствовать и запах газа.

Пока совсем легкий запах, который через некоторое время распространится в воздухе настолько, что станет смертоносным ароматом. Райт, очевидно, рассчитывает на то обстоятельство, что в этих старых отелях всегда немного пахнет газом, а также на благоприятное время суток: пройдет несколько часов, пока немногие клиенты «Аризоны» начнут возвращаться в свои номера.

* * *

— Что это вы так рано, Питер? — без особого энтузиазма осведомляется шеф, увидев меня в дверях кабинета. — Что, ночью пришла в голову заманчивая идея?

Рано утром Дрейк редко бывает в хорошем настроении, а рабочее состояние приходит к нему обычно лишь после третьего скачка.

— Мне пришло в голову, что однажды вечером я могу лечь, мистер Дрейк, чтобы утром не проснуться, — заявляю я.

— А, вы опять поете ту же песню... Как видно, она крепко засела в вашей голове.

— Речь идет не о песне, а о факте: вчера после обеда Райт пытался меня отравить.

— Неужто посмел? — рычит Дрейк без излишнего оживления. — Ну, рассказывайте, что вы ждете...

Я коротко рассказываю о случившемся, перечисляя существующие вещественные доказательства.

— Сейчас же привести мне Райта! — требует Дрейк, вызвав Ала.

А после того, как тот выходит, рыжий заявляет:

— Жест отчаяния, Питер. Мы должны войти в его положение: это жест отчаяния.

Через десять минут агент похоронного бюро предстает перед шефом. При виде меня он не обнаруживает никакого удивления, очевидно, уже информирован Алом.

— Я только что узнал, что вы пытались ликвидировать нашего общего друга Питера, — спокойно произносит Дрейк. — Надеюсь, вы понимаете мое потрясение.

— Подлая ложь! — решительно отменяет обвинение сиреневый куст. — Это его выдумка, чтобы устранить меня со своего пути. Вы и сами, наверное, заметили, мистер Дрейк, что он старается устранить меня со своего пути. Особенно в последнее время...

— ...В результате чего вы решили его опередить, — добродушно дополняет рыжий.

— Подлая ложь! — повторяет Райт.

— А кто пустил газ?

— Какой газ?

— В кухне Питера.

— Не имею понятия. Он напился, как свинья... я дотащил его до комнаты и оставил... а что он там делал, не имею понятия...

— Очевидно, решил покончить жизнь самоубийством, — подсказывает после недолгого раздумья Дрейк. — Но только с вашей помощью, Джон.

— Не понимаю...

— Я тоже. Однако факты налицо: свидетельства Дорис, отпечатки ваших ботинок в кухне, отпечатки ваших пальцев на одном из кранов плиты, не говоря уже о снотворном, которое вы два раза опускали в стакан Питера и следы которого до сих пор находятся в одном из цветочных горшков в кафе.

Под грузом стольких улик Райт умолкает, лихорадочно соображая, наверное, которую из улик опровергать. Однако рыжий не дает ему времени для размышления:

— Мы не дети, Джон. И вы знаете, что я отнюдь не медлителен в своих решениях, особенно когда не нахожу у собеседника доброй воли. Так что в ваших интересах проявить добрую волю.

— Он отнял у меня Линду, — мрачно заявляет Райт, поняв, что лучше не раздражать шефа и не изворачиваться.

— Это уже звучит убедительнее, — кивает рыжий. — И вы решили изменить результат в свою пользу?

— Он отнял у меня Линду, — настаивает сиреневое дерево, словно это все объясняет.

— Ну, раз речь идет о ревности... — замечает уступчиво Дрейк и разводит руками, словно, в свою очередь, считает, что ревность все объясняет. Затем бросает: — Вы свободны!

А когда Райт покидает кабинет, шеф вопросительно смотрит на меня.

— Что делать, Питер! Речь идет о ревности... Вы не думаете, что ревность может многое изменить?

— Я не думал по этому вопросу, — признаюсь я. — Но если вы предложите мне его изучить...

— Только женщина, мой друг, может предложить вам изучить этот вопрос. Но я вам этого не желаю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Еще с утра августовское солнце спряталось за набухшие от влаги тучи. С Темзы дует холодный ветер, и стоит мне показать нос на улице, как сразу же пошел сильный дождь. Он бешено барабанит по моему фирменному зонту, будто хочет пробить его насквозь, косыми струями хлещет по спине, заливает в ботинки полные ушаты холодной воды. Так что я прихожу к Линде промокшим насквозь.

Она открывает мне дверь, одетая в розовый купальный халат. Кажется, она тоже выкупалась, правда, в ванной.

— А-а, Питер, и вы приняли душ! — восклицает дама, прово-

жая меня в прихожую. -- Можете оставить здесь зонт и повесить там плащ.

Я выполняю ее распоряжения, тщательно вытираю ботинки и лишь после этого вхожу в комнату, убранство которой совершенно не рассчитано на таких промокших, как я. На нежно-голубой палас небрежно брошено несколько белоснежных искусственных шкур, по которым грех ходить грязными ботинками. Прыжками добираюсь до кресла и опускаюсь в него, вроде бы опять на какую-то шкуру, ибо в этой комнате они разбросаны повсюду, даже на диване и креслах.

Окончание в следующем выпуске

**На I и IV страницах обложки рисунки Максима РЕЙХА
к повестям «ПЕРВЫЙ КОНТАКТ» и «РАЗВЕТВЛЕНИЕ».**

**На II странице обложки рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА
к роману «УМИРАТЬ — В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ».**

**На III странице обложки рисунок Геннадия ФИЛАТОВА
к повести «ШКОЛА ЛИТТЛМЕНА».**

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и В. РЫБИНА

Редактор выпуска Е. КУЗЬМИН

Художественный редактор В. КУХАРУК

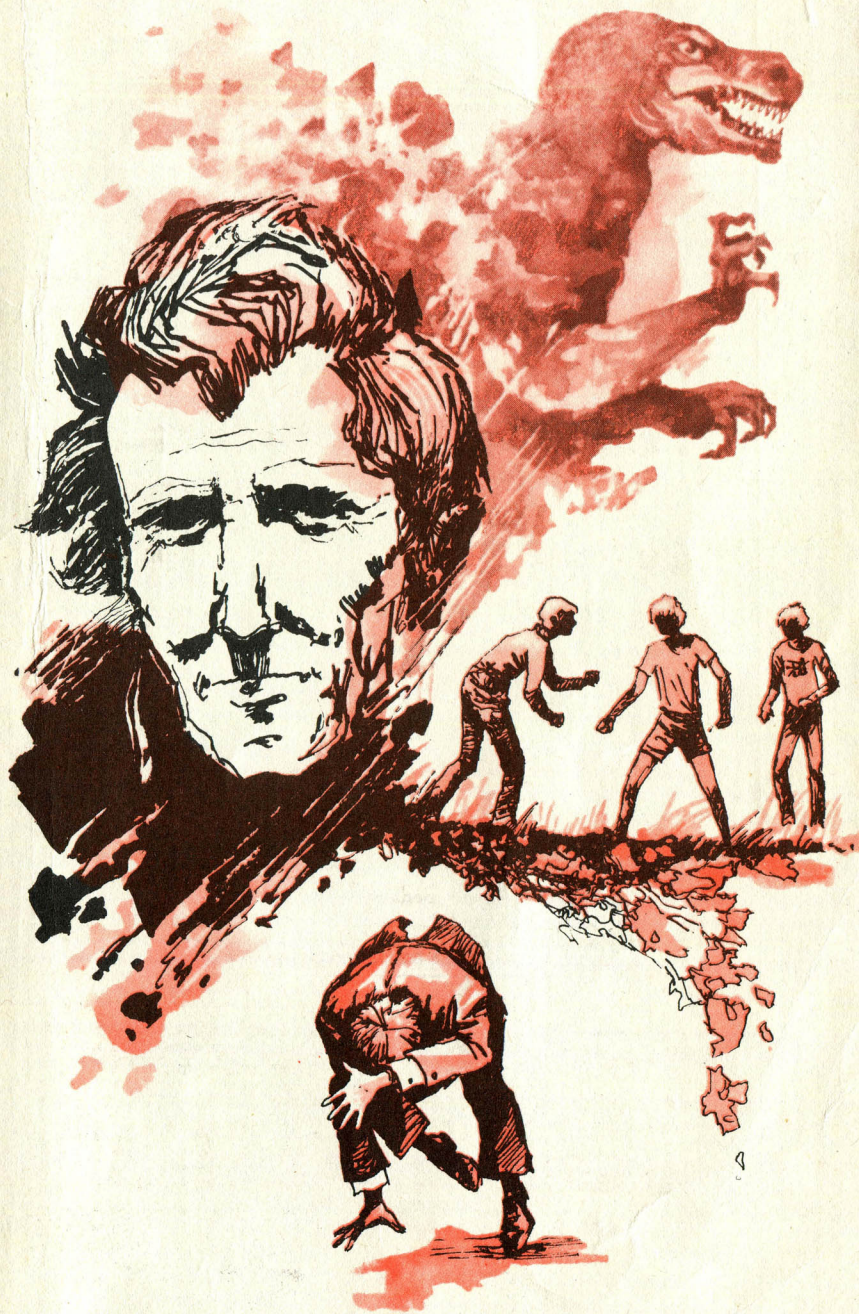
Технический редактор А. БУГРОВА

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 15.07.85. Подписано в печать 15.08.85. А00864.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 275 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 1433.**

© «Искатель», 1985 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Суцневская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

Леонид ПАНАСЕНКО.

Михаил ПУХОВ

Владимир МИХАНОВСКИЙ

Богомил РАЙНОВ

Цена 60 коп.

